

Ульяна Михальцова

До печати

Ульяна Михальцова

До печати

«Автор»

2026

Михальцова У.

До печати / У. Михальцова — «Автор», 2026

Однажды Миранда Васнецова, простая девушка, работающая в машинописном бюро, решает самостоятельно написать роман и делает это, несмотря на неугомонную подругу, влюбленного в соседку брата, настойчивого и нелюбимого жениха и массу веселых приключений с ними всеми. Миранда общается со своими персонажами, а в реальной жизни встречает виолончелиста Константина Павлова, который невероятно похож на героя первого романа начинающей писательницы.

© Михальцова У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	18
Глава 4.	23
Глава 5.	25
Глава 6.	31
Глава 7.	37
Глава 8.	40
Глава 9.	44
Глава 10.	46
Глава 11.	50
Глава 12.	54
Глава 13.	59
Глава 14.	61
Глава 15.	65
Глава 16.	69
Глава 17.	72
Глава 18.	77
Глава 19.	81
Глава 20.	88
Глава 21.	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ульяна Михальцова

До печати

Глава 1.

Окно маленькой комнаты, тесно заставленной разновозрастной мебелью, было распахнуто настежь. Ветер играл занавесками, то раздувая их парусами, то утягивая за собой на улицу.

На дворе стоял май. Жаркий душный, цветущий май. Поднявшийся ветер нёс в комнату пыль улицы и пыльцу каштана.

Лист писчей бумаги застрял в барабане печатной машинки. Вооружившись перочинным ножом, Миранда старалась аккуратно поддеть упрямый металл и вытащить застрявший лист. Наконец-то ей это удалось. Она вставила лист заново, предварительно разровняв его. Приходилось экономно расходовать бумагу, которой оставалось мало, а не перепечатанных рукописей ещё много.

– И почему все эти романы всегда про любовь?! – с досадой в голосе негромко вопрошала Миранда, обращаясь то ли к испорченному листу, то ли к печатной машинке.

Сама она была чужда романтики, но ей в перепечатку неизменно доставались любовные романы.

– Это тебе в наказание за экстравагантное имя, – шутила подружка Лена, работавшая в том же печатном бюро.

Лене всегда доставались рукописи про шпионов, над которыми она громко хохотала. В бюро считалась рабочей версия, что директору так нравится смех Лены, что он отдаёт ей в работу только такие романы.

На самом деле в них было очень мало смешного, но, по мнению Лены, всё было настолько нелепо, что постоянно вызывало у неё ничем не сдерживаемый смех. Первое время она пыталась зачитывать особенно насмешившие её куски текста, но оказалось, что они производят такое яркое впечатление только на Лену, а на всех остальных производит впечатление только смех самой Лены. Все в бюро уже привыкли работать в ожидании её переливчатого хохота и грустили, если роман оказывался без достаточного количества нелепостей.

Сейчас Миранде больше всего не хватало именно этого: Лены и её смеха. Но сегодня был выходной, Миранда взяла работу на дом и отчаянно страдала от старости своей печатной машинки.

Свидание с Колей, назначенное на сегодня, пришлось отменить. Миранда сделала это совершенно без сожаления, но изобразила огорчение, чтобы не обидеть и не оттолкнуть Колю. Встречались они уже два года. Коля водил её в кафе и на киносеансы, галантно оплачивал проезд в трамвае и баночки с чернилами. Бумагу Миранда тайком, по десятку-другому таскала из бюро, ловко пряча их между листами журнала.

И вот сегодня Миранда решила написать роман. Большой, настоящий, серьёзный и непременно лишённый любовной романтики. Чем больше она перепечатывала тексты любовных романов, тем больше проникалась безразличным отношением к ним, презрением к их авторам и убеждённой уверенностью, что даже она, Миранда, сможет написать лучше и интереснее.

Пока получалось не очень. Исписанных чернилами черновиков было много, а стоящего – ничего.

Вставив новый лист, Миранда вернулась к неразборчивому почерку очередного романиста. Там главный герой кормил свою подругу свежей выпечкой, сыром с плесенью и поил красным вином. Голодная Миранда невольно слотнула и покосилась на блюдо, стоящее на столе.

Надкусанный ломтик батона с засохшим сыром не вызывал аппетита. Потом в тексте началось приторно-сладкое признание в любви.

– Опять любовь! Неужели нельзя без неё? – невольно вырвалось у Миранды.

– Любовь или смерть – выбор всегда за тобой! – патетически произнёс молодой человек, размашистым шагом вошедший в комнату, бесцеремонно взял с блюда остатки бутерброда и отправил их себе в рот.

– А, это ты, Виктор. Чего так рано вернулся? – спросила Миранда, не отрываясь от печатанья.

– Да опасался, что ты все бутерброды без меня съешь, – ответил молодой человек, плюхнувшись на скрипучий диван, стоящий справа от письменного стола.

– Как же ты узнал о существовании бутербродов? – спросила Миранда, не глядя на собеседника.

– Дедукция, милая. Дедукция. Или ты не знаешь, как это обычно бывает в детективных романах?

– К сожалению, не знаю. Детективы мне наш князь Облонский не доверяет.

– Князь Облонский? Это кто такой? – заинтересовался Виктор.

– Это наш директор, Фёдор Игнатьевич Яблонский. Мы его князем Облонским зовём, – сухо объяснила Миранда. – Это Калымакина Лена так придумала, и все подхватили.

– Он ещё не прознал, что вы дали ему такое прозвище? – усмехнулся Виктор.

– Ещё нет. Но рано или поздно это произойдёт.

– Дедукция?

– Она самая.

– Вот видишь, если появляется какая-то преступная интрига, то сразу становится интереснее. Так и с твоими романами. Нужна интрига, любовная или преступная, а ещё лучше, если кого-то убьют. Тогда будет интересно узнать, кто же убийца. Любовь или смерть! – пафосно завершил Виктор.

– Но почему именно мне всегда достаётся про любовь? Я бы лучше детективы печатала, – вздохнув и наконец-то оторвавшись от печатной машинки, сказала Миранда, повернувшись к Виктору.

– Я думаю, что ваш Яблонский тебе симпатизирует и хочет направить тебя на соответствующее русло.

– Меня? На русло? У этого яблочка веточки не доросли! – фыркнула Миранда.

– Или переросли? – уточнил Виктор. – Ему сколько? Сильно за сорок?

– Сильно. Сорок два с половиной, – ответила она и вернулась к работе.

– Какая точность! – восхитился Виктор.

– У нас дни рождения рядом. Он старше меня на пятнадцать лет, но младше на пятнадцать дней, – бесстрастно ответила Миранда, сосредоточившись на печатании.

– Забавно, – усмехнулся Виктор. – Используй это в своём романе.

– О чём ты? – вспыхнула Миранда и быстро повернулась к Виктору. – В каком таком романе?

– Который ты пишешь?

– Я? Пишу? С чего ты взял?

– Дедукция, милая сестричка! Дедукция!

– Иди уже лучше своей индукцией занимайся, – быстро взяв себя в руки, заявила Миранда, вернув внимание печатной машинке. – У тебя завтра экзамен.

– Ошибаешься. Завтра у меня всего лишь зачёт, и я к нему полностью готов. Знаешь, я хочу перевестись на психологический.

– Зачем это? И кто тебя туда пустит?

– Ты права. Перевестись будет сложно, но бросать физику и поступать заново, потеряв три года, совсем не хочется. Но мне это надо. Понимаешь, я чувствую в себе способности.

– Не первый раз. Если ты будешь постоянно идти следом за своими способностями, то мы тебя с дипломом никогда не увидим.

– Я не был бы в этом так уверен.

– Это потому, что ты ещё психологический не окончил.

– Ты тоже.

– А мне он и не нужен. Я тебя и так насквозь вижу.

– Ты за мной подглядываешь?

Миранда оторвалась от печатной машинки, посмотрела на брата вопросительно и сказала пренебрежительным тоном:

– Кому ты надо?!

– Я всегда был уверен в твоей порядочности и не любопытности. Ты не сестра, а просто клад. Займи мне десятку до двадцать второго, а?

– Так вот, зачем ты пришёл ко мне бутерброды доедать. Нет, не дам.

– Почему?

– А нет у меня десятки, родной. Даже пятёрки нет. Поэтому и выстукиваю здесь эту ерунду, чтобы лишнюю десятку заработать.

– Вот, ты же сама сказала «лишнюю»! А мне она очень нужна.

– Это такая фигура речи, братишка, – бесстрастно прокомментировала Миранда.

– Понимаю, – протянул Виктор. – Значит, не поможешь. А Коля твой? Ты же встречаешься с ним сегодня?

– Сегодня – нет. Сегодня у меня «Пламенная страсть», что бы это ни значило.

– Где ваш Яблонский таких авторов берёт? От таких названий скулы сводит.

– Это у нас с тобой семейное. А читателям нравится.

– Читательницам, я бы сказал.

– Ты прав. А какое название тебя могло бы заинтересовать?

– Дай подумать, – сказал Виктор, растянувшись на диване. – «Опасность на лезвии ножа» или «Вражеский удар».

– То есть ты предпочитаешь смерть, а не любовь.

– Не совсем. Отношения с женщиной у главного героя всё же должны быть. И пусть это будет вульгарная блондинка.

– Почему обязательно вульгарная? – усмехнулась Миранда.

– Понимаешь, мама постоянно твердит, что я должен общаться только с порядочными девушками. А я же послушный сын, ты же знаешь.

Миранда только улыбнулась его словам.

– Но иногда так хочется познакомиться и пообщаться с какой-нибудь развратной женщиной, – продолжал Виктор мечтательно, но потом спохватился: – В чисто исследовательских интересах.

– Думаю, тебе ещё представится такая возможность. Только глубоко в исследования не уходи, а то мы тебя потеряем.

– И ты будешь грустить обо мне?

– Я? Грустить? С чего бы? Я порадуюсь, что никто больше не будет подъедать мои бутерброды, и вообще тогда всё наследство родителей достанется мне одной.

– Ты про старый папкин двухколёсный драндулет? Да, хорошее наследство. Стоило бы за него побороться, но я поступлю благородно и уступлю его тебе.

– Ты бесконечно великодушен.

– Это даётся мне нелегко.

– Ты ещё долго будешь мне тут периферийное зрение мозолить? Мне работать нужно.

– А разве я тебе мешаю?

– Отвлекаешь. Не даёшь сосредоточиться. А мне нужно сегодня эту муру закончить. У тебя, случайно, бумаги писчей не найдётся?

– Ты же мне сама дала на курсовой проект, а теперь забрать хочешь?

– Я через пару дней тебе ещё принесу, а сейчас мне самой бумага нужна. Видишь, сколько ещё печатать?

– «Он обнял её за тонкую талию и прижал к себе. Её дыхание стало прерывистым, зрачки увеличились, рот приоткрылся», – начал зачитывать Виктор с рукописного листа. – Фу, какая гадость. Как ты это терпишь? Завидуешь, небось?

– Кому? – Миранда перестала печатать и с изумлением посмотрела на брата.

– Романисту этому, конечно. Не девушке же, – усмехнулся Виктор. – Талия у тебя и самой тонкая, как и ты вся, даже слишком. Коля твой тебя наверняка тоже за неё обнимает, отчего зрачки твои увеличиваются, рот приоткрывается, а дыхание становится прерывистым. Или я неправ, и ты всегда дышишь ровно?

– У меня есть опасение, что ещё немножко, и твоё дыхание перестанет быть ровным от моего точного удара тебе под рёбра, – спокойно, но с ощутимой угрозой в голосе произнесла Миранда.

– Обожаю тебя дразнить, – ответил Виктор, встав с дивана и звонко чмокнув сестру в щеку. – Так, может, займёшь у своего Коли для меня десятку, а? Я готов подождать до завтра, а сегодня дома пересидеть.

– Ты мне угрожаешь остаться дома до конца дня? Ну уж нет!

Миранда встала, взяла свою сумочку с тумбочки, порылась в ней и, выудив монету, протянула брату.

– Вот тебе два рубля, – сказала она, – и чтоб до позднего вечера духа твоего здесь не было.

– Двух мне не хватит, – заканючил Виктор.

– Сделай так, чтоб хватило. Придумай что-нибудь.

– Тебя так легко уговорить.

– Ты ещё здесь? Выметайся немедленно.

– И оставить тебя наедине с «Пламенной страстью»?

Миранда швырнула в брата мягкую подушку с дивана.

– Я всегда знал, что на самом деле тебе все эти романы нравятся, – хохотнул Виктор, поймав подушку и подбрасывая её к потолку.

– Больше ни копейки от меня не получишь, – пригрозила Миранда.

– Тогда я навечно поселюсь на этом диване возле твоей печатной машинки, – ответил Виктор, положив подушку и улёгшись на диван.

– Да пожалуйста. Я завтра уйду на работу, и видеть тебя не буду.

– Нет, так неинтересно.

– Проваливай уже.

– Ладно, ухожу. Я сегодня безмерно добрый.

И он вышел из комнаты, чмокнув Миранду в щеку.

Следующие несколько минут Миранда молча печатала текст на машинке, не вникая в его содержание. Но её стала отвлекать влетевшая в окно оса, которая несколько раз пролетела у самого лица Миранды, а потом уселась на блюдце с крошками от бутерброда.

– Надеюсь, ты не будешь у меня деньги выпрашивать? – обратилась она к осе.

Затем взяла блюдце, встала из-за стола, подошла к распахнутому окну и смахнула осу с блюдца на улицу.

Ветер немного успокоился, занавески уже так не метались из стороны в сторону, но волосы Миранды упали ей на лицо. Она убрала их за ухо. Всмотрелась в происходящее на

улице. Невдалеке в песочнице под деревом играло несколько ребятшек, все в майках, шортах и похожих панамках – не разберёшь, кто из них мальчик, а кто девочка. Рядом с ними за столом два старичка играли в домино, эмоциональными выкриками сопровождая каждый свой ход. Дети на эти звуки не обращали никакого внимания. С другой стороны соседка вешала постиранное бельё на бельевую верёвку, закрепляя его прищепками, которыми было украшено её глубокое декольте.

– Вот это грудь, это я понимаю. Не то, что у некоторых, – вздохнула Миранда, опустив голову и с сожалением глянув на две скромные выпуклости, обтянутые ситцевой тканью её домашнего платья. – Я уж точно не героиня любовного романа.

– Ой, героиня, я тебе бумагу принёс, как ты просила, – послышался за спиной Миранды голос Виктора.

– Спасибо. Положи на стол.

– Здесь двадцать листов. Будешь должна мне с процентами.

– И в кого ты такой наглый?

– В прабабушку Сою! В какого же ещё?!

– Иди уже.

– Адью! – ответил Виктор и вышел из комнаты.

«Надо перестать разговаривать вслух», – подумала Миранда и вернулась к письменному столу. Печатать почему-то совсем расхотелось.

«Может быть, чаю заварить?» – спросила у себя самой Миранда и себе же ответила. – Так лимоны закончились, а без лимона невкусно. О, можно компот из алычи открыть».

Миранда прошла на кухню, зашла на балкон, нашла трёхлитровую банку компота, помыла банку под водой в умывальнике, вытерла полотенцем, поставила на стол. Нашла открывалку, но та оказалась сломана. Отложила в сторону пришедший в негодность инструмент, взяла нож и пробила им сперва одну дырку в жестяной крышке, затем другую, побольше, с противоположной стороны. Подставила чашку и налила компот. Отпила, распробовала, решила, что вкусно, и вместе с чашкой вернулась в комнату к печатной машинке.

Вкус алычи напомнил ей поездку на море, где хозяйка домика, в котором они снимали комнату, готовила вкусный компот из собственных ягод. Вот там, на берегу моря, под зонтиком, лёжа в купальнике на горячем песке даже она, Миранда, могла бы представить себя героиней романа. «Но что в таком случае должно с ней произойти? – размышляла Миранда. – Любовь или смерть?» Смерти ей очень не хотелось. Любовь казалась глупой. Ей вообще все влюблённые и все размышляющие о любви казались глупыми. Самой Миранде влюбиться не доводилось и её это несколько не огорчало. Напротив, она ощущала своё превосходство над окружающими, так легко подвластными этому бестолковому чувству. «Нет, быть героиней глупого романа неинтересно», – решила она. Но за каким героем ей было бы интересно наблюдать? На берегу моря тут же услужливо нарисовался красивый молодой человек. «Тьфу», – сплюнула она и мысленно стёрла эту картинку.

Представила себе горный перевал. Снег, ветер. Четвёрка людей в комбинезонах и с рюкзаками за спинами идут по снегу, преодолевая сильный ветер. Лицо одного из них, того, что идёт первым, она решила рассмотреть поближе. Будто кинокамерой с общего плана гор и чернеющими точками людей наехала на идущего впереди остальных. Шапка надвинута на брови, шарф закрывает нижнюю часть лица, защитные очки залеплены снегом. Шаг уверенный, движения тела говорят о хорошей физической подготовке.

Идут и идут, что дальше?

Мысленно Миранда организовала им привал. Вот уже расставлена палатка. Рядом разжигается костёр. Нужно увидеть лица этих сумасбродов, поднявшихся в горы. Вот этот главный уже без шапки, шарфа и очков. У него высокий прямой лоб, хорошо развитые надбровные дуги, тёмные волосы зачёсаны назад, густые тёмные брови, под которыми большие глубоко

посаженные глаза василькового цвета смотрят напряжённо и требовательно. На кого смотрят? О, на Миранду. Миранда в ответ уставилась на него, потом поморгала и нахально продолжила свой осмотр. Прямой нос, узкие губы и, конечно же, волевой подбородок. Куда без него? Мужчина оказался лет тридцати, высоким, худощавого, но крепкого телосложения. Он хотел быть с бородой. Требовательно смотрел на Миранду, разводил руки, указывая на то, что его окружает, и намекал хотя бы на небритость. Но Миранда не сдавалась и оставляла кожу его лица гладкой. Представленный герой сокрушённо махнул рукой и ушёл вверх по снежной тропке, обдав Миранду холодным воздухом и снегом.

Миранда очнулась. Она стояла в своей комнате, с чашкой компота в руках. В комнате было жарко и душно, несмотря на открытое настежь окно, но Миранда ощущала озноб. Чтобы прийти в себя, сделала несколько глотков компота, полностью проникаясь ощущением, что она здесь и сейчас находится у себя дома, перед ней печатная машинка, слева листы рукописи, справа напечатанные главы чужого романа. Последние два рубля она отдала Вите. Там ещё осталось пятьдесят копеек. Их хватит на проезд и обед в столовой.

– Какая скучная у меня жизнь, – снова вслух произнесла Миранда.

Перед её мысленным взором тут же услужливо нарисовался сердитый мужчина в комбинезоне – чёрной точкой на полотне заснеженного горного перевала.

«А что, если?..» – спросила у самой себя Миранда и потянулась за чернильницей.

Ровными строчками округлых красивых букв Миранда начала описывать увиденную картинку.

«В белоснежном пространстве горного перевала двигались четыре тёмные точки, соединённые тонкими нитями между собой. Сильный ветер бросал в этих четырёх путников густой крупный снег, залепливал стёкла защитных очков и не находил другого уязвимого места: люди были одеты в плотные комбинезоны, головы их закрыты капюшонами, руки – тёплыми перчатками, а лица наполовину спрятаны под шарфами.

Первым шёл...»

Здесь Миранда задумалась над именем главного героя.

– Как же его назвать? – спросила непонятно у кого Миранда.

«Василий – прекрасное имя», – мстительно прозвучало у неё в голове.

– Сначала появился, а потом просто отвернулся и ушёл. Очень подходящее имя для такого нахала! – воскликнула Миранда.

И перед её мысленным взором появилось мужское лицо с выражением крайнего неодобрения.

«Тоже мне Чеширский Кот! – мысленно фыркнула Миранда. – Хотя... кот Василий – очень даже кстати».

Мужское лицо ответило ей суровым взглядом из-под густых тёмных бровей.

«Не хочешь быть Василием?» – спросила Миранда у него.

Он помотал головой из стороны в сторону.

«Ладно, я сейчас подумаю», – примирительно сказала ему Миранда, и картинка исчезла.

Миранда стала перебирать в уме мужские имена, но все казались ей не подходящими.

«Может, пусть он будет иностранцем? – рассуждала она. – Например, Питером. Этакий уже повзрослевший любитель приключений – Питер Пен... кин, – рассмеялась Миранда своей шутке. – Нет, пожалуй, юмористический роман я пока не потяну, хотя фраза «Питер Пенкий погибает в горах» мне очень даже нравится, только, как её использовать, непонятно».

— Эй, товарищ, – обратилась Миранда к воздуху в комнате, – ты согласен быть Питером?

Ничего не происходило.

– Обещаю придумать тебе другую фамилию, – подкорректировала своё предложение Миранда. – Питер О'Нил, например, а? Хорошо звучит.

«Только я ничего не понимаю в иностранцах», – сокрушённо подумала Миранда и ещё больше пришла в замешательство оттого, что дальше первого абзаца так и не продвинулась.

Суровый мужчина в комбинезоне так и не появлялся.

Миранда глубоко вздохнула, встряхнула волосы, отложила свой рукописный лист и взялась за рукописи того, кто явно лучше неё знал, как написать двести листов вполне связного текста.

В окна светило жаркое солнце, ветер продолжал играть занавесками, крошки на блюде то и дело цепляли взгляд Миранды, когда она брала очередной лист для печати, напоминая, что скоро время обеда и не мешало бы что-то приготовить. Тишину комнаты нарушало только мерное дыхание Миранды и звук стучащей печатной машинки.

Вдруг руки Миранды замерли над клавишами, взгляд упёрся в репродукцию картины Васнецова «Богатыри», висящую на стене. И комнату всполошил громкий возглас Миранды:

– Грэг! Его должны звать Грэгом! Это именно то, что надо!

Минуты полторы Миранда сидела и улыбалась, рассеянно глядя куда-то в пространство.

Где-то на заснеженном горном перевале суровый мужчина в комбинезоне и защитных очках улыбался под шарфом в бороду и усы. Миранда потерпела своё первое поражение, признав, что у Грэга обязательно должна быть хотя бы небольшая бородка.

«Первым шёл Грэг Нильсон. Это он организовал экспедицию, давно мечтая осуществить переход через горный хребет. Ему нужна была команда, и он с лёгкостью набрал её из числа коллег в университете. Ими стали его давний друг Эдвин Линдквист – коренастый рыжеволосый химик, Хельга Норберг – молодая крупная, крепкая блондинка с кафедры «Анатомии и физиологии человека», и Мелина Фальк – маленькая худощавая русоволосая аспирантка Эдвина. Ей было очень неудобно находиться одновременно в двух очках: одни защищали её лицо от безжалостного снега, вторые позволяли видеть не только очертания людей и предметов, но и вполне сносно их самих. Несмотря на эти и другие сложности, она с готовностью отправилась в трудный поход, чтобы иметь возможность пообщаться с Эдвином в непринуждённой обстановке. Все, кроме Эдвина, это прекрасно понимали.

В связке Грэг шёл первым, за ним была Хельга, затем Мелина, а завершал четвёрку Эдвин. Он был рад, что наконец-то у него есть возможность проявить свои мужские качества вдали от всепроникающей опеки его дорогой мамочки.

Эдвин был единственным и довольно поздним ребёнком. Отец его работал в строительной компании весьма успешно, что позволяло фру Линдквист полностью погрузиться в вопросы воспитания единственного сына. Она старательно душила его своей заботой, отчего он уехал в университет, максимально удалённый от дома, и поступил на факультет, совершенно несоответствующий его интересам, но позволяющий со временем попасть в закрытую лабораторию, проникновение в которую даже для всепроникающей фру Линдквист оказалось бы проблематичным. Почти так всё и произошло. Но недавно дорогая мама поселилась поблизости и стала навещать Эдвина каждые выходные, поэтому он был просто счастлив, когда Грэг предложил ему двухнедельное отсутствие в городе по уважительной причине.

«Две недели на свободе! – твердил себе Эдвин. – Две недели предоставлен самому себе!»

Его не смущали ни снег, ни ветер, ни неудобства пути, ни присутствие и странные долгие взгляды Мелины, ни насмешки Хельги. Мамы нет рядом – вот всё, что было нужно Эдвиному, и он это получил.»

«Не слишком ли я увлеклась другим персонажем?» – задумалась Миранда.

Пару лет назад она перепечатывала очередной роман, часть действия которого происходила в Швеции. Сейчас ей это очень пригодилось хотя бы для того, чтобы не рыться в справочнике и не выискивать подходящие имена. Эти как-то сами всплыли у неё в голове. Она не была уверена в правильности их произношения и написания, но простила себе это, решив, что в данный момент это не главное.

«А Эдвин ничего такой, – улыбнулась сама себе Миранда. – Я даже вижу его всклокоченные вьющиеся непослушные волосы, светлые брови и ресницы, из-за чего его лицо всегда выглядит каким-то беспомощным и потерянным, а очень светлые голубые глаза только усиливают это впечатление. Губы у него полные, нос немного припухлый. Борода почти не растёт, так только что-то невразумительное, из-за чего он старательно бреется каждое утро, а сейчас рад, что его лицо скрыто под толстым шарфом. Ах да, – увлеклась Миранда, – и пусть уши у него будут лопухие. Такой только Мелине и мог бы понравиться».

Миранда, довольная собой, откинулась на спинку стула, закинула руки за голову и мечтательно уставилась в потолок. Он был таким же белым, как придуманный ею заснеженный перевал.

Глава 2.

Следующие два часа она спокойно печатала на машинке и умиротворенно улыбалась, позабыв про намеренье приготовить обед и вообще не ощущая голода. Никогда прежде ей не печаталось так легко. Глаза видели текст, руки переводили его посредством печатной машинки на листы бумаги, ни разу их не зажевав, что нисколько не удивило Миранду, потому что мыслями она была вся где-то на пограничье. Её зрение позволяло видеть ей не только буквы, сложенные в слова, и слова в определенной последовательности со знаками препинания, не только обстановку комнаты и собственные руки, но и где-то вверху слева, в промежутке пространства между куцей медной люстрой и антресолями шкафа безостановочную трансляцию перехода через заснеженный перевал: четыре точки упрямо двигались по заснеженному склону. Они просто шли и шли. Тем самым наполняя Миранду спокойствием и умиротворением. Больше ничего не происходило. Миранду ничего не беспокоило, и она набирала текст лист за листом. Пока в дверь не постучали.

Это оказалась соседка, тетя Клава. У них в квартире, хорошо и дорого обставленной, у одних из всего подъезда был телефон. В случае крайней необходимости позволялось предоставить номер их телефона, чтобы можно было связаться с кем-то проживающим в подъезде.

– Миранда, тебе звонят.

– Ой, спасибо, тетя Клава, – благодарно закивала Миранда, переобуваясь и закрывая входную дверь, параллельно размышляя, кто же может звонить ей в такое время.

Звонившим оказалась подруга и коллега: Калымакина Лена.

– Слушай, у меня ЧП! Срочно приезжай! – возвестила она.

– Что случилось? – спросила встревоженная Миранда.

– Кругом шпионы. Не могу говорить об этом по телефону, – заговорщицким голосом ответила Лена.

– Калымакина, прекрати это! – потребовала Миранда, не поддерживая предложенную игру.

– Ну, чего ты сразу? Уже и пошутить нельзя.

– Ты Белецким позвонила, чтобы пошутить?

– Тетя Клава прекрасный человек и всегда рада меня видеть.

– Вот именно, Лена, видеть – на лестничной площадке нашего дома, чтобы вежливо с тобой поздороваться и спросить, как поживает твой дядя Рома, двоюродный брат её стоматолога, – прошипела в трубку Миранда. – Что у тебя случилось? – тут же добавила она, не дав подруге продолжить тему дядей и стоматологов.

– Я нашла дедов револьвер, – совершенно буднично сообщила Лена.

– Что? – опешила Миранда.

– Да-да, я обнаружила огнестрельное оружие и патроны к нему, – скучающим тоном произнесла Лена. – Теперь ты понимаешь, насколько всё серьезно? Меня с ними наедине оставлять нельзя. Я что угодно учудить могу, ты же меня знаешь.

– Да, знаю, – вздохнула Миранда. – Ты что, одна дома?

– Одна. Еще часов пять буду дома одна. Пять часов опасности и риска. Теперь ты меня понимаешь?

– Слишком хорошо понимаю. Ты перечиталась шпионских и детективных романов.

– Вот. Ты понимаешь меня, как никто другой.

– А ты не можешь просто положить револьвер на место и забыть о нём? – с надеждой в голосе спросила Миранда и поспешила добавить: – Хотя бы на ближайшие пять часов?

– Я уже два часа с ним наедине провела. Мы отстреливались от внезапно нагрянувших грабителей, подстреливали шпионов, прячущихся в кустах, охотились за воробьями и даже стреляли по воображаемым банкам, стоящим на заборе.

– Банкам? Воображаемым? – решила уточнить Миранда. – А всё остальное было не воображаемое?

– Миранда, деточка, ты скоро закончишь? – появилась из смежной комнаты тётя Клава. – Мне скоро должны позвонить.

– Сейчас-сейчас, еще минутку, очень важное дело, нужно сперва разобраться, а потом предпринимать дальнейшие шаги, – с самым серьезным и обеспокоенным видом ответила соседке Миранда.

– Ещё минуту, пожалуй, можно, – благосклонно позволила тетя Клава, демонстративно посмотрев на часы, и добавила, – но не больше.

– Слышишь, Ленка, ты жива там еще? – вернулась Миранда к телефонному разговору.

– Еще жива, но осталось недолго. Я уже патроны в барабан сумела впихнуть, теперь сижу в кресле у зеркала, приставив дуло револьвера к виску. До этого пыталась в рот его засунуть и под подбородок подставить – некрасиво и неудобно было. К виску – самое то.

– Я сейчас приеду! – сказала Миранда и бросила трубку. – Спасибо, тётя Клава, вы просто клад! – крикнула она соседке и поспешила к себе домой.

Вбежав в квартиру, она взяла с полки в прихожей ключ от сарая, посмотрела на себя в зеркало, наспех причесала волосы, решила, что переодеваться большой необходимости нет. Оставила записку: «Я у Лены. Ключи от сарая у дяди Славы». Закрыла квартиру снаружи и выбежала во двор. Открыв сарай, выволокла из него повывавший много бездорожья в зной, дождь и ветер велосипед, закрыла сарай, постучала в окно кухни на первом этаже. Оттуда через пару минут выглянуло несколько опухшее лицо мужчины средних лет.

– Можно я у вас ключи оставлю? – обратилась Миранда к нему, скорее, для того, чтобы соблюсти формальности разговора, чем получить разрешение.

– Оставляй, конечно, я куда-то не собираюсь, – пыхнул на Миранду крепким перегаром сосед.

– Спасибо, – бросила Миранда, передавая тому ключи и стараясь не дышать.

Через двадцать минут она была у двери Ленкиной квартиры. Отдышалась немного и позвонила. Двери ей никто не открывал. Она нетерпеливо дважды нажала кнопку звонка. Прошло еще две минуты, но ничего не происходило. Глубоко вздохнув, Миранда отстучала по двери начало «Траурного марша» Шопена. Спустя минуту дверь приоткрылась. Через цепочку в узком промежутке между дверью и дверным косяком показалось недоверчивое лицо Лены:

– Ты одна?

– Нет, с бригадой из психушки, – нетерпеливо ответила Миранда, рассерженно глядя на подругу, и требовательно добавила: – Открывай уже. Ненавижу эти твои выкрутасы.

Дверь обиженно захлопнулась. Миранда терпеливо ждала. Через две минуты терпение её было вознаграждено: дверь широко открылась, впуская Миранду в квартиру и в радостные объятия Лены.

– Я так тебя ждала! – с ошалелым видом набросилась подруга на Миранду, сбивая её с ног. – Разувайся и проходи на кухню. Я уже чай заварила. Твой любимый, с лимоном.

– Я думала, мы стреляться будем, – разочарованно протянула Миранда, разуваясь в прихожей. – А где мои любимые тапочки?

– Маркиз погрыз, – крикнула Лена, не выглядывая из кухни.

– Выбросили? – спросила Миранда, зайдя на кухню и удивленным взглядом наткнувшись на красиво сервированный стол, заставленный разными вкусностями.

– Пришлось, – буркнула Лена. – И так тепло. Без тапочек перебежься, – заулыбалась она, облизывая ложку с вишневым вареньем.

– По какому случаю пир? – поинтересовалась Миранда, откусывая кусочек песочного печенья.

– Так вот поэтому ж! – торжественно сообщила Лена, поднимая жестяную крышку с большого блюда.

На блюде лежал настоящий револьвер.

– Ёлки-палки, маков цвет! – только и смогла прокомментировать Миранда, дожевывая печенье.

– Так мой дедушка говорит, – смотрела на Миранду с улыбкой Лена.

– Так и я ж о нём, – не отводила глаз от револьвера Миранда.

– Красивый, да?

– Кто? Дедушка?

– Револьвер! – стукнула Лена Миранду по лбу кончиком ложки.

– Я не нахожу в огнестрельном оружии ничего красивого, – сказала Миранда скучающим тоном и потянулась за еще одним печеньем. – Варенье можно взять или ты сама всё съешь?

– Бери! Для тебя старалась. Вазочку хрустальную из буфета достала. Мама её только по большим праздникам разрешает брать.

– А у нас сегодня праздник? – удивилась Миранда.

– Скучный ты человек, Васнецова! – разочарованно произнесла Лена. – Даже вид настоящего оружия тебя не возбуждает. Ты только представь, какая у него может быть история! – мечтательно добавила она.

– Тем более в твоих руках, – поддержала её Миранда. – Представляю себе! Чай вкусный! Спасибо!

– Вот! Стараешься для неё, стараешься, а она только чаю и варенью радоваться способна.

– Ну, почему же, – не согласилась Миранда. – Я еще бутерброды с сыром люблю. У тебя сыра случайно нет?

– То есть печенья с вишневым вареньем тебе уже мало?

– Я просто пообедала сегодня, кажется, забыла.

– Ты? Забыла пообедать? Васнецова, я тебя не узнаю. Это точно ты? Ну-ка, как мы называем нашего директора за глаза?

– Князь Облонский, – ответила Миранда, присёрбывая чай из красивой керамической чашки, видимо, из старинного чайного сервиза, которым родители Лены практически никогда не пользовались.

– Нет, это слишком легко. Это любой мог узнать. А что мне подарил Вадик на прошлый день рождения?

– Я ещё и все твои подарки должна помнить, что ли? – смакуя варенье и облизывая сладкие губы, спросила Миранда.

Лена схватила револьвер, направила его на подругу, держа оружие в вытянутых руках, и изменившимся голосом произнесла, приняв самый воинственный вид:

– Быстро отвечай или тебе конец!

– Слушай, Калымакина, давай втихаря от Облонского поменяемся, и я буду детективные романы печатать, а ты любовные, а? Печенье мама твоя пекла? Очень вкусное.

– Какая же ты скучная прожора, Васнецова, – разочарованно плюхнулась на стул Лена и стала крутить на пальце револьвер.

– Ты поосторожней с ним, – встревожилась Миранда. – Он еще заряжен?

– Конечно! Постреляем, а? А то я сама боюсь! Ещё убьюсь ненароком.

– А со мной вместе ты убиться не боишься, – пробурчала Миранда, допивая чай.

– С тобой спокойнее, да. В случае чего ты хотя бы врача на помощь позовешь.

– Может, давай сразу врача позовем? Из психиатрической, – предложила Миранда.

– Да чего ты? Тебе же весело со мной! – почти обиделась Лена.

– Весело – обхохочешься! – возразила Миранда. – Я, между прочим, работу на дом взяла. У меня там еще сорок листов мельчайшим почерком. Глаза сломать можно. Хорошо, что у меня зрение хорошее.

– Зрение у тебя хорошее, Васнецова, а вот чувства юмора нет, – осуждающим тоном заявила Лена, взяв хрустальную вазочку. – Варенье я доем сама. Зря для тебя так старалась.

– Артистка ты, Калымакина. Не ту профессию выбрала.

– Это не я её, это она меня выбрала. От судьбы не уйдешь. Остаётся только застрелиться, – и она театрально поднесла револьвер к виску, закрыла глаза и изобразила страдальческую мину.

– Аплодисменты. Занавес. Зрители в восторге, – захлопала Миранда.

Лена встала, поклонилась, положила револьвер на блюдо, закрыла его крышкой, взяла печенье, откусила и будничным тоном произнесла:

– А меня Вадик бросил.

Миранда, сидевшая боком к подруге, развернулась к ней всем телом, положила скрещенные ладони на стол, подалась вперед и серьезно сказала:

– Я так и знала, что дело не в револьвере. Когда?

– Вчера вечером, – прошамкала Лена, запихивая в рот третье печенье.

– Переживаешь?

– Неа, – не прекращая жевать, ответила подруга. – Просто застрелиться хочется.

– Понимаю, – сказала Миранда, невидящим взглядом шаря по кухне. – Вернее, совершенно не понимаю, как такое может быть, но мне очень жаль, что так сложилось и что тебе плохо.

– Да мне хорошо! – чрезмерно радостно вскрикнула Лена. – Я все шкафы перерыла. Водку искала. Водку не нашла, зато нашла револьвер! Это даже лучше!

– Почему ты вчера мне не позвонила?

– Я надеялась, что к утру он передумает и придет. Я даже сама ему позвонила. Полчаса вокруг телефонной будки, как потерявшая след хозяина собачка, топталась, а потом решилась и позвонила. Ответила его мама. Ну, ты знаешь, она такая обходительная всегда. Говорит мне, значит: «Леночка, дорогая, Вадик больше не расположен продолжать знакомство с Вами». Она всегда, когда хочет поставить человека на место, расположенное значительно ниже её собственного, обращается к нему на «Вы» и становится чрезмерно вежливой. Аж противно! И я поняла, что это всё!

Лена потянулась за очередным печеньем, но потом положила ладонь другой руки себе на живот, глубоко вздохнула, махнула рукой и отправила печенье себе в рот целиком.

– Как думаешь, – шамкала Лена, – если я застрелюсь, Вадик будет сожалеть?

– Что вообще познакомился с тобой? Конечно! Для этого и стреляться не обязательно – он уже сожалеет, – уверенно заявила Миранда.

– Ты умеешь поддержать, подруга.

– Обращайся. Для тебя – всегда!

И они обе расхохотались.

– Вот я знала, что именно ты не будешь охать и ахать, – начала, отсмеявшись, Лена и потом продолжила, – а быстро приведешь меня в чувства, как никто другой. Он подлец, правда?

– Несомненно.

– Но красивый. И родители в университете работают.

– Тебе туда уже не поступить.

– Почему это?

– Яблонский тебя не отпустит.

– Ты права. Наш «патрон» единственный, кто предан мне всей душой.

- А как же я?
 - Ты легко предашь меня за баночку вишневого варенья.
 - В пронительности тебе не откажешь. Ты уже всё съела или поделишься всё-таки?
 - Почти всё. Сейчас еще положу.
 - Давай. Тут две печенки осталось. Доедим их, и домой поеду. Мне работать надо.
 - А мне что делать?
 - Твои скоро вернутся?
 - Часа через два.
 - Посуду помыть и всё по местам расставить – это минут пятнадцать у тебя займет. Хочешь, дам тебе свой велосипед покататься. Доедем до моего дома вместе, а потом ты по округе поездишь, нового Вадика себе найдешь. Только главное – велик верни.
 - Васнецова, мне двадцать пять лет! Что ты предлагаешь?! – деланно возмутилась Лена.
 - Двадцать пять – самое то. Не в сорок же тебе на велосипеде разъезжать.
 - А что? Думаешь, в сорок уже не смогу? – с вызовом спросила Лена.
 - Думаю, к сорока годам ты уже собственной лошадью обзаведешься и будешь на ней гарцевать по окрестностям.
 - Неплохой вариант! Мне нравится! – мечтательно произнесла Лена.
 - Но лошади для тебя у меня пока нет, а своего стального коня одолжить могу. Соглашайся.
 - Вот ты всегда знаешь ко мне подход.
 - А то!
 - Только сперва нужно тут всё в порядок привести.
 - Давай я тебе помогу. Но хрустальную вазочку мне не доверяй. Я за ценности семьи Калымакиных отвечать не собираюсь.
- Через полчаса Миранда постучала в окно кухни на первом этаже. Когда окно открылось, она протянула в него руку, держащую небольшой кулек.
- Это печенье, песочное, домашнее. Очень вкусное.
 - Спасибо, Мирандочка. Вот твои ключи, – снова пахнул на Миранду перегаром и плохим табаком сосед.
 - Спасибо, – ответила Миранда и подошла к подруге.
 - Как накатаешься, под моим окном в звонок позвони, – брякнув разок велосипедным звонком, сказала Миранда, – я услышу и спущусь.
 - Хорошо. Пока.
 - Пока.
- «И как я могла подумать, что скучно живу, когда у меня есть такая подружка, как Калымакина?» – удивилась сама себе Миранда и, улыбаясь, вернулась домой.

Глава 3.

«Так, теперь нужно прописать Грэга, – решила Миранда, сев за печатную машинку. – Себе-то я его уже представляю, пора бы представить его читателю. Но что делать с этой зефирно-помадной тягомотиной, которую нужно сегодня напечатать? – Миранда пролистала еще увесистую пачку исписанных мелким почерком листов. – Ладно, опишу Грэга и вернусь к работе».

«Грэг Нильсон в это время думал совсем о другом.

Еще прошлым летом он был жизнерадостным молодым мужчиной. Высокий, с хорошим телосложением, сильный и крепкий, быстрый и ловкий. Он был надеждой университетской футбольной команды. Им гордились родители, его любили девушки, но главное – он сам гордился собой и даже слыл себялюбцем. Было от чего. А потом это досадное падение. Сложный перелом бедра. Гипс и костыли. Ему, молодому, здоровому, успешному, вдруг стать беспомощным и слабым было невыносимо. Он не мог отнестись к этому с юмором. Восстановление стало слишком долгим. Характер успел испортиться, как и отношения со многими людьми. Взгляд стал колючим и отталкивающим.

Грэг шёл в этот поход, чтобы доказать самому себе, что всё позади, что ему всё под силу.

Возвращаться в команду он больше не хотел. Слишком легко и быстро ему нашли замену. Ни один футбольный матч он больше не посетил. Встречая кого-то из команды на территории университета, даже не здоровался, проходил мимо всё такой же гордый и себялюбивый, но уже не вызывающий восхищения. Отрастил бороду и усы. Волосы, раньше свободно спадающие на лоб и уши, теперь зачесывал назад. Он преподавал геологию. И, вернувшись после больницы в университет, поразил студентов, уже знающих его, заострившимся профилем, нетерпимой строгостью и хмурым видом. Хорошо учиться и тем более успешно сдавать экзамены у него стало очень сложно.

И вот наконец-то здесь в горах он почувствовал себя прежним: сильным, здоровым, свободным и счастливым.

Он наслаждался белым снегом, высотой, упрямым ветром, силой собственного тела, приближением цели. Перейти горный хребет, идти своими ногами по глубокому снегу, ощущать надежное плечо (позвоночник, тазобедренный сустав – добавил бы Грэг)...»

– Нет, пожалуй, это лишнее, – усмехнулась сама себе Миранда и зачеркнула слова в скобках.

«...ощущать надежное плечо друга...»

– Или надежные плечи друзей? – спросила Миранда, требовательно глядя на всех трёх богатырей на стене одновременно. – Нет, это что-то не то. Пусть будет одно плечо. Зачем нам много?!

«...вдохнуть морозный разряженный воздух – вот счастье! Сейчас он осуществляет свою мечту, уверенно идет сам и ведет за собой других.

Они как раз подошли к склону горы. Потребовалось время, чтобы поставить палатку и разжечь костер с подветренной стороны. Сухой спирт оказался весьма кстати: огонь быстро набирал силу.

Сидя в палатке с кружкой горячего чая в руках, он был похож на...»

– На кого же он может быть похож? – задалась вопросом Миранда. – Может, на «Сидящего Демона» Врубеля? Так тот кучерявый и чернявый. Мне не подходит. Шведы, вроде, светлые или рыжие должны быть. Рыжий швед у меня уже есть. Блондином Грэга делать я совершенно не хочу. Тогда откуда у него возьмутся темные волосы? О, может, он их красит? – бормотала себе под нос Миранда, нервно покусывая ногти. – Нет, так не пойдет. Пусть у него

будут чешские корни. А похож он будет на Роденовского «Мыслителя». Нет, стоп, - осекла сама себя Миранда. – Ты мыслишь шаблонами.

В этот момент перед ней снова появился Грэг, почти осязаемый, и Миранде показалось, что внутри неё сами собой зазвучали слова.

«...он был похож на счастливого ребенка, узнавшего, что уже завтра Новый год, и подарков от Деда Мороза осталось ждать совсем немного».

– *Погодите, кажется, у норвежцев нет Деда Мороза и даже Святого Николая нет, – встала из-за стола Миранда, подошла к книжному шкафу и старательно искала на полках нужный справочник. Но не нашла. – Вроде у них там какой-то гном со смешным именем подарки дарит. Ладно, потом уточню и впишу, – сказала Миранда и вернулась к столу.*

Исправила написанное:

«...он был похож на счастливого ребенка, узнавшего, что уже завтра Рождество, и подарков от гнома осталось ждать совсем недолго.

Девушки вскрывали консервы и делали бутерброды, обсуждая последние часы перехода. Эдвин делал какие-то пометки у себя в блокноте. Горячий чай заполнял теплом тело Грэга, а умиротворение – душу».

– Над последней фразой нужно еще подумать, – сообщила Миранда свое решение диванной подушке. – А сейчас пора взяться за работу. К этой четверке сумасбродов вернусь позже.

Но вернуться в этот день к собственным персонажам Миранде так и не удалось. Она сосредоточилась на работе. Время от времени в её мыслях возникал Грэг, а вслед за ним пытающаяся выследить и застрелить его из дедова револьвера подружка Лена. В такие моменты Миранда стряхивала ненужные мысли и еще усерднее печатала на машинке.

Закончить работу она успела как раз вовремя, к приезду родителей с дачи маминой подруги, куда родители ездили на выходные. Потом помогала матери готовить, терпела издевки пришедшего ровно к ужину Виктора и совершенно отвлеклась от собственного романа.

Проснувшись утром, она словила себя на ощущении, будто никакого романа и не было.

Придя на работу за десять минут до начала, она уже застала там свою подругу.

– Рада видеть тебя целой и невредимой, – поприветствовала она Лену.

– Я решила, что слишком важна для страны и партии, чтобы убиваться по каждому бесовестному мерзавцу, – ответила та.

– Не льстишь ли ты ему? – засомневалась Миранда. – Мне кажется, до мерзавца твой Вадик слегка не дотягивает.

– Ты права, – согласилась Лена, – не дотягивает. Но он уже никакой не мой, поэтому вполне позволительно разочек-другой назвать его мерзавцем.

– Гора пончиков на твоём столе свидетельствует о том, что ты еще переживаешь? А потом ты будешь тягать меня в парк на пробежки ни свет, ни заря, чтобы исправить последствия бурного разочарования в мужчинах?

– Нет, не буду. Я решила, что мне для красоты и пленительности не хватает объемов. Это на твоём фоне я толстуха, а сама по себе я Дюймовочка.

– Маленькая кругленькая Дюймовочка – такого персонажа у нас еще не было, – со смешком сказала Миранда, устраиваясь на своем рабочем месте.

– Да ладно! Думаешь, я не понимаю, к чему ты ведешь? – усмехнулась Лена. – Угощу я тебя пончиками, не беспокойся.

– Только угостишь? Я думала, что половина законно моя.

– Чего это?

– За прокат велосипеда.

– Это гены прабабушки Сони в тебе говорят?

– Они самые.

– Ну, прости, что я погнула тебе колесо. Я просто не вписалась...

– Кажется, ты очень хорошо вписалась в палисадник Никитиных. Это была спланированная акция?

– В какой-то мере, – уклончиво ответила Лена. – Твои сильно ругались?

– Мои сильно смеялись. Особенно Витька. А потом очень сожалел, что он этого не видел. Но мама уверена, что у тебя уже сегодня вечером будет новый кавалер, хоть Славик Никитин ей не нравится.

– А твоей маме вообще кто-нибудь нравится? – ехидно поинтересовалась Лена.

– Да, я и Витька, – радостно возвестила Миранда и надолго замолчала, потому что начался рабочий день и все в кабинете принялись усердно стучать на печатных машинках, заткнув уши берушами.

Приблизительно часа через два Миранда поняла, что что-то не так. Она вынула беруши, посмотрела на часы.

«Два часа прошло, а Ленка ни разу не смеялась», – подумала Миранда и внимательно посмотрела на подругу.

Во время печатания никто слышать залиvistый смех Лены не мог, но все знали, как он звучит, наслаждались им в перерывах, и отвлекаясь от работы, могли любоваться заражающей своим весельем и способностью смеяться над всем улыбающейся и содрогающейся от смеха Калымакиной.

Сейчас по сосредоточенному лицу Лены текли слезы.

– Только не это, – шепнула сама себе Миранда. Подошла к Лене, склонилась к ней и насмешливым тоном спросила: – Убитого персонажа оплакиваешь?

Лена вздрогнула, повернулась к Миранде, тыльной стороной ладони размазывая слезы по щекам.

– Чего? – непонимающе буркнула та.

– Что случилось? – спросила Миранда, подвигая Лену и присаживаясь к ней на стул. – Ты чего реवेशь?

– Я... я... – всхлипывала Лена, – я же его даже не любила.

– Кого? Вадика? – решила уточнить Миранда.

– Ну, да, – Лена платком вытерла размазанные по лицу слезы.

– Совсем не любила? – засомневалась Миранда.

– Почему? Влюблена была. Месяца три. А потом я решила, что однажды он предложит мне выйти за него замуж, и всё остальное время занималась планированием нашей дальнейшей жизни. Я уже детей в элитную школу устроила и дачу достраивала, а тут он мне говорит, что мы не подходим друг другу и нам нужно расстаться. Немедленно! А как же наши дети? О детях же он не подумал!

– Ммм... эээ... – Миранда не нашлась, что сказать.

– Дети ведь не виноваты, – заплаканные глаза Лены смотрели в упор на Миранду с душевнораздирающим отчаянием.

– А ты ему про детей говорила? – наконец-то нашла, что сказать, Миранда.

– Конечно! Много раз! Помню, мы на писательскую дачу его дедушки ездили. Мне там так понравилось, что я сразу с Иваном Федоровичем договорилась, что на всё лето мы с мальчиками будем приезжать к нему. Он очень обрадовался. От радости даже сливовой наливкой поперхнулся. Что теперь Вадик ему скажет?! – вопрошала Лена. – Мне так детей наших жалко!

– Слушай, Калымакина, я видела объявление, что завтра премьерный спектакль местного драматического кружка для трудящейся молодежи. Давай мы с тобой завтра к ним на премьеру пойдем, а потом попросим их главного взять тебя в труппу. Нельзя такому таланту пропадать.

– Ты о чём, Васнецова?

– Ты такая Артистка! Вот прям с большой буквы А – ар-тис-тка! – объясняла подруге Миранда. – У тебя твой талант в твою скучную жизнь не помещается. Хорошо, что тебя Вадик бросил. Ты теперь своё призвание найдешь.

– А как же ты? Как же наш князь Облонский? – растерялась Лена.

– А что ему, если ты уже не хохочешь, а плачешь. Проку с тебя никакого.

– Я печатаю хорошо! – возмутилась Лена.

– Тебя здесь не за это любят. Здесь все печатать умеют. Мы будем толпой к тебе на спектакли ходить. А я, может, даже на репетиции пару раз приду, чтоб сильно по тебе не скучать.

– Как легко ты со мной расстаешься, Васнецова! – упрекнула Миранду подруга.

– Ты же знаешь, я не чувствительная! Высморкайся, а то у тебя сопля из ноздри свисает. Можно я пончиком угощусь?

– Тебе лишь бы поесть, – бурчала Лена, вытирая нос. – Бери, сколько хочешь. Нет, забирай весь пакет. Мне только пару штук оставь.

Лена достала из выдвижного ящика блюдце, положила на него два пончика, потом, подумав, еще два, потом еще один, и только после этого вручила пакет Миранде.

– Спасибо, – присела Миранда в шуточном реверансе и с добычей вернулась на свое рабочее место, довольная, с аппетитом жуящая вкусный пончик.

Она вставила чистый лист в печатную машинку. Дожевала третий пончик, и вдруг вместо вкуса сладкого мягкого теста Миранде почудился вкус бутерброда с говяжьей тушенкой. Она оказалась в палатке. Там было тесно, тускло, но тепло. В воздухе резкий запах мяса соперничал с мягким и обволакивающим запахом травяного чая. Слова в голове Миранды сами складывались в предложения. Она лихорадочным взглядом осмотрела стол в поисках того, на чем и как она могла бы записать то, что само шло к ней, но ни карандаша, ни перьевой ручки и чернил поблизости не оказалось. Только чистый лист бумаги, заправленный в печатную машинку. И Миранда решила.

«Хельга, энергично пережевывая бутерброд, с интересом рассматривала Грэга. Прямой линией носа и разрезом больших глаз он напоминал ей плакат в столовой, вопрошающий каждого входящего: «А ты помыл руки перед едой?». Плакат этот рисовала невзрачная низкорослая девушка с блеклыми косичками из культ.массового сектора. «Может быть, она рисовала его с Грэга, - размышляла Хельга. – Он тоже обычно так же строго и с упреком на всех смотрит. Но вряд ли бы он стал ей позировать. И портретов его нигде на стендах я что-то не припомню. Неужели она так хорошо рисует? Надо будет спросить её при случае».

– Тушенка и хлеб, а как вкусно, да? – обратилась Хельга ко всем сразу.

– Да, на природе, да ещё в походе, в необычных условиях, после долгих переходов даже самая простая еда становится невероятно вкусной, – подтвердил Грэг.

– Нормально, да, – согласился Эдвин.

– Я обычно таким образом мясо из консервов не ем, – тонким тихим голосом сообщила Мелина, – тут жир застывший. Мне такое не очень нравится. Только выбирать не приходится, – вздохнув, закончила она свою мысль. Но встретив недоуменный взгляд Грэга, поспешила добавить: – Чай очень вкусный. Горячий. Это хорошо.

– Ты первый раз в таком походе? – поинтересовалась у Мелины Хельга.

– Я вообще в походе первый раз, – ответила та.

– Как это тебе удалось двадцать лет прожить и в походе не побывать? – усмехнулся Грэг. – Если бы знал, что ты такая неопытная в этом вопросе, поостерегся бы тебя в заснеженные горы брать.

Мелина покраснела и спрятала взгляд в чашку.

– Зато Хельга у нас опытная, – оторвался от своих записей и взял один из бутербродов Эдвин. – Что сложнее, пеший переход или скалолазание?

– Я привыкла лазать по скалам. Я это умею. У меня хорошо получается. Чем сложнее подъем, тем мне интереснее. Азарт. Риск. Адреналин. Поэтому переход, подобный нашему, для меня сложнее, – без деланной скромности ответила Хельга. – В нём тоже есть своя романтика, риск, адреналин, новые ощущения. Мне это интересно. Мне это нравится. Но физически, – она задумалась, – всё-таки переход сложнее. Особенно в такой ветер, как сегодня.

– Да, я думала, что меня снесет, – подхватила Мелина, – когда мы палатку ставили.

– Это из-за твоей небольшой массы тела, – объяснил Эдвин. – Ты лёгкая, в снег проваливаешься неглубоко, и держишься неустойчиво, вот порыв ветра и оказывается сильнее тебя.

– Женщине позволительно быть слабой, – тихо возразила Мелина.

– Но не в цепочке эволюции и не в условиях борьбы за выживание, а мы сейчас приближены к этим условиям, – высказала свое мнение Хельга.

– Не думаю, – не согласился Эдвин. – Мы просто идем по глубокому снегу на большой высоте при сильном ветре. Но еще несколько километров, и мы перейдем этот горный хребет, спустимся к вполне обитаемым местам, сядем в автобус и приедем домой. Да, порой нам нелегко выжить в сложившихся жизненных обстоятельствах, но наши доисторические предки над нашими современными трудностями просто бы посмеялись.

– Ты явно говоришь о чем-то своем, Эдвин, – вмешался Грэг. – Девушки, скорее всего, не очень тебя понимают.

– А ты понимаешь? – едва слышно спросила Мелина.

– Думаю, что понимаю, – ответил Грэг и обратился к Эдвину. – Я прав?

– Видимо, Грэг имеет в виду излишнюю властность и опеку моей матери, – обратился Эдвин ко всем сразу. – Тогда я вынужден признать его правоту. И заодно по-дружески хочу порекомендовать вам, девушки, потом, когда у вас будут собственные семьи, давать больше свободы своим детям. Чтобы они не сбегали от вас в горы. Мне было бы стыдно об этом говорить, если бы я не любил своих родителей, но я их очень люблю, ценю всё то, что они для меня делают. Я благодарный сын. Благодарный, но здравомыслящий.

– Своих детей ты будешь воспитывать иначе? – с колебаниями в высоте голоса спросила его Мелина.

Грэг и Хельга переглянулись и заулыбались.

– Вероятно. Много зависит от того, какая женщина будет со мной рядом. Еще одну властную и чрезмерно опекающую женщину я не потерплю.

– Ты стал таким уверенным в себе, Эдвин. Разряженный воздух хорошо на тебе сказывается, – подбодрил друга Грэг. – Надеюсь, это не пройдет, когда мы спустимся и вернемся к людям.

– Я тоже на это надеюсь, – усмехнулся Эдвин.

– И я, – пискнула Мелина.

– Давайте, ради компании и я буду надеяться на то же, – рассмеялась Хельга. – Последний бутерброд остался. Никто не будет? Тогда я возьму.»

Миранда вынырнула из палатки, взяла еще один пончик и в глубокой задумчивости сжевала его, стараясь всё же осознавать, что ест именно его.

Оглядевшись по сторонам и убедившись в том, что никто на неё не смотрит, она вынула заполненный печатными буквами лист из печатной машинки, добавила его к трем предыдущим, ловко спрятала их и еще с десяток чистых листов между страниц журнала, а журнал положила в сумку. Выдохнула. Вставила чистый лист в машинку и продолжила работать.

Глава 4.

Весь обеденный перерыв Миранда обсуждала со своей подругой Леной спектр ролей, которые мог бы предложить ей провинциальный театральный кружок. И сошлись на том, что первое время ей придется играть то, что дадут, чтобы проявить себя в достаточной мере, а потом уже можно требовать, чтобы роль написали специально для неё, вернее, для неуёмного дарования Лены, иначе она там долго не задержится.

Вечером сразу после работы они поспешили в Дом культуры за билетами на завтрашний спектакль, но в кассе их пыл резко охладили.

– Билетов нет.

– Как нет?! – шумно возмущалась Лена. – Совсем ни одного?

– Совсем. Ни одного, – ответствовала им толстая тётенька в толстых роговых очках и в платке, завязанном на затылке, явно недовольная тем, что её оторвали от чтения газеты.

– А следующий показ? – вмешалась Миранда.

– Пока не знаем.

– Как же так? Что у вас за порядки такие?! Это кто такое придумал вообще? – продолжала бушевать Лена. – Люди пришли, трудящиеся люди, между прочим, хотят попасть на спектакль, а на спектакль не попасть.

– Давай завтра перед спектаклем придем – предложила Миранда Лене, пытаясь успокоить подругу. – Может, кто-то билеты сдаст. Или с рук купим.

– С рук купим! – хмыкнула из окошка кассы тетенька в платке. – Вы что думаете, что у нас тут Мариинка? Билетов нет, но кто-то может не прийти. Несколько свободных мест всегда бывает. Только без билета вас не пустят. Зато можно контрамарку у режиссера взять. Вы к нему обратитесь.

– Режиссер – это хорошо! – обрадовалась Лена. – А он у вас молодой?

– Зачем молодой? – удивилась кассирша. – В годах уже. Хорошие режиссеры молодыми не бывают.

Миранда и Лена переглянулись.

– Ладно, где его найти? Требовательно спросила Лена, сунув нос в окошко кассы.

– В зале он. Репетирует, – ответила тетенька в платке со вздохом, сняла очки и добавила: – Только вы с ним поаккуратней, а то он не в духе сегодня.

– А что так? – спросила Миранда.

– Только я вам ничего не говорила, – перешла на шепот повелительница билетной кассы. – У нескольких актеров ветрянка, завтрашний показ спектакля под угрозой срыва, он срочно вводит других актеров на роли. Я б ему под руку сейчас не попадалась.

– Понятно, – горестно вздохнула Лена, опустила плечи и поплелась к выходу.

– Спасибо! – бросила кассирше Миранда и поспешила за подругой.

– И что мы теперь делать будем? – вопрошала убитая горем Лена. – Я уже нарисовала себе предстоящую скорую блестящую карьеру актрисы, а тут какая-то пошлая ветрянка.

– Почему пошлая? Вполне себе рабоче-крестьянская.

– Вообще да. Ходить с красными прыщами по всему телу и заражать других – это очень в духе времени. Что мне теперь делать? Собственный театр организовывать?

– За тобой дело не станет, – не сомневалась Миранда, – ты его быстро организуешь, но, может, всё же не стоит торопиться? Пусть они сперва все повыздоравливают, а потом ты к ним в театр придешь, покоришь всех своей харизмой. А пока давай поедем домой, быстро перекусим, я переоденусь, и пойдем к Никитиным.

– Зачем это?

– Предложим им свою помощь в починке забора. Вернее, твою помощь. У меня появятся неотложные дела.

– Ты с ума сошла? – возмутилась Лена. – Не буду я забор чинить.

– Разумеется, не будешь, – усмехнулась Миранда. – Славик тебе не позволит. На то и расчет.

– Какой еще расчет?

– Тебе просто нужен повод, чтобы прийти к Никитиным. Там мы разговорим Славика. Чинить забор тебя никто не заставит. И мы предложим ему – в качестве компенсации – просто прогуляться с нами. Потом я вспомню о важных делах, вас двоих оставлю. И никакой театр на ближайших несколько недель тебе будет не нужен. А дальше посмотрим по обстоятельствам. Согласна?

Лена сделала вид, что задумалась, посомневалась, испытующе посмотрела на Миранду, а потом радостно заулыбалась и сказала:

– Согласна!

Глава 5.

Поужинав клёчками и вволю насмеявшись, сидя в комнате у Миранды, девушки всё же направились к дому Никитиных. Но план их не реализовался.

По дороге они встретили Славика. Тот поинтересовался, куда они идут, и сам сказал, что спешит на выставку картин какого-то художника. Сегодня как раз открытие. Лена тут же обнаружила в себе живой интерес к живописи, и уже через две минуты они со Славиком оставили опешившую от быстроты произошедшего Миранду одну. Она смотрела вслед удаляющимся, пока их спины не скрылись за углом дома, и пошла в обратную сторону – к себе домой.

Дома Миранда аккуратно вынула журнал и достала из него листы бумаги. Чистые листы положила в отдельную папку. Напечатанные – на стол. Достала свои рукописные записи. Положила их рядом. Поискала и нашла в ящичке стола пустую папку. Хотела сложить в неё листы своего романа. Но перед этим решила перечитать написанное. Взяла все листы, устроилась поудобнее на диване и стала читать.

Много времени это не заняло. Кое-где она внесла небольшие правки. Но дочитав последнее предложение, поняла, что действие не хочет её отпускать и, словно сеанс в кинотеатре, идет дальше. Чтобы не тратить лишнее время, Миранда вставила в печатную машинку, стоящую на столе, чистый лист бумаги.

«Грэг усмехнулся, оделся и вышел из палатки. Темнело. На снег ложились длинные тени. Ветер дул все еще сильно. След от костра почти не просматривался: его уже присыпало снегом. Над головой быстро сменяли свои экспозиции пушистые облака. Дышалось легко и приятно. Грэг еще раз подумал о том, что это решение – пойти в горы – было правильным и своевременным. И тут он увидел приближающуюся к нему Хельгу.

– Воздухом морозным не надъшался? – весело спросила она.

Её рыжие волосы, выбившись из-под шапки, метались из стороны в сторону от порывов ветра. Щеки разругались, вероятно, от горячего чая и многочисленных бутербродов. Улыбка обнажила два ряда достаточно ровных и белых, но слишком крупных зубов. В соседстве с полными яркими губами, большими голубыми глазами чуть на выкате и с тонко выщипанными бровями её аккуратный небольшой нос казался каким-то недоразумением. Природа явно пожалела гармоничных пропорций для лица Хельги, но подарила ей обаяние веселого и добродушного человека.

– Решила оставить этих двоих наедине, – объяснила своё присутствие рядом Хельга. – Но тебе, я вижу, тоже нужно уединение, так что я пройдусь немного.

– Не уходи далеко, – предостерег Грэг.

– Не волнуйся за меня. Я опытный боец.

Глядя в след удаляющейся крупной фигуре Хельги, он вспомнил их знакомство. В библиотеке университета проходила выставка чьих-то работ. Это были графические странные рисунки самых разных людей. На столике у окна в простой деревянной рамке стояла портретная фотография улыбающегося крупного женского лица с копной рыжих вьющихся мелким кольцом волос, а рядом тетрадь для отзывов и табличка с надписью «Выставка художественных работ Хельги Норберг». Грэг полистал тетрадь. Там оказалось несколько записей, в основном восторженных и благодарных.»

– Надо же, – сообщила Миранда трём богатырям на стене, – стоило Калымакиной пойти на художественную выставку, и это тут же пролезло в мой роман. Теперь мне нужно их как-то познакомить. Может быть, какой-то общий знакомый расскажет ему о Хельге? – уже у ручек на антресолях спрашивала Миранда.

И в этот момент ей показалось, что из-за дверцы выглядывает улыбающееся лицо с рыжими непослушными волосами и смеётся, глядя в упор на Миранду. А в ушах зазвучал голос.

«– Хотите сделать запись? – отвлек Грэга от тетради переливчатый женский голос. – Можете высказать своё мнение автору лично. Мне всегда интересно послушать, что на самом деле думает человек. И не пытайтесь меня обмануть. Я очень хорошо разбираюсь в людях и сразу легко распознаю ложь.»

Это была Хельга, и в довершение своих слов она громко рассмеялась.

Грэг тогда полностью поддался её обаянию, искренне ответил, что мало что смыслит в рисунке и живописи, что некоторые лица ему нравятся, но вообще он не очень понимает, о чем эта выставка. Хельга охотно и долго рассказывала ему о типах людей, о расах и различиях в строении черепа, об эволюционных процессах и общих закономерностях.

– Следующую выставку я посвящу строению рук. Будет очень интересно. Приходите! – завершила их знакомство тогда Хельга.

– Обязательно приду, – пообещал Грэг.

Но обещание своё не выполнил, потому что к моменту, когда проходила выставка, он лежал в больнице со своим сложным переломом, а когда вспомнил про обещание, данное новой знакомой, подумал, что надо предложить ей посвятить следующую выставку ногам. »

Закончив предложение, Миранда вдруг ощутила чьё-то дыхание над своим левым плечом. Резко вскочив, она чуть не сбила с ног Виктора, склонившегося над нею. Она хотела возмутиться и спросить его, что это он такое здесь делает, но он – буквально – снял у неё с языка эти слова.

– А что это такое ты здесь делаешь? – спросил Виктор, всматриваясь в напечатанный текст, торчащий из печатной машинки.

– Как что? – взяв себя в руки и сев снова на стул, ответила Миранда. – Печатаю на машинке. Или тебе кажется, что я тут макраме вяжу?

– Что печатаешь, это я вижу, но печатаешь ты что-то очень странное.

– Почему странное?

– Потому что обычно ты смотришь в рукописные записи слева, печатаешь текст на машинке и отпечатанный лист кладешь справа. А сейчас у тебя слева нет никаких листов, зато справа две странные пачки рукописей и отпечатанного. Это что такое? – перешёл Виктор на правую сторону и, взяв в руки рукописные листы, стал их изучать.

– Отдай! – скомандовала Миранда и попыталась отобрать у Виктора листы. – Положи на место. Это не твоё дело.

– Значит, папка со словом «Дело» есть, – Виктор, обнаружив на столе еще и папку, схватил и её. – Но дела в ней нет. Значит, оно, точно, не моё. А кому это ты здесь шьешь дело? – убегая от пытающейся догнать его и забрать листы и папку Миранды, спрашивал, округлив глаза и подняв брови, веселящийся Виктор.

– Никому я ничего не шью, – возмущалась Миранда, гоняясь по комнатам за братом.

В итоге зажав его в коридоре между кухней и кладовкой, Миранда отобрала листы и победным шагом вернулась в комнату. Сложила вместе все, рукописные и отпечатанные, листы, положила их на стул, села сверху и сложила руки на груди. Едва она успела это сделать, в комнату вошел Виктор, размахивая папкой.

– Ты всё равно мне всё расскажешь, – заявил он, плюхаясь на диван.

– Шантажист несчастный, – фыркнула Миранда, не глядя на брата и сидя с прямой спиной, скрещенными на груди руками и очень недовольным лицом.

– Я с тобой не соглашусь. Я вполне себе счастливый и никакой не шантажист.

– Правда? – с сомнением посмотрела на него Миранда. – Тогда почему ты так уверен, что я тебе что-то расскажу? Только потому, что в противном случае ты начнешь мне угрожать чем-нибудь очень страшным. Своим бесценным обществом, например.

– Я не такой зловредный человек, каким ты меня себе рисуешь, – лениво возразил Виктор.

– Конечно! – согласилась Миранда. – Ты еще хуже. Папку отдай, – протянула она к нему руку.

– Да, пожалуйста, – отдал он ей папку, усмехнувшись. – Зачем она мне пустая.

– А теперь выйди из моей комнаты, – потребовала Миранда.

– Так ты скоро попросишь меня вообще освободить эту жилплощадь и покинуть страну. Я не согласен.

– Давай начнем с этой комнаты. Может, до страны дело и не дойдет.

– Давай не сразу. Сначала расскажи мне, чем ты таким таинственным здесь занимаешься? Печатаешь что-то про горы, снег и людей со странными именами. Сама печатаешь. Это такая интрига, что я от тебя ни за что не отстану, пока не узнаю.

– Значит, не уйдешь? – с угрозой в голосе спросила Миранда.

– Нет, – примирительным тоном ответил Виктор. – Ты же меня знаешь. Сопrotивление бесполезно. Мой дед взял Берлин.

– Мой тоже, – буркнула Миранда.

– Это совпадение. Я мужчина, я взял от него больше, чем ты.

– Поношенную гимнастерку, перочинный ножик и упрямый характер, – перечислила Миранда. – Да, пожалуй, я сдаюсь.

– Ты всегда была разумной девочкой. Выкладывай, – сел и подался вперед, облокотившись на свои колени, Виктор.

– Только обещай никому ничего не говорить, – потребовала Миранда.

– Честное комсомольское! – постучал себя в грудь Виктор.

– Тебя еще не выгнали из комсомола?

– Не отвлекайся.

– Ладно, – глубоко вздохнула Миранда. – Я пишу роман. Свой. Собственный.

Виктор смотрел на неё так, будто ждал продолжения. Миранда развела перед его лицом свои руки и вопросительно посмотрела, склонив голову на бок, как бы говоря: «Это всё».

С минуту Виктор молча на неё смотрел, а потом произнес:

– Хороший?

– Что «хороший?», – не поняла Миранда.

– Ты пишешь свой роман, – пояснил Виктор. – Он хороший?

– Откуда же я знаю?! – растерялась Миранда. – Я же только начала.

– Ну, качество молока понятно с первого глотка, – заметил Виктор.

– Так я его не глотала, – опешила Миранда. – То есть не пробовала. То есть я не знаю, как это определить, хороший или нет.

– А я знаю. Давай прочту и скажу тебе.

– Что прочтешь, дубина? Я же только начала.

– Ты вон уже сколько листов извела. Надо сразу всё понять, чтоб, в случае чего, драгоценную писчую бумагу зазря не переводить.

– Ааа, так ты всё о себе самом печешься. Эгоист несчастный.

– Что я у тебя всё то шантажист, то эгоист. Да еще и несчастный. Повторяю, я очень даже счастливый человек. И заботливый. Я же о тебе забочусь. Хватит попой листы мять. Мне читать неудобно будет. Вставай.

– Не встану.

– Как же я под твоей попой что-то прочту?!

– Отстань от моей попы! – неожиданно смутилась Миранда.

– Ты чего покраснела? Ты там что-то неприличное написала, да?! – радостно воскликнул Виктор.

– Ничего неприличного я не писала, – возмутилась Миранда. – Как тебе такое в голову могло прийти?!

– А вот докажи!

– Просто я действительно стесняюсь, – совершенно просто и искренне призналась Миранда, уронив руки.

– Меня стесняешься? – присел к ней ближе Виктор.

– А если тебе не понравится? Ты же потом своими шуточками меня изведешь.

– Это я могу, конечно, – согласился Виктор.

– Вот.

Виктор некоторое время подумал, а потом совершенно серьезно сказал.

– Хорошо. Я обещаю тебе не издеваться и честно сказать тебе своё впечатление.

– Серьезно?

– Да.

Миранда встала со стула, взяла пачку листов, прижала на мгновение к себе, потом посмотрела на них, держа перед собою, перевела взгляд несколько раз с пачки на Виктора и обратно, и, в конце концов, протянула листы брату.

– Читай. Тут мало совсем. Я пока чай заварю. Обещай быть серьезным.

– Обещаю.

Виктор взял листы и начал читать, а Миранда ушла на кухню.

Она вскипятила в чайнике воду. Засыпала в заварник чай из жестяной банки. Это был сбор горных трав, привезенный дядей Миранды из поездки в Карпаты. Подождав, когда чай заварится, Миранда положила по два кубика сахара в чашки, подставив ситечко, налила чай. Взяв бумажный пакет с пряниками подмышку, а чашки в руки, вернулась в свою комнату.

Виктор дочитывал последний лист. Миранда поставила на стол чашки, положила пакет с пряниками и стала внимательно следить за лицом брата. Он читал с интересом, улыбался. Но улыбка его была не насмешливая, а какая-то такая, какой она на лице его никогда не видела. Дочитав, Виктор поднял на Миранду смеющиеся глаза.

– Не ожидал от тебя, сестричка, – заговорил он. – Не ожидал.

– Что скажешь? – нервничая, спросила Миранда.

– Совсем неплохо, – вынес свой вердикт Виктор.

– Правда? Тебе понравилось?

– Я думал, что будет полная ерунда, но мне было интересно. И ошибок мало. А почему они у тебя с такими странными именами?

– Сама не знаю. Так получилось.

– А в горы почему ты их загнала?

– Это не я. Они сами сразу уже в горах были. Я их там и застала.

– Чудно говоришь. Ну да ладно. Это не самое страшное. Ты мне лучше скажи, ты Эдвина своего с меня что ли писала?

– С чего ты взял? С каких это пор ты рыжий лопухий химик? Я думала ты русоволосый вполне себе симпатичный физик. Или я о тебе чего-то не знаю?

– Ты назвала меня симпатичным. Но, возможно, тебе жилось бы легче, если бы я не был таким красавцем, поэтому в романе ты нарочно испортила внешность персонажу, чей характер и жизнь писала с меня.

– Он тебе показался на тебя похожим?

– Его взаимоотношения с матерью. Это что-то психологическое, – рассуждал сам с собой Виктор. – Мне срочно нужно перевестись на факультет психологии. Тогда бы я мог разъяснить тебе все получше.

– Ты так запутано все говоришь. Может, ты лучше иди в психиатрию. Нет-нет, не лечиться, а на психиатра учиться. Ты бы мне тогда с Калымакиной помог.

– Кстати, про Калымакину. Объясни мне, почему у тебя в романе нет ни одной красивой девушки? – возмутился Виктор.

– Ни одной из двух?

– Вот именно! Из двух девушек ни одной красивой!

– А зачем они мне в романе, красивые? Они мне уже вот в этих, – Миранда указала на стопку рукописей, лежащих на тумбочке, – опусах надоели до смерти.

– А, может, ты им просто завидуешь?

– О чём это ты?

– Прости, сестрица, хоть я тебя и люблю...

– Надо же! – воскликнула Миранда, не дав брату договорить. – Впервые за свои двадцать семь лет, вернее, за твои двадцать слышу от тебя, что ты меня любишь!

– Не отвлекайся на детали. Вернемся к сути. Признаю, то, что ты написала, положительно меня удивило. Помимо этого у тебя много замечательных качеств: ты рубашки мои гладишь хорошо, деньги даёшь займы...

– Займы? – округлились глаза у Миранды.

– Не перебивай. Ну вот, сбила. Что ж я хотел сказать? Я хотел сказать, что много у тебя хороших качеств. Да. Но вынужден тебе признаться, что красавицей тебя не назовёшь. И подавать ты себя не умеешь?

– Подавать. Это как же?

– Например, как... – задумался Виктор, – Нэлька из соседнего подъезда.

– Так у неё мать модистка, – нашлась Миранда. – Вот она и подаёт её, как жаркое к ужину.

– Слушай, сестра, где ты таких буржуазных понятий набралась? «Жаркое к ужину»! Кто же тогда ты? Заливная рыба?

– Если уж нас сравнивать, то я, скорее, одиноко, но аппетитно плавающая в тарелке супа фрикаделька. У нас в столовой всё именно так происходит. Я фрикаделька, а Нэлька твоя – жаркое. Хотя по звучанию быть фрикаделькой ей бы больше подошло. Нэльке-фрикадельке твоей.

– Она не моя.

– И ты очень по этому поводу сожалеешь, – радовалась перемене темы Миранда.

– Почему очень? Нет, так себе. Она, конечно, до вульгарной женщины не дотягивает, но превосходит тех порядочных, с которыми мама разрешает мне встречаться. Хотя нужно с мамой об этом поговорить. Скажу ей, что это такой стратегический ход. Что ваше с Нэлей близкое знакомство поспособствует тому, чтобы ты, наконец-то, стала выглядеть как человек. Нет, – поспешил исправить себя Виктор, – как человек ты и так выглядишь. Нужно, чтобы ты стала похожа на девушку. Молодую вполне себе, между прочим, пока еще... девушку.

Миранда схватила подушку с дивана и весьма ожидаемо стукнула ею Виктора по голове. Он лишь расхохотался в ответ.

– Опять издеваешься! – дубасила подушкой Виктора Миранда.

– Устоять невозможно, – защищался, как мог, Виктор. – Но тайну твою сохраню.

Миранда перестала бороться с ним и села рядом на диване, глубоко дыша.

– Только давай договоримся, – заговорил снова Виктор. – Ты пишешь и даешь мне читать. Мне уже интересно, что там с твоими шведами станет. Это ведь шведы у тебя, да? Я правильно угадал.

– Правильно, – подтвердила Миранда. – Если будешь себя по-человечески вести, то сможешь прочитать.

Так у Миранды появился её первый читатель.

Глава 6.

На следующее утро, придя на работу, Миранда сразу же подошла к Лене:

– Привет. Ну, как там твоё свидание вчера?

– Да никак, – с грустью ответила подруга.

– Подробности! – потребовала Миранда.

– Мы долго добирались до этого зала, где выставлялись картины. Ехали на трамвае, потом шли пешком, потом подъезжали еще одну остановку, хотя, как оказалось, можно было доехать туда на автобусе, но его пришлось бы долго ждать. Словом, когда мы туда добрались, Славик почти сразу сказал, что ему нужно найти какую-то Ольгу для какого-то серьезного разговора. И ушел. Я бродила по залам, смотрела на эти разноцветные поля, леса и речки, очень скучала. Потом увидела его. Он разговаривал с какой-то девушкой. Я даже рассмотреть её толком не успела. Только собралась к ним подойти, но тут наткнулась на нашу Надежду Львовну. Помнишь, математичку?

– Конечно, помню, – ответила Миранда. – Такую не забудешь.

– Несомненно. Она сразу забросала меня своими восторгам: какая я стала уже взрослая, какая упитанная, как красиво причесана. О тебе меня спрашивала.

– Обо мне?

– Да! Я ей про тебя всё рассказала.

– Всё – это что?

– Что у тебя бурная личная жизнь, и ты выходишь замуж...

– Подожди, – перебила её Миранда. – Так у меня бурная личная жизнь или я выхожу замуж?

– Ты выходишь замуж, – констатировала факт Лена, – за инженера. Но в тебя зверски влюблен радиотехник из соседнего подъезда. Он каждый вечер поёт у тебя под окном серенады собственного сочинения, как истинный кабальеро, – восторженно закончила она.

– Серенады? Кабальеро? Зверски влюблён? – с сомнением в голосе поинтересовалась Миранда. – Ты ничего не перепутала?

– Может, словами я и другими говорила, может, нее кабальеро, а идальго, но суть приблизительно такая. А инженер твой об этом узнал и поклялся радиотехника застрелить. Но благородно. На дуэли. Время дуэли ещё не назначено. Но я заверила её, что у тебя всё хорошо и ты всем довольна. Только, пока я с ней разговаривала, Славик с этой Ольгой куда-то пропали, и пришлось мне домой одной возвращаться.

– Понятно. Ладно, всё. Наш князь Облонский уже зыркает на нас.

– А, по-моему, это называется «смотрит с интересом», – не согласилась Лена, кокетливо улыбаясь директору.

– Вот-вот, – подтвердила Миранда. – Ему очень интересно, скоро мы с тобой за заботу возьмемся или до обеда болтать будем.

– Ты по глазам читаешь?

– Нет, у меня передатчик есть, который напрямую чужие мысли в твою голову передаёт.

– Ты хотела сказать – в твою голову, – поправила подругу Лена.

– Я так и сказала, – ответила Миранда.

Они многозначительно посмотрели друг на друга и разошлись по своим рабочим местам.

На обед в столовой Миранда взяла суп с фрикадельками и пирожок с капустой. На большее денег не хватило. Как она и ожидала, в тарелке с супом плавала одинокая, но аппетитная фрикаделька. Миранда наколола фрикадельку на вилку, выставила её перед носом озадаченной Лены и неожиданно торжественно произнесла:

– Смотри, это я, и я себя ем!

И отправив продукт столовского приготовления себе в рот, принялась в задумчивости его пережевывать.

– С каких пор ты стала куском не дожёванного мяса? – без особого интереса спросила Лена, занятая украинским борщом.

– Почему не дожеванного? – не поняла Миранда.

– Потому что, если бы его хорошенько прожевали, то проглотили бы, а не в кастрюлю с супом выплевывали, – объяснила Лена.

– Ты мне весь аппетит перебьёшь, – скривилась Миранда.

– Твой аппетит не подвластен никаким катаклизмам, – возразила Лена. – Я за него полностью спокойна. А вот за рассудок твой я беспокоюсь. Раз ты уже начала себя есть, хотя из тебя даже толковый полуфабрикат не вышел бы, то произошло что-то неординарное.

– Так и есть.

– Конкретизируйте, – старательно работая ложкой, потребовала Лена.

– Вчера один прыщавый студент сначала сообщил мне, что он меня любит, что было весьма неожиданно, а потом сказал, что красавицей меня не назовешь, и подавать себя я не умею.

Лена внимательно осмотрела подругу с головы до груди.

– Ну-ка, встань? – велела Лена.

– Зачем это? – возмутилась Миранда.

– Встань, тебе говорят.

Миранда встала. Лена критичным взглядом осмотрела подругу уже с головы до ног и обратно, и жестом показала, что уже можно сесть. Съела еще ложку борща и вынесла вердикт:

– Подавать не умеешь – это факт. Но красавицей других девушек называть мне трудно, поэтому здесь я воздержусь. Одно хочу уточнить, – Лена отодвинула уже пустую тарелку из-под борща и испытующе посмотрела на Миранду. – Причём здесь тефтели?

– Какие тефтели? – опешила Миранда.

– Те, которые ты вместо себя ела, – продолжала давить Лена.

– Это была фрикаделька, и она была одна.

– Не важно. Я их всегда путаю. Ты не увливай. Говори прямо.

– Нэлька – жаркое к ужину, а я фрикаделька, – тоном человека, который этими словами всё объяснил, ответила Миранда.

– Мгу, – промычала Лена. – Всё стало предельно ясно.

– Вот, – дополнила жующая пирожок с капустой Миранда.

– Ага, – решила развить тему Лена. – Она жирная, жалкая, жестокая и жадная, а ты пресный комок.

– Типа того, – подтвердила догадку подруги Миранда.

– Ты пощечину этому наглецу отвесила?

– Нет, но диванной подушкой попыталась убить.

– Молодчина! Это Витька тебя так оскорбил?

– Он самый.

– Револьвер одолжить?

– Без него справлюсь.

– Ручки у тебя слабенькие – с первого раза не задушишь.

– Он хочет на психологический перевестись, – решила перевести тему Миранда.

– А так можно?

– Вряд ли.

– Тогда волноваться не о чем.

– Так я и не о нем, а о себе волнуюсь.

– Не хочешь быть тефтелей?

- Фрикаделькой.
- Какая разница?
- Тефтели делаются с рисом и запекаются в духовке. Мама очень вкусные тефтели делает.
- То есть ты предпочитаешь быть тефтелей?
- Да нет же!
- Тогда чем?
- Кем!
- С тобой сегодня совершенно невозможно разговаривать.
- Меня не привлекают ни тефтели, ни фрикадельки, ни жаркое, - терпеливо начала объяснять Миранда.
- То есть мясные блюда ты уже не одобряешь? – уточнила Лена.
- Дело не в этом. Просто мне вдруг захотелось стать интересной девушкой, но для этого нужно с собой что-то сделать.
- Нужно, да, – согласилась Лена. – Но ты же не толстеешь. Это безнадежный случай.
- Думаешь, дело в этом?
- Думаю, стоящая в углу швабра только полотёров привлекает.
- Так, теперь я швабра, – задумалась Миранда. – Швабру можно красиво раскрасить, перевернуть...
- Прицепить сверху ведро, нацепить плащ – и получится прекрасное пугало, – дополнила образ Лена.
- Теперь я знаю, что делать, – победно провозгласила Миранда и встала. – Обед заканчивается. Идем работать.
- Миранда задержалась у телефона-автомата. Набрала простой номер. Несколько длинных гудков послышалось в трубке.
- Алло, – ответил ей женский голос.
- Алло, здравствуйте. Лаврова позовите, пожалуйста, – попросила Миранда.
- Сейчас, - ответил ей голос. А затем сказал кому-то уже далеко от трубки: – Катя, постучи Лаврову. Пусть к телефону подойдёт.
- Спустя минуту в трубке прозвучал мужской голос:
- Лавров слушает.
- Ну, привет, младший научный сотрудник, – усмехнувшись, поприветствовала Колю Миранда.
- Миранда, наконец-то! Привет! – искренне обрадовался Коля. – Я всё время думал о тебе!
- Я тоже, – легко соврала Миранда. – Так куда мы сегодня вечером идём? В кино?
- Хорошо, пойдем в кино, – согласился Коля.
- Зайди за мной. Вместе поедem.
- Договорились.
- Тогда до вечера.
- До вечера! Я очень рад, что ты позвонила.
- Вернувшись на своё рабочее место, Миранда вставила в печатную машинку чистый лист бумаги, и почти сразу почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Она огляделась по сторонам, но не встретила ничьих глаз. Тогда она всмотрелась в пустое пространство перед собой и увидела карие глаза в обрамлении недлинных ресниц, почти прямые брови, закрытый русоволосой челкой лоб, маленький вздернутый нос и неожиданно чувственные губы, испорченные небольшими трещинками и обкусанными краями пересохшей тонкой кожицы. На Миранду выжидательно смотрела Мелина. Миранда не сразу её узнала – без очков. Мелина нацепила на нос очки и посмотрела ещё внимательнее.

Миранда еще раз осмотрелась по сторонам и, время от времени изображая, что заглядывает в рукопись, лежащую как обычно слева от печатной машинки, стала печатать.

«В это время в палатке Мелина смотрела на Эдвина, увлеченного своими записями в блокноте, и никак не решалась заговорить. Просто сидела и смотрела на него. В какой-то момент, почувствовав ее взгляд, Эдвин поднял глаза на Мелину и спросил:

– Что?

– Что ты там все время пишешь? – решила заговорить Мелина.

– Я веду дневник нашего перехода. Кто-то же должен это делать.

– Зачем?

– На случай, если с нами что-то случится. Это как судовой журнал на корабле.

– Понятно. И ты обо всем там рассказываешь? Даже обо мне? – вдруг покраснела Мелина.

– И о тебе. Так же, как обо всех участниках перехода.

– И об этом разговоре напишешь?

Эдвин насмешливо посмотрел на Мелину.

– Порой я удивляюсь тому, что ты попала в аспирантуру. Ты иногда задаешь такие неуместные и даже глупые вопросы. Уж извини за прямоту.

– Хельга это называет наивностью и непосредственностью.

– О, да! – усмехнулся Эдвин. – У Хельги на все свой классифицирующий взгляд.

– Она тебе нравится? – чуть дрогнувшим голосом спросила Мелина.

– Конечно, – легко ответил Эдвин. – С ней легко. Она быстро располагает к себе. И в дальнейшем не разочаровывает.

– А как девушка? – уточнила Мелина, теряя краску на лице.

– Как девушка? – задумался Эдвин. – Пожалуй, нет. Не мой тип. Она выше, крупнее меня. С точки зрения ее любимой физиологии для продолжения рода это, может, и не плохо. Но мне не хотелось бы продолжать свой род с такой, как она. Только я надеюсь на твою деликатность.

– То есть?

– Что это останется между нами.

– Конечно, – поспешила заверить его Мелина, несколько приободренная его ответом.

– А ты когда-нибудь влюблялся?

Эдвин внимательно посмотрел на Мелину и решил, что разговор принимает нежелательное русло.

– Конечно. О, вспомнил. Мне же нужно обсудить кое-что с Грэггом, – сказал он, одеваясь, и спешно вышел из палатки.

Мелина осталась одна. Легла на спальный мешок, заложив руки за голову, и тихонько, но радостно произнесла:

– А у меня хорошие шансы. Хельга ему не нравится, потому что она выше и крупнее, но я-то ниже и мельче. У меня все получится! У меня обязательно все получится!

Эдвин вышел на воздух. Осмотрелся по сторонам. Уже смеркалось. Вокруг было тихо, умиротворяюще спокойно и красиво, но красоты этой Эдвин не замечал. Деревья воспринимал просто деревьями. Снег снегом. Пейзаж совокупностью элементов. И вот в этой совокупности он нашел то, что искал: силуэт Грэга, и поспешил к нему.

– Напомни мне, почему ты взял в поход Фальк? – обратился Эдвин к другу в ответ на его вопросительный взгляд.

– Нужен был еще один человек и, учитывая то, что Хельга уже вызвалась участвовать, нужна была девушка. А вы тогда как раз участвовали в марафоне. Она сразу после него ко мне и подошла. Маленькая, хрупкая, но мне она тогда показалась вполне выносливой, раз марафон пробежала и в обморок не падает, поэтому я не видел причин ей отказать.

– Не видел причин отказать, – повторил Эдвин. – Как ты правильно заметил. Фальк, действительно, несмотря на всю свою subtilность, умеет быть очень настойчивой. В научной деятельности это неоспоримый плюс, но здесь, в горах, где так хочется наконец-то почувствовать себя свободным, я начинаю тяготиться её обществом.

– Она влюблена в тебя и...

– Не говори ерунды, – оборвал друга Эдвин. – Она моя аспирантка. Она просто хочет, чтобы я помог ей с диссертацией. Считает, что симпатия с моей стороны поможет ей в этом. Она же не знает, что мне в аспиранток влюбляться категорически нельзя, – усмехнулся Эдвин, и добавил: – Для их же пользы.

– Злата всегда была красивой девушкой, – задумчиво глядя на заходящее солнце, сказал Грэг.

– Слишком красивой, – согласился Эдвин.

– Женскую красоту обсуждаете? – спросила подошедшая Хельга.

– Нет, – соврал Эдвин, – говорим о том, что природа никогда не бывает слишком красивой.

– Не хотите посвящать меня в свои разговоры, настаивать не буду, – хохотнула Хельга и дипломатично оставила мужчин наедине.

– Хорошо, хоть эта ни в кого не влюблена, – заметил Эдвин.

– Почём ты знаешь? – улыбнувшись, спросил Грэг.

– У неё одна анатомия и физиология в голове. Никакой романтики, – ответил Эдвин.

– Да, романтика не всем нужна, – поддержал Грэг.

– От романтики одни неприятности, – поёжился Эдвин, вспоминая что-то своё.

А Грэг глубоко дышал, любуясь окружающей природой.

Впереди была ночь в горах в одной палатке с тремя другими людьми. Храп Хельги, вздохи Мелины, суета Эдвина, который безуспешно пытается найти удобное положение, чтобы уснуть. Грэгу ничего из этого не мешало. Он умел отключаться от посторонних звуков. Спал он спокойно, не запоминая снов, а утром всегда просыпался бодрым.»

Уже привычным движением Миранда ловко спрятала в журнал напечатанные только что листы и добавила к ним с десяток чистых.

После работы Лена отчитывала подругу:

– Как ты могла назначить свидание своему Лаврову, не посоветовавшись со мной?!

– Прости, – извинялась не очень-то раскаивающаяся в своём поступке Миранда. – Я не знала, что должна с тобой советоваться на этот счёт.

– Я тоже не знала, что Никитин окажется таким хамом, затащит меня на свою выставку, а потом бросит там меня одну. Такое, конечно, не прощают, и я при встрече обязательно отомщу ему страшно, но что мне делать с билетами в филармонию, которые с таким трудом достал мамин друг?

– А я почём знаю? Ты хотела меня в филармонию затащить?

– А что? Тебе не помешало бы красивую музыку послушать?

– В филармонии? – не согласилась Миранда. – Там же одно занудство играют.

– Это называется классика, Васнецова, – назидательно проговорила Лена.

– Подумаешь, – равнодушно отозвалась Миранда.

– У тебя просто нет чувства прекрасного, – осуждала её подруга.

– Зато у меня другие чувства есть, – парировала Миранда. – Чувство голода, например.

Лавров меня по ресторанам не водит, так что надо дома еще успеть перекусить.

– А куда вы идете?

– В кино. Если я не передумаю.

– У меня третьего билета в филармонию нет.

– Да иди в свою филармонию сама. Тебе подушку дать? Чтоб спать было удобнее.

- Как ты невежественна, Васнецова! – негодовала Лена.
- Мне воскресных классических концертов по радио вполне хватает.
- Вот и слушай своё радио! А я пойду живой музыкой наслаждаться.
- Скатертью дорога!
- Ах, так? – разбушевалась Лена. – С этой минуты я с тобой не разговариваю, Васнецова!

И не приходи ко мне завтра!

- Больно надо, – не придавала значения разыгравшейся сцене Миранда.
- Прощай!
- До завтра!

Глава 7.

Вернувшись домой и спешно поужинав, Миранда достала журнал, разложила листы по разным папкам, решив, что перечитает написанное позже. Сейчас у неё есть другое важное дело.

Спустя четверть часа в дверном проёме её комнаты показался Виктор.

– Что ни вечер, то новый сюрприз! – воскликнул он, облокотившись на косяк. – А я думаю, чего это машинка не стучит, а здесь, оказывается, творятся чудеса чудные.

Виктор с преувеличенным изумлением смотрел на Миранду, одетую в легкое, довольно простое по покрою, но красивое платье, причесанную с несколько большим старанием, чем обычно, и сейчас подводящую глаза. Кроме всего прочего, на щеках у неё были видны румяна, а губы накрашены помадой. Макияж не был ярким, но придал лицу Миранды чуть больше выразительности.

В дверь квартиры постучали. Миранда отошла от зеркала, взяла свою сумочку и подошла к Виктору.

– Дай пройти. Мне пора уходить, – сказала она, не обращая внимания на сказанные им слова.

– А, Коля, это ты. Проходи, – послышался из прихожей голос Ларисы Фёдоровны.

– Добрый вечер. Я за Мирандой, – ответил голос Коли.

– Так ты решила изменить себе, – обрадовался своей догадке Виктор, всё еще не пропускающий Миранду, – и пойти на свидание в образе принцессы, а не девушки с веслом, как обычно.

– Жаль, у меня сейчас с собой нет этого весла, – ответила Миранда, отталкивая Виктора и пробираясь в прихожую.

– Дай хоть с кавалером твоим поздороваюсь, пока он в обморок не упал от твоей красоты, – съехидничал Виктор и, обогнав Миранду, первым залетел в прихожую.

– Привет, – протянул Виктор руку для рукопожатия Коле. – Давно тебя не видел.

– Добрый вечер, – пожал ему руку Коля. – На прошлой неделе вроде виделись.

– Уууу, – присвистнул Виктор. – Когда это было? Уже всё быльём поросло. Знаешь, сколько миллиардов звёзд за это время сменили своё местоположение во вселенной!

– Идём. Не слушай его, – сказала Миранда Коле, взяв того за руку и открывая входную дверь. – Мам, мы ушли! – крикнула она в сторону кухни.

– А мне даже «пока» не сказала, – упрекнул её Виктор.

– Я тебя дома с веслом оставляю, которое мне сегодня без надобности, – ответила ему Миранда. – Так что не грусти.

И они с Колей вышли из квартиры.

– О каком весле идёт речь? – недоумевал Коля.

– Не обращай внимания. Это Витька практикуется в острословии, и пока не очень успешно. Представляешь, он хочет перевестись на психологический.

– Вряд ли у него это получится, – ответил Коля, открыв и придержав дверь из подъезда перед Мирандой.

– Я тоже так думаю, – согласилась Миранда. – Мы на трамвае поедим?

– Давай на трамвае. Я, правда, хотел прогуляться. Погода такая хорошая. И ты сегодня такая необычно красивая...

Миранда хотела сообщить Коле, что прогулка сейчас не очень кстати, потому что лаковые туфли нещадно натирают ей пальцы, но потом решила, что не стоит портить впечатление такими подробностями, а следует держать образ до конца.

– Конечно! Прекрасная идея. Почему бы не прогуляться?! – сказала Миранда, взяв кавалера под руку и ласково ему улыбаясь.

– У нас есть повод праздновать? – улыбался ей в ответ Коля. – Я о чём-то забыл?

– Нет, ответила Миранда. – Просто у меня хорошее настроение.

– Ты сегодня выглядишь как-то иначе. По-праздничному.

– Ты про платье и косметику? – уточнила Миранда. – А, это так. Другие девушки каждый день еще получше выглядят. И на работу, и в магазин. Вон, Нэлка из нашего подъезда. Витька на неё глаз положил. Думаю, это потому, что она расфуфыренная такая ходит.

– А ты мне нравишься такой, какая есть, – просто сказал Коля и погладил ладонь Миранды на своей руке. – Но в этом платье ты особенно красивая.

– Я – красивая? – остановилась Миранда. – Не пугай меня, Лавров, младший научный сотрудник, – и она продолжила прогулку. – Не может быть у тебя настолько плохой вкус.

– Почему это у меня плохой вкус? – возмутился Коля.

– Раз ты меня красивой считаешь, значит со вкусом твоим что-то не так, – сделала свой вывод Миранда.

– Странно ты мыслишь, Миранда. Я считаю тебя красивой. Это логично. Не может же мужчина встречаться с женщиной, которая ему не нравится.

– Не может? Точно? А как же эти, как их? Инстинкты, вот! – вспомнила Миранда.

– Мы живем в цивилизованном обществе. И современный человек уже не подвергнут так сильно инстинктам. Я убежден, что хорошо воспитанный и образованный человек способен контролировать эти самые инстинкты.

«Какой ты скучный, Лавров!» – хотелось воскликнуть Миранде, но она себя сдержала. Какой-то внутренний инстинкт напряг все её мышцы, чтобы убежать от этого тоскливого субъекта, но хорошее воспитание оставило на месте. Миранда зацепилась взглядом за одуванчик, выросший вдоль тротуара. Остановилась, сорвала один цветок на длинной ножке и стала крутить его в руке, отпустив руку Коли. Несколько следующих минут они шли молча.

В какой-то момент Миранда представила себе Грэга, идущего рядом. Вернее, его образ просто шёл в пространстве, но сам Грэг в этот момент находился в другом месте. Это был другой город. С вымощенными камнем узкими улочками. С красивыми старинными кирпичными зданиями.

«Спал он спокойно, не запоминая снов, а утром всегда просыпался бодрым», – всплыло в сознании Миранды. И другие слова тоненькой ниткой, грозящей порваться в любой момент, потянулись следом.

– У тебя есть блокнот и ручка? – вдруг с очень обеспокоенным видом спросила Миранда у Коли.

– Нет. Откуда? – опешил тот. – Зачем тебе?

– Мне очень нужно кое-что записать, – металась в поисках чего-то подходящего Миранда.

Но в её сумочке обнаружился только карандаш для глаз.

– Вот, – протянул Коля сложенный вдвое лист из блокнота, с одной стороны исписанный словами в столбик: убористым почерком перечислялись продукты. – Мама писала мне список продуктов. Я не выбросил.

– Ты просто клад! – воскликнула Миранда, чмокнула Колю в щеку, подбежала к стоящей неподалеку скамье, села и стала торопливо, но аккуратно, сокращая слова, для экономии места и графита, писать на листе бумаги.

Пока Миранда увлеченно писала, Коля сидел рядом и наблюдал за голубями, копошащимися в траве, куда пятилетняя девочка рассыпала им крошенное печенье. Мама девочки безрезультатно пыталась куда-то дозвониться из телефонной будки.

Когда Миранда закончила, она аккуратно сложила блокнотный лист и положила его вместе с карандашом в свою дамскую сумочку. И очень вовремя, потому что в следующую минуту она ощутила на своём лице и руках крупные капли дождя. Они с Колей переглянулись, он взял её за руку, и они побежали к остановке, под крышу которой уже сбегались другие люди. Когда Миранда и Коля до неё добежали, места под крышей уже почти не оставалось, но Коля сумел втолкнуть Миранду в толпу людей и даже протолкнуться поближе к стене, следуя за ней следом. Вокруг плотным кольцом стояли люди. На улице шел тёплый, но сильный весенний дождь. Крупными пузырями пузырился тротуар и проезжая часть. Слышен был визг пробегающих под дождём девушек. Коля обнимал Миранду за талию и прижимал к себе. От быстрого бега дыхание ее было прерывистым. Она посмотрела в глаза тоже запыхавшегося Коли: зрачки его были увеличены, рот приоткрылся. Коля улыбался Миранде, прижимая её к себе и ласково глядя ей в глаза.

«Как в романе, – подумала Миранда. – Как в том плохоньком романе».

Рассмеялась и положила голову на плечо Коле. Ей вдруг стало очень спокойно и хорошо.

В кино они уже не попали. Дождь не был долгим, но после него они разулись и сначала просто шли, а потом бегали по лужам. Красивое платье Миранды выглядело весьма плачевно к моменту её возвращения домой. В подъезде её дома они с Колей целовались: она обнимала его за шею мокрыми руками, а он обхватил её за талию двумя руками, в одной руке при этом держа её туфли, а в другой свои.

Целуясь с Колей, Миранда думала о том, что нужно чаще надевать на свидания красивые платья, и о том, что у Грэга вполне может быть любовь.

Придя домой, сняв мокрую одежду и переодевшись в ночную сорочку, Миранда достала из сумочки блокнотный лист, разровняла его, вставила в машинку чистый лист бумаги и перенесла на него написанное.

«Но следующим утром, перед самым пробуждением, Грэгу приснилось, что он гуляет по улочкам Старого города своего родного Стокгольма. Вот в этой булочной продаются его любимые слоёные рогалики с вишневым джемом. Вот фонтан на Большой площади. Вот выкованный из железа Мальчик, смотрящий на Луну, усыпанный разными монетами. Среди множества монет Грэг находит свои две кроны, оставленные Мальчику.

– Купи себе рогалик с вишневым джемом, – сказал Грэг, погладив мальшиа по его крохотной железной голове. – И может быть, одна из звёзд подмигнёт тебе. Пока ты смотришь на луну, ты не замечаешь звёзды.»

Засыпая, она вспоминала прогулку с Колей, их поцелуй в подъезде и Старый город с железным Мальчиком, смотрящим на луну.

– Кажется, сегодня мне подмигнуло несколько звёздочек, - сообщила Миранда горшку с фиалкой, стоящему на подоконнике, за которым сквозь тюль виднелось звездное небо. – Спасибо! – тихо добавила она и с улыбкой на губах уснула.

Глава 8.

Проснувшись утром, Миранда обнаружила, что проспала. Пришлось впопыхах собираться и бежать на работу. Она так торопилась, что пришла несколько раньше обычного. Зайдя в рабочий кабинет, подругу Лену Миранда на месте не обнаружила. Это было странно, потому что Лена всегда приходила ощутимо раньше. Но долго ждать ту не пришлось. Спустя несколько минут Лена ворвалась в кабинет и сразу же набросилась на Миранду.

– Ты не представляешь, что со мной вчера произошло! – вещала Лена, моргая густо подведенными округлившимися глазами.

– Ты же грозилась, что не будешь со мной больше разговаривать, – напомнила подруге Миранда.

– Что? Когда? – опешила Лена. – Не сбивай меня! – пожурила она Миранду. – У меня такое случилось!

– Сумку украли?

– Нет!

– Соседи затопили? Маркиз от вас наконец-то сбежал?

– Слушай, Васнецова, ты что, хочешь на самом деле поссориться? – возмутилась Лена, вернув свои глаза в их нормальное состояние.

– Для разнообразия можно было бы, – лениво отвечала Миранда, – но не сегодня, а то я так и не узнаю, что у тебя приключилось.

– Так вот, – начала Лена, обрадовавшаяся возможности рассказать свою новость, – я встретила его! – сказала она, сделав ударение на последнем слове и снова расширив глаза так, что они грозилась убежать с её лица.

– Кого – его? – передразнила подругу Миранда, для показательности тоже расширив глаза.

– Рахманинова! – победно выпалила Лена.

Миранда долго смотрела на подругу с некоторым сомнением в её адекватности, а потом с опасением добавила:

– Я думала, что он уже умер.

– Ааа, ты про композитора? – рассмеялась Лена.

– А ты не про него? – недоумевала Миранда.

– Не совсем, – продолжала добродушно смеяться Лена. – Давай тебе всё по порядку расскажу.

– Давай, только быстрее, а то Яблонский уже на нас посматривает.

– Пусть любитесь, – махнула рукой Лена и рассмеялась еще громче.

– Пару минут ты нам, пожалуй, отвоевала, – сказала Миранда, заметив улыбку на лице директора.

– Так вот, – начала Лена. – Пошла я вчера на концерт всё-таки. Одна. Второй билет даже некому предложить было. Но мне сказали, что можно будет им воспользоваться в следующий раз, если места свободные будут.

– Ты не отвлекайся, – поторопила Лену Миранда.

– Я не отвлекаюсь! – парировала та. – Это важно! Я сегодня обязательно еще раз пойду!

– На другой концерт? – уточнила Миранда.

– На тот же!

– Зачем тебе на тот же? Ты на первом не выспалась? – не унималась Миранда.

– Я не спала!

– Удивляюсь тебе!

– Не отвлекай меня!

- Ладно.
- Так вот. Концерт был скучный...
- Я же говорила.
- Не перебивай!
- Молчу-молчу.
- Концерт был скучным, пока не появился он! Рахманинов!
- Живой? – удивилась Миранда искренне.

– Нет. Просто появился виолончелист и стал играть что-то очень красивое. Вернее, он сам был такой красивый и так играл... – Лена не могла подобрать подходящего слова. – Красиво! То, как двигались его руки, голова, корпус. Как он закрывал, а потом открывал глаза, встряхивал волосы, падающие ему на лицо. Всё это было так красиво! – рассказывала завороченная Лена.

Миранда, глядя на погрузившуюся в проживание очередной гениальной роли подругу, решила не прерывать её на таком восторженном моменте и дать доиграть сцену до конца.

– И в какой-то момент я просто выдохнула свой вопрос, – продолжала Лена. – Кто это? И какая-то тетенька, поглядев в программку, сказала мне: «Это Рахманинов, деточка. Вокализ для виолончели». И я влюбилась!

Лена замерла, сложив сцепленные кисти рук на груди и устремив одухотворенный взгляд куда-то в угол потолка, где весьма прозаично свисала паутина. Когда сцена грозила слишком затянуться, Миранда осторожно спросила:

– В вокализ, Рахманинова или виолончелиста?

– Я пока не поняла, – выдохнула Лена, простодушно посмотрев на подругу. – Сегодня пойду выяснять.

– Каким образом?

– Послушаю и посмотрю еще раз. Первому впечатлению никогда доверять нельзя. Мне так мама всегда говорит. Вот я и пойду за вторым впечатлением.

– Это прекрасно! – прокомментировала Миранда. – А теперь срочно начинай смеяться, а то князь Облонский уже скачет к нам на своём вороном скакуне гнева.

– Он взял чёрную папку? – испуганно спросила Лена и, не глядя в сторону директора, громко и заливисто рассмеялась.

Директор замедлил свой шаг, взял папку в обе руки, потеплел лицом, ласково посмотрел на Лену, махнул рукой и прошел мимо девушек, бросив на ходу:

– Принимайтесь за работу.

– Конечно- конечно, – улыбнулась ему Лена.

– Мы уже, Фёдор Игнатъич, – заверила директора Миранда и приступила к работе.

Впечатлённая рассказом подруги, Миранда какое-то время перепечатывала чужой роман и улыбалась сама себе, а потом в её голове будто проснулся Грэг. Проснулся, осмотрелся по сторонам. Миранда снова оказалась в палатке. Она даже не стала вставлять новый лист, решив, что перепечатает потом (там было только два маленьких абзаца), и поспешила за Грэгом.

«Грэг проснулся. В палатке было по-сонному тихо: Хельга не храпела, Мелина не вздыхала, Эдвин крепко спал. А перед мысленным взором Грэга была она, его персональная Луна – Ольга Полевая. Скрипачка с большими карими глазами и копной каштановых волос. Это первое, что он увидел и запомнил в ней. Это был какой-то концерт в Ратуше. Выступал русский симфонический оркестр. Ольга играла партию первой скрипки. Грэг сидел совсем близко и видел её большие глаза. Его поразило то, что в отличие от других музыкантов, она чаще всего не смотрела в ноты перед собой, а играла, закрыв глаза и наслаждаясь музыкой. В такие моменты именно партия первой скрипки будто проникала внутрь Грэга и заполняла музыкой не только слух, но и всё тело. Ему казалось, что музыка звучит в нём самом.»

Концерт длился довольно долго, и к его окончанию Грэг пришел к осознанию, что хочет познакомиться с этой скрипачкой. Ничего еще не зная про то, что это русский оркестр, он задержался после концерта, нашел администратора, спросил, где можно найти музыкантов. Тот сказал, что они скоро будут выходить, и указал дверь, у которой лучше их подождать.

Грэг прождал четверть часа, придумывая, с какими словами обратиться к незнакомке, чтобы это знакомство всё-таки завязалось. Первыми появились мужчины с большими футлярами виолончелей в руках. Потом была целая вереница музыкантов, в толпе которых Грэг чуть не пропустил свою скрипачку. Она была в плаще с капюшоном, волосы завязаны в пучок на макушке, на лице появились очки, так что узнать её было трудно. Она шла, разговаривая с другой девушкой, но Грэга это не остановило. Он решительно подошел к ней и заговорил:

– Простите! Я так восхищен Вашей игрой, что хотел бы выразить Вам свои чувства.

– Sorry! – услышал он в ответ приятный голос Ольги. – I do not understand*.

Грэг в первую секунду опешил. Потом быстро пришел в себя, сообразив, что разговаривает с иностранкой, обрадовался, что вполне сносно владеет английским.

– Excuse me. I would like to express my admiration to you**, – повторил он по-английски.

– Sorry! I do not speak English***, – ответила ему Ольга очень извиняющимся тоном.

В этот момент на счастье Грэга мимо проходил флейтист, который хоть что-то понимал на английском и мог сам говорить на нём. Он перевел Ольге слова Грэга. Представил их друг другу. Объяснил Грэгу, что сейчас они едут в гостиницу. У них в ближайшие две недели концерты в Стокгольме и еще нескольких городах. Грэг вызвался быть для них гидом на остаток вечера и показать особенные места, недалеко от гостиницы. Флейтисту это предложение понравилось. Они втроем подошли к автобусу, нашлось еще несколько молодых людей и девушек, которым эта идея пришла по душе. В их числе была и Ольга, которую этот напористый молодой мужчина с горящими глазами очень заинтриговал. Они договорились с водителем автобуса взять с собой Грэга, и вместе с ним поехали в гостиницу.

«Эти русские», как называл их Грэг про себя, даже накормили его ужином в ресторане гостиницы, а потом они до поздней ночи гуляли по городу, пили глэг****, ели разные закуски, фотографировались, пели и танцевали под живую музыку прямо на площади: несколько музыкантов взяли с собой инструменты.

Об Ольге Грэг тогда узнал совсем мало, но зато наслушался её переливчатого смеха, услышал, как она поёт русские песни, и увидел её смущение, когда они танцевали на почти ночной площади. Ольга была чуть выше среднего роста, стройной девушкой со сдержанными манерами, красивым добродушным лицом и задумчивым взглядом. Глэг она не пила, но в танце её щеки размялись, от чего она стала нравиться Грэгу еще больше.

Следующие две недели почти каждый вечер он приезжал в гостиницу, ждал Ольгу. Несколько раз он с помощью подружившихся с ним русских музыкантов попадал на их концерт и оставался после концерта с ними. Когда рядом не было Фёдора, так звали флейтиста, они с Ольгой общались с помощью разговорника. Но уже дня через три им всё меньше нужны были слова, потому что целовались они больше, чем говорили.

Это были по-настоящему волшебные две недели, потому что потом всё резко оборвалось. Так резко, что даже сам Грэг не хотел вспоминать об этом.

Вот она, его Луна, из-за которой он больше не смотрит на звёзды.»

«Сентиментально, да. Но ничего, – размышляла Миранда, – я этот сентиментальный налёт уберу или обязательно испорчу. А то луна, звезды, любовь, романтика, охи-вздохи. Нет, мой герой не такой. И роман мой не о любви, – твёрдо решила Миранда.»

Закончив, она вложила листы своего романа в журнал и вернулась к работе.

* Извините! Я не понимаю.

**Простите! Я хотел бы выразить Вам свои чувства.

****Извините. Я не говорю по-английски.*

***** Глэг – скандинавский алкогольный напиток на основе вина.*

Глава 9.

В обед Лена неожиданно поинтересовалась:

– А как вчера прошло твоё свидание с Лавровым? Какой фильм смотрели?

– Да никакой, – ответила Миранда.

– Как это? У них там тоже все ветрянкой заболели? – пошутила Лена.

– Нет. Просто мы под дождь попали, на сеанс уже не успели и просто гуляли по городу.

– Обнимались и целовались, – вздохнула Лена.

– Именно так, – подтвердила Миранда.

– Ты замуж за него пойдешь? – поинтересовалась подруга.

– Так он меня не звал ещё, – ответила Миранда.

– А если позвёт? Не вечно же вам по подъездам тискаться, – заметила Лена.

– Ой, ты прям как твоя мама говоришь, – рассмеялась Миранда.

– Говорю. А что остаётся? Ты моя подруга. Я за тебя волнуюсь.

– Это просто тебе до вечера энергию свою направить не на кого, так ты моей судьбой обеспокоилась, – подначивала Лену Миранда.

– Не хочешь говорить о Коле? Или замуж за него не хочешь? – настаивала Лена.

– Не знаю, – выдохнула Миранда. – Он мне нравится. С ним легко, понятно всё, но иногда очень скучно.

– Так ты возьми роман почитай, который я последний перепечатывала: там столько приключений, драк, перестрелок, даже убийства два.

– А чего так мало?

– Это не ко мне вопрос. Я только перепечатываю.

– Нет, мне и без убийств неплохо живётся. У меня подруга с револьвером есть – мне хватает.

– Тогда в Коле тебе чего недостаёт?

– Чего-то эдакого. Я пока сама не поняла чего.

– Ты рассольник будешь?

– Нет, я суп молочный возьму. И макароны. И добавлю эти макароны в молочный суп, а то он у них всегда жидкий слишком.

– Может, и мне гречку взять и в рассольник добавить?

– Лучше перловку.

– Это банально.

– Зато не испортишь.

– Ладно, я лучше гречку с котлетами отдельно возьму. Пусть внутри меня всё перемешивается и там между собой договаривается.

– Подкрепись, да, – поддержала подругу Миранда, – тебе еще вечером в филармонии скучать долго придется, так пусть хоть твой желудок музыкантам не подыгрывает.

– Бери уже свой молочный суп с макаронами. И булочку с маком прихвати, чтоб потом не кланчить по отделу. У меня все запасы сладостей для тебя закончились.

– Как это не предусмотрительно с твоей стороны.

– Тебе аванс вчера выдали так же, как и всем. Вот и корми себя сама.

– Да я кормлю, кормлю, никак не прокормлю. Может, это во мне эмоциональный голод такой сильный, а? И внешне он под обычный голод прячется.

– Ой, ты и придумашь, Васнецова! Топи уже свой макарон в супе, а то он сам не тонет.

– Молока мало.

– Как же мало, если уже за края выходит?

– Это его макарон вытесняет. Сейчас напитается молоком, и всё нормально будет.

– Молоком твой макарон уже не напитается: он максимально напитался водой, пока его варили.

– Видимо, ты права. Буду есть так, – обреченно вздохнула Миранда и попробовала суп.

– Что-то не очень вкусно.

– Эксперимент не удался.

– Хотя... Ничего, нормально. Но в следующий раз так делать не буду. Чего-то не хватает.

– Тебе всегда чего-то не хватает, когда речь идет о еде.

– Точно, – согласилась Миранда, – мне еды всегда не хватает, а зарабатываю я мало.

– Ничего, скоро замуж за Колю выйдешь, еще и он будет на твой желудок зарабатывать.

– Да не собираюсь я за него замуж.

– Вот и правильно. Ты должна еще свидетельницей на моей свадьбе побыть, а потом уже сама замуж выходить.

– А почему не наоборот?

– Если ты первая замуж выйдешь, я повешусь.

– Чего это? – даже перестала есть Миранда и с опаской посмотрела на Лену, раздумывая, шутит та или нет.

– Я красивее, умнее, талантливее и младше, главное – младше. Поэтому я первой должна замуж выйти.

– Резонно. А еще ты просто клад! В случае чего, я Лаврову так и скажу: «Только после Лены».

– Главное, чтобы он не подумал, что должен жениться сперва на мне, а потом на тебе.

– Обижаешь! Он же младший научный сотрудник.

– Вот именно. Был бы старшим, тогда я бы в нём не сомневалась.

– Я ему и это передам.

– Тебе, может, еще и пирожков напечь и в корзинку положить, чтоб ты ему всё передала, ничего не забыла?

– Пирожки – это хорошая идея. Только все донести не обещаю.

– Ты, как Красная шапочка: взять пирожки взяла, а донести не донесла.

– Там волк во всё был виноват. Чего ты сравниваешь?

– Это в пересказе. Небось, Шапочка эта такая же, как ты, прожорливая была. Все пирожки сама съела, пока по лесу гуляла, бабушку чуть до смерти голодом не заморила, а потом сказочку в своё оправдание придумала.

– Могла.

– Вот-вот.

Вечером Миранда всё-таки сходила с Колей в кино, но фильм оказался неинтересным. Прогулка домой немного скрасила впечатление о вечере. Вернувшись домой, Миранда хотела что-то еще напечатать про Грэга, но он молчал. Видимо, пока не хотел вспоминать про Ольгу.

Глава 10.

Утром Миранда в хорошем настроении пришла на работу и застала подругу уже на месте.
– Так, я всё про него узнала! – сразу выпалила Лена. – Его зовут Константин Павлов. Ему двадцать восемь лет. Окончил какую-то там консерваторию. Сейчас... – Лена на секунду запнулась, а потом старательно выговорила, – концертирует. Живет с родителями. У него есть младшая сестра. Она работает в книжном магазине. Я иду вечером с ней знакомиться.

– Зачем? – не утерпела Миранда.

– Не могу же я к нему просто на улице подойти и заговорить, – возмутилась Лена.

– А к сестре его в магазине подойти можешь? – засомневалась Миранда.

– Конечно! Она продавец, я покупатель. Заброшаю её вопросами. Сегодня приду, завтра, а там уже что-то придумаю. Нужно торопиться. Через две недели у него долгие гастроли с симфоническим оркестром.

– То есть тебе всё-таки сам виолончелист понравился, а Рахманинов здесь ни при чём? – решила уточнить Миранда.

– Рахманинов, конечно, тоже душка. Но Костя живой и красивый, он мне больше нравится.

Миранда только улыбалась в ответ.

– Знаешь, как он виолончель держит? – перешла на шёпот Лена. – Словно девушку обнимает. Мне даже захотелось стать виолончелью в его руках.

Миранда оценивающе посмотрела на Лену.

– Я, конечно, в живую виолончель никогда не видела, – сказала Миранда, – но сдаётся мне, что ты помельче будешь.

– Но формы! Формы, Васнецова, посмотри! Я же вылитая виолончель! – продемонстрировала себя Лена.

– Да, вон наш князь Облонский уже всю облизывается, на тебя глядя, сейчас он на тебе и сыграет.

– Нет, я жажду других рук, – улыбалась Лена.

– Ой, – вздохнула Миранда, – всё-таки хорошо, что не ты любовные романы печатаешь.

– Кто хочет, тот любовную романтику везде найдет, – ответила Лена. – У меня сегодня «Опасность на кончике смычка». Вернее, «...на лезвии ножа».

– Где-то я это название уже слышала, – задумалась Миранда. – Ааа, вспомнила. Там автор, случайно, не Виктор Васнецов?

– Нет, – ответила Лена, вглядываясь в рукописи. – Альберт Вольштейн.

– Чувствую, редактор порекомендует ему взять псевдоним, – предположила Миранда, и они с Леной рассмеялись.

Следующие несколько часов кабинет печатного бюро чаще обычного наполнялся заливающим смехом Лены. Сегодня всё её веселило особенно ярко, и Миранда предполагала, что это заслуга не Альберта Вольштейна, а Константина Павлова.

Печатающая на машинке, Миранда мысленно разговаривала с Грэгом.

– Ну, что, не хочешь мне про Ольгу рассказывать, – обратилась она к нему.

Грэг выбрался из спального мешка, оделся и тихо вышел из палатки.

Это было ответом на заданный вопрос.

– Тогда я придумаю тебе встречу с медведем, – мстительно сказала ему Миранда. – Вот прямо сейчас. Ты нужду хотел справить спокойно, а я тебе морду медведя в самый подходящий для этого момент.

– Какой медведь?! – скептически посмотрел Грэг на Миранду. – Сейчас зима. Все медведи в спячке.

– А это медведь-шатун, – парировала Миранда. – Его что-то разбудило, и теперь он бродит в поисках пищи. А ты будешь очень даже аппетитно выглядеть в его глазах.

– Сомневаюсь, – буркнул Грэг и отошёл по своим делам, наблюдать за которыми Миранда не собиралась.

Морда медведя предательски не появлялась.

– Может, ему в яму провалиться? – размышляла дальше Миранда. – Сломает еще раз ногу. Остальные будут долго и мучительно вытаскивать его, потом волочить по снегу, а нога будет кровоточить и оставлять на снегу кровавые следы.

– Тебя и на минуту нельзя оставить, – упрекнул Миранду появившийся Грэг. – Хорошо, расскажу про Ольгу.

– Вот так бы сразу, – обрадовалась Миранда, делая вид, что смотрит на смеющуюся Лену и улыбается её смеху.

Чистый лист бумаги, заправленный в печатную машинку, уже ждал.

«Грэг выбрался из спального мешка, оделся и тихо вышел из палатки.

Солнце едва показалось на горизонте и подсвечивало облака ровным красивым светом. Снег слепил после темноты палатки. Воздух молчал и приятно охлаждал носоглотку и легкие.

«Какой же я был счастливый всего полтора года назад, – размышлял Грэг. – И как один маленький шаг может изменить всю жизнь.»

Перед его глазами тут же возникла разрезанная надвое жизнь. Вот он самый счастливый человек на свете – после вечерней прогулки с Ольгой. Он спешит на последний трамвай, поэтому не провожает её, как обычно, до гостиницы. Она переходит дорогу через трамвайные пути. Он окликает её:

– Ольга!

Она оборачивается. И он счастливый кричит ей по-русски:

– Я люблю тебя!

Она улыбается, подаётся вперед, чтобы крикнуть в ответ что-то, спотыкается и падает. Из-за угла появляется трамвай. Ольга пытается встать, но что-то мешает ей. Грэг срывается с места и бежит к ней. Визг тормозящего по рельсам трамвая. И Ольга буквально разрезанная пополам.

После этого вечера Грэг стал сам не свой. Не сразу смог вернуться в университет. Отказывался играть в предстоящем товарищеском матче. Но Фергюсон тогда заболел, и тренер настоял на том, что Грэгу нужно играть матч. Он честно старался сосредоточиться на игре, но перед глазами была Ольга, и всё происходящее вокруг казалось таким никчемным и ненужным, что, упав, он на минуту даже обрадовался, что не сможет продолжить игру. Затем он воспринял это как расплату. Он винил себя в произошедшем. И поклялся себе больше никогда не влюбляться.

Он ни с кем не мог говорить об этом. Родителям сказал, что стал свидетелем гибели девушки, и это слишком потрясло его. О встречах с Ольгой и о своих чувствах к ней он никому сказать не успел, а теперь просто не мог.

И вот он пришел сюда в горы, в этот девственно белый снег, чтобы начать всё с чистого листа, и почему-то именно сейчас ему приснился этот сон. И он снова всё вспомнил.

Произошедшее не исправить. Не вычеркнуть. Перевернув страницы, ты однажды обнаруживаешь, что сквозь них проступают буквы уже похороненных дней.

– Доброе утро, – как-то неуместно жизнерадостно прозвучал голос Хельги, вышедшей из палатки.

– Не думаю, – буркнул Грэг. – Нужно собираться в дорогу. Сегодня предстоит долгий путь. Организуйте завтрак, а я подготовлю снаряжение.

– Какая муха тебя укусила? – спросила обеспокоенная Хельга.

– Здесь нет мух, – недоброжелательно глянув на Хельгу, ответил Грэг.

Хельга не стала спорить. Она видела перемены, произошедшие с Грэгом полтора года назад, накануне того матча, потом наблюдала угрюмый силуэт Грэга после возвращения из медицинского центра, где он проходил реабилитацию. И осторожно радовалась тем изменениями, которые были очевидны здесь, в горах. Она предполагала, что в какой-то момент что-то может выбить его из еще не проторенной колеи хорошего расположения к себе и людям, но не лезла с расспросами, будучи уверенной, что человек сам всё расскажет, когда будет готов к этому. Поэтому такое невежливое обращение Грэга несколько её не огорчило. Она растерла лицо снегом, улыбнулась наступающему дню, пропела несколько строк какой-то веселой народной песни, большие для того, чтобы окончательно разбудить оставшихся в палатке Эдвина и Мелину, и в самом благодушном настроении взялась за приготовление завтрака. Проснувшихся химиков она лишь, весело усмехнувшись, предупредила:

– Нильсон опять превратился в грозного бурого медведя, поэтому вы с ним поосторожней.»

Миранда, довольная собой, достала журнал, аккуратно сложила в него листы, убедившись, что никто не обращает на неё внимания, и продолжила перепечатывать чужую рукопись. Лена продолжала хохотать время от времени, чем всем поднимала настроение.

В обед по пути в столовую, Миранда заметила подруге:

– Я смотрю, тебе детективы совсем не помогают отвлечься от твоего виолончелиста.

– Я совершенно не намерена отвлекаться от него на всякие глупости! – воскликнула Лена.

– Он так прекрасен!

– Ты с ним тоже уже совместную жизнь продумала на ближайшие лет десять? – съехидничала Миранда.

– Нет, – доверительно взяв подругу под руку и говоря почти в самое ухо, призналась Лена. – Я дальше первой ночи пока продвинуться не могу.

– Эка тебя задело! – удивилась Миранда. – Ты даже разругалась вся. И глаза блестят. Ты только такими глазами на Яблонского нашего не смотри, а то он подумает, что ты хочешь стать виолончелью или печатной машинкой в его руках. Ещё кондрашка хватит от радости.

– Он не такой уж и старый, – возразила Лена.

– Да он, как Карлсон, мужчина в самом расцвете сил, но когда это мешало тебе погубить мужчину одним своим пламенным взглядом.

– А, может, мне на нём потренироваться перед знакомством с Константином?

– Нет, лучше не надо. А то что ты потом с нашим пылко влюбленным князем делать будешь? Тебе карьерой в нашем бюро рисковать нельзя.

– Ты же пару дней назад меня в театр сватала, – напомнила Лена.

– То когда было?! – возразила Миранда. – Тогда стоял выбор между карьерой артистки и перспективой покрыться пылью, печатая чужие романы. Конечно, артисткой стать – это важнее. Но пока они там все ветрянкой болеют, тебе не мешает личную жизнь устроить. Будешь по гастролям мотаться с симфоническим оркестром. У тебя случайно оперного голоса нет? – поинтересовалась Миранда, когда они уже сидели за столом в столовой с подносами взятой еды.

– В школьном хоре я что-то пела вторым голосом. Иван Макарыч меня хвалил, но про оперу ничего не говорил, – углубилась в воспоминания Лена.

– Так школьный хор оперные партии и не поёт, – со знанием дела заметила Миранда.

– Надо вечером попробовать что-нибудь спеть. Может, и получится.

– Ты же в книжный вечером собиралась, – напомнила Миранда.

– Точно, нужно там с Катей об этом и поговорить! – радостно воскликнула Лена, чем привлекла к себе внимание других обедающих.

– Да тише ты, – шикнула на неё Миранда. – С какой ещё Катей?

– С сестрой Костика, – просто ответила Лена, уже увлеченная щами.

- Он для тебя уже Костик, – заметила Миранда. – Харчо сегодня пересолили.
- Надо было щи брать, – почти доев порцию, сказала Лена. – Щи вкусные. А Костика я себе уже присвоила и даже ласковое имя ему придумала, – сияла Лена.
- Какое же? – вяло поинтересовалась Миранда, активно заедающая хлебом пересоленный суп Харчо.
- Косточка! – нежно произнесла Лена.
- Миранда поперхнулась. А когда откашлялась, спросила:
- Ты лучше ничего не могла придумать?
- Тебе не нравится?
- Двусмысленно как-то? Он что, тощий совсем?
- Тощий? Почему? – не поняла Лена. – Совсем нет. Плечи, руки, ноги там. Всё на месте. И всё так... – Лена искала подходящие слова. – С мясом.
- То есть чуть посуше, чем суповой набор, но в целом набор костей, поэтому Косточка, – резюмировала Миранда. – Понятно. Как думаешь, если я сладким компотом пересоленный суп запью, мне плохо не будет?
- Лучше не рисковать, – посоветовала Лена.
- Не буду. А ты пончиков или булочек сегодня не принесла?
- У меня пряники есть. Но это на вечер. Катю угостить.
- Для Кати, значит, ты пряники взяла, а для меня нет? – с укором сказала Миранда.
- Я тебя и так всё время подкармливаю, Васнецова. К тому же у тебя нет брата-виолончелиста.
- Да, – вздохнула Миранда, – у меня только брат-физик. И мне за это положена компенсация в виде хотя бы двух пряников, – заявила она.
- Почему это двух? – возмутилась Лена.
- Ты с моим Витькой знакома? – спросила Миранда.
- Знакома, – ответила Лена.
- Тогда какие еще могут быть вопросы? Мне за него компенсация в виде пакета пряников полагается, а я у тебя только два прошу. И то, – добавила Миранда со значимостью, – только потому, что в столовой мне сегодня не повезло. Прояви гуманность.
- Ладно. Гуманность, так гуманность. Я тебе три пряника выделю, – заверила Миранду Лена.
- Вот это я понимаю, – одобрила Миранда. – Ты настоящая подруга.
- Остаток рабочего дня прошел в продуктивном стучании машинок, изредка сопровождаемом звонким смехом Лены.
- После работы Миранда пожелала подруге удачи с сестрой Костика, и уже предвкушала утренний спектакль под названием «Знакомство в книжном на углу».

Глава 11.

Дома, после ужина Виктор увязался за Мирандой со словами:

– Ну, всё, я хорошенько подкрепился и готов к встрече с неожиданным.

– Это ты о чём? – не поняла Миранда. – На свидание идешь?

– На свидание я иду завтра. Но с кем, не скажу. Представляю, как ты удивишься. Но лучше я после него тебя удивлю, чтобы ты заранее не издевалась.

– Обычно ты надо мной издеваешься. Каждый судит по себе.

– Возможно. Но сегодня, сейчас я сыт, нахожусь в благостном расположении духа, – он уселся на диван, – и готов читать дальше твой роман.

– Ух, ты! Какая благосклонность! А с чего ты взял, что есть что читать? Может, я ничего больше не написала?

– Написала, – не поверил Виктор. – Я нутром чую.

– Ладно, так и быть, – согласилась Миранда.

Она достала из сумки журнал, аккуратно вынула напечатанные листы, добавила их к остальным и протянула Виктору пока еще тонкую пачку.

– Я думал больше будет, – ответил Виктор, принимая листы.

– У меня работа, личная жизнь, Калымакина. Так что сколько уж успела.

– Ладно, не оправдывайся. Ты ж не Чехов, не Тургенев там какой. Можешь и по чуть-чуть писать. Я разрешаю.

– Читай уже. Мне интересно, что ты скажешь.

– А ты что, будешь сидеть тут и на меня смотреть?

– Пожалуй, нет. Дай-ка мне начало, рукописное. Я его перепечатаю пока. И страницы пронумерую, чтоб последовательность была.

– Держи, – Виктор отдал Миранде рукописные листы и те из напечатанных, которые он уже читал.

Миранда взялась за перепечатку, а Виктор за чтение.

– Так-так-так, – комментировал он. – Лямур-тужур вырисовывается. А нет, Эдвин сбежал. Так. Ага. Ага, – вставлял он изредка во время чтения, а потом с возмущением обратился к Миранде: – Чего он у тебя трус такой? Маленький сынок!

– Ты о ком?

– Об Эдвине.

– Так по сюжету он и есть маленький сынок.

– Так он же в горы пошел, чтоб исправиться.

– Может, и исправится. Не всё же сразу. Что он, от пары дней в горах уже другим человеком что ли стал? Не думаю.

– Ладно, – согласился Виктор. – Может, ты и права.

Миранда продолжила печатать.

– О, рогалики с вишневым джемом я тоже люблю, – снова подал голос Виктор.

– И я, – поддержала Миранда.

– Да ты всё любишь, что тебе ни дай.

– Вишни всегда в приоритете.

– Согласен, – поддержал Виктор и добавил: – Не отвлекай меня.

Миранда только хмыкнула в ответ.

– О, русская девушка появилась! – радостно воскликнул Виктор. – Оригинально! – насмешливо заметил он. – Скрипачка! Это неожиданно! Мгу. Мгу. По-английски не говорю, ха-ха! – смеялся Виктор. – Как же они у тебя общаться будут? Пальцами жестиковать? Ах, флейтист образованный попался. А знаешь, я бы вполне смог по-английски с кем-нибудь

что-то обсудить. Просто у меня никогда не было возможности попрактиковаться. Машинки ваши английские буквы не печатают, пришлось вручную фразы на английском писать. Молодец, хоть без ошибок написала.

– У меня пятерка по английскому.

– Да помню я. О, уже до поцелуев дело дошло. Мне начинает нравиться, – оживился Виктор. – Может, и неприличные сцены будут, а?

Потом Виктор резко замолчал, перестал улыбаться и так же резко, неодобрительно воскликнул:

– Нет, погоди! Это почему? Это зачем? – негодовал Виктор. – Только у тебя появилась симпатичная героиня, как ты ее тут же убила!!!

– Это не я, – искренне оправдывалась Миранда, повернувшись к брату. – Это история Грэга. Это он все так рассказал. Я тут ни при чем.

– Как это ни при чем? – не соглашался Виктор. – Ты автор или кто? Пусть она уедет, заболеет, изменит, в конце концов! Но зачем же убивать, да еще так зверски?

– Значит, Булгакову можно, а мне нет? – огорчилась Миранда.

– Эка ты замахнулась! – присвистнул Виктор. – Я что-то не заметил, чтобы твоя Ольга существование бога отрицала, за что ж ты ее так?

– Это рок, фатум, отправная болезненная точка, переломная линия, определяющий фактор. Должно было произойти что-то экстраординарное, сильное. Грэг меня не подвел. Поддержал даже.

– Сломанной ноги тебе мало показалось.

– Нога зажила.

– А расчлененная девушка уже не заживет.

– Надеюсь, что нет. Про призраков писать я не собираюсь. И создавать новую любовную линию тоже. По-моему, прекрасное оправдание. Меня все устраивает.

– А меня только расстраивает.

– Можешь не читать, – фыркнула Миранда, забрав у Виктора отпечатанные листы.

– Нет уж, – выхватил он листы у Миранды. – Мне теперь еще больше интересно, как у тебя все это выкрутится. Закручиваешь ты неожиданно лихо. Я от тебя сопливой сказочки ожидал, а ты героинь убиваешь.

– Ой, подумаешь. Убила одну – не велика потеря. Хочешь, я тебе еще нарисую? – ехидничала Миранда.

– Пока не хочу. Ты про нее еще что-то напишешь? Какая она была и все такое?

– Если Грэг расскажет, напишу, – заверила Миранда.

– Интересно, Толстому Анна Каренина тоже вот так про себя рассказывала? – ухмыльнувшись, рассуждал вслух Виктор.

– Не иначе! – заверила его Миранда.

– Так, надо дочитать. У тебя тут еще целая страница.

Какое-то время Виктор сидел молча, с самым серьезным видом.

– Чувствую, я тоже превратился в грозного бурого медведя. Ты меня очень расстроила, – сказал Виктор, вставая. – Пойду покурю.

– Ты же не куришь, – хмыкнула Миранда.

– От таких переживаний и закурить можно. А Грэг твой почему курить не начал? – спросил Виктор уже в дверях комнаты.

– Экономит на махорке, – бросила ему в ответ Миранда, сосредоточенная на перепечатке текста.

– Коля твой сегодня не придет? – не унимался Виктор.

– Нет. У них там какая-то конференция.

– Ты ему про роман говорила?

- Нет. Зачем? – подняла Миранда глаза на Виктора.
- Действительно, – согласился Виктор. – Чай тебе заварить? Может, ты подобреешь и перестанешь красивых девушек убивать?
- От чая не откажусь. Насчёт девушек не обещаю, – усмехнулась Миранда. – Спасибо.
- Ты мне листы принесла?
- Да, листы принесла. Возьми там в папке, только не все. Половину мне оставь. Они мне пока самой нужны.
- Хорошо. Потом возьму. Спасибо. Но я от тебя такого не ожидал, – никак не мог успокоиться Виктор.
- Я тоже такого не ожидала, – призналась Миранда. – Оно само так получилось.
- А зачем ты её русской сделала? Была бы какой-нибудь итальянкой или португалкой, которая по-английски ни бельмеса. А то там есть фраза, мол, он кричит ей по-русски. А у тебя и так всё на русском, но как-то не по-русски.
- Миранда вопросительно посмотрела на Виктора.
- Ты что-то начал заговариваться, – прокомментировала она. – Ольга русская. Так получилось. Мне нравится. Так оно и будет.
- Хуже упрямой женщины только бодливая корова, – буркнул Виктор.
- Так, – повернулась к нему Миранда, – я не поняла: ты меня коровой назвал?
- Нет, женщиной, – ответил тот.
- Я даже не знаю, что хуже, – хмыкнула Миранда и вернулась к печатной машинке.
- Хуже – когда тебя перерезают пополам, – не унимался Виктор.
- Вот и хорошо, что автор сказочки обо мне оказался достаточно добрым.
- Ты что, веришь в бога? – насмешливо спросил Виктор, подсунув своё лицо почти вплотную к лицу Миранды.
- Я его не отрицаю, – уклончиво ответила та. – Как говорит наша мама, я его в глаза не видела, откуда мне знать, есть он или нет? Кокосы вот тоже мне на глаза пока не попадались, но они же существуют. Мне кажется, что полностью отрицать существование некой силы, которая есть над нами, как-то глупо. Сила притяжения ведь есть.
- Так это снизу.
- Но по какому-то там закону, раз есть что-то такое сильное снизу, то должно быть и сверху.
- С точки зрения физики?
- Её самой.
- Вполне.
- А еще представь, если мы с тобой просто чья-то выдумка, и он сидит прямо сейчас и про нас на машинке печатает, вот прям как я про Грэга? – Миранда сияющими глазами смотрела на Виктора.
- И ты хочешь сказать, что от нас вообще ничего не зависит?
- Наоборот! – возразила Миранда. – Только мы сами всё и определяем! Я это по Грэгу поняла. Каждый сам решает, какую историю ему рассказать, вернее, прожить. Герои романа автору плохо подчиняются. Вернее, не подчиняются совсем. Создал их – и всё, дальше не твоё дело. Только наблюдай и подталкивай, а всё сделают они сами. Так и мы в жизни.
- Виктор задумчиво смотрел на сестру и не находил слов. А Миранда продолжала:
- Вот допишу свой роман и подумаю еще, оставаться ли мне работать в нашем бюро. Может, в горы отправлюсь. Недельки на две. Не обязательно на снежные вершины, а просто в горы. Что-то я дома засиделась. А тут Грэг! Может, это моё подсознание мне говорит, что мне в горы надо. Но не одной, а командой. Найти людей надежных и идти покорять вершины.
- И меня с собой возьми, – тихо произнёс Виктор. – Я тоже хочу в горы.
- Как Эдвин? – усмехнулась Миранда.

- Как Эдвин, – серьезно ответил Виктор. – Я пойду чай всё-таки заварю.
- Там горный есть, что дядя Иван с Карпат привез. Завари его, – крикнула вдогонку уходящему Виктору Миранда.
- Хорошо, – отозвался тот.

Глава 12.

Миранда, улыбаясь, закончила перепечатку, пронумеровала листы и сложила их все вместе.

Перечитала последнюю страницу и ощутила, как кто-то невидимый положил холодную руку ей на плечо. Это была рука вернувшейся с холода Хельги. Пришлось заправить в печатную машинку новый чистый лист.

« – Нильсон опять превратился в грозного бурого медведя, поэтому вы с ним поосторожней.

– Опять, – вздохнул Эдвин. – Значит, зря я радовался.

– А каким он был до перелома, – спросила Мелина.

– Он был обаятельным самовлюбленным красавцем, – усмехнулась Хельга.

– Так уж и красавцем? – засомневался Эдвин.

– Очень даже, – улыбалась Хельга.

– Он тебе нравился? – поинтересовалась Мелина.

– Нет, – просто ответила Хельга. – Мне красивые мужики не нравятся.

– Может, это ты красивым мужикам не нравишься, поэтому ты их и недолюбливаешь? – попытался поддеть Хельгу Эдвин.

– Самовлюбленные красавцы на меня внимания не обращают в этом плане, – хохотнула Хельга. – В этом ты прав. И когда мужчина красив, он думает, что уже этого вполне достаточно, чтобы женщины все с ума сходили. Начинает о причёске своей и рубашках думать больше, чем о том, что вешалку нужно закрепить или дом построить. Мне кажется, что внешняя красота плохо сказывается на строении и работе мужского мозга. Мужчина рожден для дела, а женщина для красоты.

– Тогда почему далеко не все женщины красавицы? – парировал Эдвин.

– Вот здесь ты неправ, – ответила Хельга. – На самом деле все женщины красивы. По природе своей. Это общественные нравы и шаблоны нас уродуют. Если взять пятьдесят случайных женщин детородного возраста, раздеть их догола, распустить им длинные волосы, а у женщины волосы обязательно должны быть длинными, и даже без косметики на лице, но обязательно с улыбкой показать мужчинам, то все мужчины сочтут этих женщин очень привлекательными. Взрослые мужчины со здоровой потенцией.

– Надо было мне на биологический поступать, а не на химический, – ошалело улыбаясь, сказала Мелина. – Ты так просто о таких вещах говоришь! Я только не поняла, почему волосы должны быть обязательно длинными? – добавила она, тряхнув еще спутанными после сна волосами, едва достигающими лопаток.

– Потому что в них женская сила.

– Анатомически? – съязвил Эдвин.

– Энергетически, – пояснила Хельга. – Что-то в этом есть. Науке пока трудно в этом разобраться, доказать или опровергнуть аргументировано, но наблюдения есть, и я им доверяю. А чего ты усмехаешься? – спросила она у Эдвина.

– Да представил себе описанную тобой картинку с пятьюдесятью голыми женщинами, – улыбаясь, ответил Эдвин. – У меня прям настроение поднялось.

– А нас там в твоей этой картинке ты случайно не представил? – поинтересовалась Хельга вслух, но будто высказала незаданный Мелиной вопрос.

Эдвин хитро посмотрел на них обеих и всё с той же улыбкой произнёс:

– Может быть, может быть, – а потом добавил: – Я вам завтрак доверяю, а сам пойду с Грэгом переговорю.

И Эдвин ушел к Грэгу.

– Как думаешь, – обратилась Мелина к Хельге, – если я волосы отращу, я ему больше понравлюсь?

– Думаю, если ты ему себя голой покажешь, ты ему точно больше понравишься, чем в этом комбинезоне, но долгой и счастливой любви это тебе не гарантирует. Так, одни инстинкты. За них мужики не в ответе.

– Какие инстинкты? – не поняла Мелина.

– Тебе сколько лет-то? – спросила Хельга.

– Много, – вдруг засмуцалась Мелина, – больше двадцати.

– И ты не знаешь, про какие инстинкты идет речь?

– Нет, – еще больше смутилась Мелина

– Ну, ты совсем ребенок! – воскликнула Хельга. – А откуда дети берутся, ты знаешь?

– Из живота матери, – ответила Мелина.

– А как они туда попадают? – экзаменовала Мелину Хельга.

– Я точно не знаю.

– Ты девственница что ли? – искренне изумилась Хельга.

– А почему тебя это удивляет? оскорбилась Мелина.

– А действительно, – согласилась Хельга. – Это я всех по себе меряю. Извини. Давай быстренько завтрак организуем, а то бурый медведь уже на подходе. Глядишь, съест нас самих на завтрак.

– Нет, подожди. Мы тему инстинктов и женской привлекательности не обсудили. Ты сказала, чтоб я голой Эдвину показалась. Я не представляю, как это сделать, да и стесняюсь. А вдруг я ему не понравлюсь. У меня грудь маленькая и ноги немного... – Мелина замялась, – кривые, – почти шепотом сообщила она.

– Это неважно, – махнула рукой Хельга.

– Как это неважно? – опешила Мелина.

– Понимаешь, формы и пропорции в привлекательности женщины для мужчины определяющей роли не играют. Для первого впечатления, конечно, они важны. Да и потом одним нравится, чтобы женская грудь едва ладошкой прикрывалась, а другим, чтоб и двумя руками не удержатъ было.

Но бывают у мужчин такие состояния, когда им неважно, маленькая, большая, костлявая женщина или жиром заплыла. Главное, что есть возможность удовлетворить те самые инстинкты. Вернее, один – инстинкт продолжения рода. Желание. Так вот, вид обнаженной молодой женщины вызывает у мужчин это самое желание. Хочет он этого или нет. Так физиология работает. Тебе это может помочь.

– То есть, если мы с ним поженимся, детей родим, а потом в каком-нибудь таком же походе какая-нибудь другая аспирантка ему в голом виде предстанет, то он мне изменит? – разволновалась Мелина.

– Необязательно, – растерялась Хельга. – Человек – существо социальное. И если мужчина хорошо воспитан и у него моральные принципы высокие, то он может и удержаться. А если нет... Тут уж ничего поделать нельзя.

– Это вам на занятиях такое рассказывали? – совсем огорчилась Мелина.

– Нет, это я опытным путем многое узнала, а потом уже нашла этому научное подтверждение.

– Опытным путем – это как? – не понимала Мелина. – У тебя было много мужчин?

– Конечно, нет. Какие мои годы!? – усмехнулась Хельга, а потом добавила серьезно: – Скажу тебе так. Эксперименты у меня были. Куда ж без них? Все в жизни познается тем самым опытным путем. Но без излишеств. Зато теперь я понимаю, что мне нужно, а что нет. И когда до мэриши дело дойдет, я все для себя и для него предельно просто проясню. Все-

таки физиология физиологией, а семья семьёю. Жизнь вместе прожить – это не ночь скоротать. В человеке нужно быть уверенной на все девяносто восемь процентов. И понимать, что неподвластные никому два процента всегда есть.

– Ты про голую женщину детородного возраста? – уточнила Мелина.

– И об этом тоже.»

– Твоими автоматными очередями можно всех уцелевших фрицев расстрелять, – заявил вошедший с чашкой чая в руках Виктор. – Что ты уже здесь так увлеченно выстукиваешь? Продолжение?

– Оно самое, – бросила Миранда. – Спасибо за чай. Не отвлекай меня пока. У меня тут разговор.

– Хорошо. Я позже подойду, – согласился Виктор и вышел.

А Миранда буркнула «Елки-палки, маков цвет! Всё-таки сбил», но продолжила.

«А Эдвин в это время проверял снаряжение с Грэгом. Почти в молчании. Попытка Эдвина рассказать о разговоре с Хельгой не увенчалась успехом. В итоге они обсудили предстоящий маршрут, проверили запасы провизии, позавтракали, сложили палатку и уложили всё по рюкзакам.

Предстоящий путь обещал быть длинным и непростым.

Они пошли в той же связке: Грэг, затем Хельга, Мелина и Эдвин.

В этот раз ярко светило солнце, оно отражалось от белого снега и слепило глаза. Грэг не мог вытереть слезящиеся глаза. Несколько раз оборачивался на идущих следом, и ему казалось, что они просто идут по его следам, опустив головы, а солнце слепит его одного.

– Я из-за Луны не вижу звёзд, а из-за слепящего солнца не вижу, куда иду, – пробурчал себе самому Грэг и почувствовал, как его нога проваливается куда-то.

Страховочный трос натянулся. Хельга быстро сориентировалась, схватила его руками и потянула на себя. Грэг провалился в снег только до пояса. Эдвин поспешил на помощь, и помог Грэгу выбраться из ямы. Несколько минут понадобилось на то, чтобы прощупать надежную тропу и обойти опасное место. Грэг ругал себя за неосторожность. Эдвин утешал его, говоря, что подобное произошло бы с любым впереди идущим. Хельга призвала радоваться, что всё обошлось, а Мелина только часто моргала и предлагала выпить чая из термоса, раз уж остановились.

Потом в какой-то момент Хельга сняла рюкзак, стала, широко расставив ноги и поставив руки на пояс, и заявила:

– Вы посмотрите, какая красота кругом! Это даже хорошо, что мы остановились, а то шли и шли, глаз не поднимая, только о протоптанной тропе в снегу и думая, а всей этой красоты не замечая. Вчера снег в лицо летел, сегодня солнце светит, и человек мал, ему всё тяготы жизненные мерещатся, а горы эти стоят и стоят, и всё им ни по чёму. Так и хочется прокричать что-нибудь от всей души, да жаль, в горах не покричишь.

– Только если тебе снежной лавины не хватает для общей гармонии, – пробурчал Грэг, – чтоб слиться в едином экстазе с природой.

– Нет, спасибо, – весело отвечала Хельга, – мне и без снежной лавины здесь хорошо. А тебе, смотрю, и здесь плохо, – добавила она участливо.

– И правда, красиво так! – восхитилась, не расслышавшая последних слов Хельги, Мелина. – Даже хочется песню запеть. А петь тоже нельзя? – обратилась она к Эдвину. – У меня, говорят, красивый голос.

– Лучшие воздержаться, – серьёзно ответил Эдвин. – А то вдруг у тебя такой силы голос, что его звучание вызовет резонансную волну.

– Нет, – усмехнулась Мелина, – я громко не буду.

И она запела нежную песню. Голос у неё оказался приятный, лицо стало одухотворённым. Эдвин невольно залюбовался ею. А Грэг подумал о том, что Ольга тоже пела песни нака-

нуне своей гибели. Пела тоже красиво и более искусно, чем Мелина. Ему стало нестерпимо больно где-то за грудиной. А потом пришли мысли о том, что сейчас во многом от него зависит, будет ли голос Мелины и дальше петь красивые песни. Жизнь её зависит от него, и жизни других тоже. И ему не следуют упиваться своим горем и рисковать другими. Он постарался оглядеться вокруг и увидеть красоту окружающего пространства.

Горы своими верхушками молчаливо почесывали животы низко проходящих легких облаков. Снег переливался на солнце. Вдали детским рисунком виднелись очертания горного селения. Голос Мелины приятно гладил барабанные перепонки и успокаивал, убаюкивал гнев Грэга на самого себя.

Мелина спела три песни, а потом сказала:

– Концерт закончен, а то у меня уже горло начинает болеть.

– Спасибо, порадовала, – похлопала ей Хельга. – А горло твоё мы побережем. Чаю выпей, только маленькими глоточками.

– Да, пейте чай, и пойдём дальше, – распорядился Грэг.

Оставшийся до привала путь они шли, переговариваясь, и даже шутили. Настроение у всех было хорошее. И Грэг тихонько радовался этому больше других. Радовался и благодарил их за то, что душа его получает возможность исцелиться. »

Допечатав последние слова, Миранда глубоко и удовлетворенно вздохнула, взяла чашку с уже остывшим чаем, не спеша выпила её содержимое, невидящим взглядом глядя в окно. Затем сложила вместе только напечатанные листы, взяла их в одну руку, чашку в другую и прошла на кухню.

– Прочешь хочешь? – обратилась она к Виктору, сидящему на кухне за столом перед пустой чашкой и с книжкой в руках.

– Я тут пытался отвлечься от убитых тобой женщин на физику защитных покрытий, – ответил он, помахав в воздухе потрепанным учебником.

– От меня так просто не защитишься, – усмехнулась Миранда, поставив чайник на огонь. – Заварка еще осталась? А то мой чай совсем остыл, пришлось холодным пить.

– Осталась, да, – сообщил Виктор, закрыв и положив на стол книгу, протянул руку к Миранде. – Давай почитаю. Надеюсь, ты образумилась и стала хорошей девочкой.

– Посмотрим, – загадочно улыбалась Миранда. – Мне интересно, как тебе это понравится.

– А мне это должно понравиться? – засомневался Виктор.

– Ни в коем случае, – продолжала улыбаться Миранда, – достав из холодильника кусок сыра и нарезая его тоненькими ломтиками.

– Буржуйствовать будешь? – неодобрительно глядя на действия Миранды, поинтересовался Виктор – Хоть для бутербродов на завтрак сыра оставь.

– Не обещаю, – увлеченно нарезая ломтики, ответила Миранда.

– Уже можно читать, – поинтересовался Виктор, – или ты мне еще что-то сказать хочешь?

– Читай, – усмехнулась Миранда, с удовольствием жуя только что отрезанный тончайший ломтик.

Пока Виктор молча, но красноречиво гримасничая читал роман Миранды, та вскипятила воду, налила себе чашку чая и, не спеша, пила его, вприкуску с сыром.

За всё время чтения Виктор лишь однажды сказал: «Неожиданно» и дважды «Еще более неожиданно». Потом сложил все листы и выжидательно посмотрел на сестру.

– Тебе тоже сыра отрезать? – в ответ на его взгляд поинтересовалась она.

– Нет, спасибо, я сегодня сыт впечатлениями, – ответил тот. – Тебе как такое вообще в голову пришло? Это точно ты писала?

– А что тебя смущает? – не поняла Миранда.

– Меня смущает, что ты пишешь подобные вещи, и тебя, – он сделал ударение на последнем слове, – это не смущает.

– Я просто записывала за Хельгой, – простодушно ответила Миранда. – А она девушка без смущения, как ты понял.

– В психологии это именуется «девушка без комплексов», – просветил Виктор Миранду.

– Пусть так, – легко согласилась она.

– Но ты-то не она, – недоумевал Виктор.

– Я этому очень рада, – веселилась Миранда.

– Я, честно говоря, тоже, – поддержал её Виктор. – И с этим Эдвином твоим я в себе сходства больше не нахожу.

– Хотя мог бы, – подзадорила его Миранда. – Ты, я помню, тоже в детстве много кричал и плакал. Покоя от тебя не было. Да и сейчас нет.

– Ты меня так поражаешь сегодня весь вечер, что я даже стоящую шутку придумать не могу, – расстроился Виктор. – Нужно это всё в голове уложить, смириться с этим, принять как-то. Утро вечера мудренее. Пойду лучше лягу и физику защитных покрытий поизучаю. Если удастся сосредоточиться.

– Иди-иди, – поддержала его намерение Миранда. – Спокойной ночи.

Глава 13.

Выпив чай и посмотрев с родителями окончание какого-то музыкального фильма по телевизору, Миранда в хорошем настроении легла спать. Но долго не могла заснуть. Ворочалась в кровати, вставала то закрыть окно, чтоб не слышать лай возмущенных чем-то соседских собак, то снова открыть окно, чтобы впустить в комнату уже свежий ночной воздух. Даже сходила на кухню, нашла в холодильнике в миске холодные котлеты и съела две штуки. Снова легла, но сон не шёл. В какой-то момент она почувствовала себя сидящей у костра, в тишине ночи, и поняла, что готова к серьезному разговору.

Однако все остальные в квартире спали, поэтому шуметь печатной машинкой было бы бессовестно. Миранда включила ночник, взяла чистые листы бумаги, нашла карандаш и стала быстро писать не очень ровным почерком. Бретелька ночной сорочки то и дело спадала с худого плеча Миранды, она поправляла её, возвращая на место, и неотрывно переносила на бумагу разговор, возникший у неё в голове.

«Вечером в какой-то момент, уже после ужина и коллективного тихого пения разных песен, Грэг задержался у костра, когда все пошли устраиваться на ночь в поставленной палатке. Он думал о прошедшем дне, о том, как провалился в снег, о песнях Мелины и каком-то новом взгляде Эдвина, которым тот стал смотреть на неё. Грэг пытался представить себя самого: каким он выглядел тогда, в те счастливые две недели с Ольгой – в глазах окружающих. Наверное, влюбленным и счастливым. А сейчас, как он слышал, его прозвали бурым медведем. Ему это даже нравится. Хорошо, что бороду отрастил. Но вечно прятаться за неё нельзя. Только что же делать?»

Так рассуждал сам с собой Грэг, когда к нему подошла Хельга.

– Хорошо здесь, – сказала она, присаживаясь у костра недалеко от Грэга.

– Да, хорошо, – согласился он.

– Я очень рада, что ты это замечаешь. Что снова становишься живым человеком, – сказала Хельга, вытянув ноги поближе к костру.

– А до этого я был неживым? – усмехнулся, посмотрев на Хельгу, Грэг.

– Нет, до этого ты был раненым зверем, – ответила она серьезно.

– Вот как? – тихо проговорил Грэг, глядя на огонь.

– Видимо, рана была очень глубокой, раз ты так долго не мог снова стать собой. И кажется мне, что это не физический перелом твоей ноги, а какая-то душевная рана, – высказала свое предположение Хельга.

– Так и есть, – согласился Грэг.

Хельга лишь молча смотрела на него, не желая торопить. Огонь красиво облизывал ночной воздух жадными языками пламени, отбрасывал блики на снег, рисовал причудливые картины теней на палатке. Грэг сидел, положив руки на колени. Смотрел на огонь, слушал тишину гор. Слова сами неторопливым шагом сошли с его губ, а он просто не стал им мешать.

– Я влюбился в девушку. И она ответила мне взаимностью. А потом погибла на моих глазах. Из-за меня погибла, – сказал Грэг и поднял на Хельгу полные тихой боли глаза. – Понимаешь?

Но понять это было невозможно, а представить просто страшно, поэтому Хельга и не пыталась. Природное хладнокровие часто выручало ее в трудных ситуациях. После минутного молчания она нашла нужные слова.

– Понимаю, – спокойно сказала она. – Ты чувствуешь себя виноватым, и таким образом наказываешь себя. Тебе от этого якобы легче, но на самом деле плохо и больно. Прошло уже много времени. Пора уже эту ситуацию отпустить. И простить себя.

– Простить? Отпустить? – вдруг разозлился Грег. – Что за ерунду ты говоришь?

Он подскочил с места, будто под ним загорелся снег. Костер выплюнул в ночную темноту несколько злых искр.

– А почему ты возомнил себя богом, по воле которого умирают люди?! – пошла в наступление Хельга.

Но говорила она спокойно и даже несколько снисходительно.

– Она погибла из-за меня, – сквозь зубы ответил ей Грэг, продолжая метаться из стороны в сторону на участке снега длиной в два-три метра.

– Возможно, – согласилась Хельга. Помолчала, а потом добавила: – Уже ничего не исправить. Но ты подумай, – призывала Хельга. – Она умерла, но ты-то жив! Ты можешь радоваться жизни, этим горам, этому снегу, людям, которые с тобой рядом, а ты выбираешь злиться на себя и всех вокруг за то, что она умерла, а все остальные живы.

Она встала и отошла немного в сторону, стала, сложив руки на груди, и, глядя в темноту, тихо сказала:

– У меня погибла сестра, когда ей было всего пять. Утонула. Мне тогда было восемь. Родители почернели от горя. И тоже себя винили. Мама поседела в одну ночь. Отец не поседел, потому что облысел еще в годы, когда был молодым, зато похудел сильно. Недели две не ел почти. Они чуть не разошлись тогда. Но я помешала. Сперва они не знали, что со мной делать. Стелла всеобщей любимицей была. Маленькая, миленькая, красивая, всегда смеющаяся. Она и не плакала почти никогда. Я её плачущей не помню. Словом, с месяца мои родители горевали, а потом я как-то по неосторожности кастрюлю с кипятком на себя опрокинула, до сих пор на животе и ногах следы от ожогов, – хохотнула Хельга. – Но это здорово моих родителей в чувство привело. Они взяли себя в руки и продолжили жить дальше, вместе. Еще и брат у меня родился. Вот тот уже крикун и рева! По малейшему поводу в плач бросался. Стеллу им не заменил, но болел много, и заботы о нем и обо мне вытеснили память и боль. Я так думаю.

Хельга подошла к Грэгу. Он смотрел на неё в некотором смятении, не зная, что сказать.

– Просто нужно жить дальше, – Хельга положила руку на предплечье Грэга. – И любить кого-то. Заведи себе собаку. Для начала. В качестве терапии. Большую, лохматую. Тебе большая и лохматая подойдет, как ты сам, – рассмеялась Хельга, похлопала Грэга по плечу и направилась к палатке.

– Спасибо, – коротко, но искренне поблагодарил ее Грэг.

Хельга в ответ только ободряюще улыбнулась.»

Дописав, Миранда перевернула листы записями вниз. Отложила карандаш. Легла в постель и быстро, крепко уснула.

Глава 14.

Следующим утром, еще на подступах к зданию машинописного бюро, на Миранду налетела взволнованная Лена.

– Ты должна помочь мне разработать план, – выпалила Лена.

– План захвата вражеских территорий? – уточнила Миранда.

– Почти, – уклончиво ответила Лена. – Я таких высокомерных людей в своей жизни еще не встречала!

– Ты сейчас про кого? – пыталась выяснить Миранда, двигаясь в сторону входа в здание.

Но Лена удерживала подругу за локоть и заговорщицки шептала ей на ухо:

– Эта Катя, Екатерина Ильинична, как она просит её величать, хотя она не старше меня!

Но из-за своей прически и сжатых губ выглядит... лет на сорок восемь! – в сердцах выпалила Лена. – Она, видите ли, абсолютно уверена, что её распрекрасный брат не станет водить знакомства с такими как я!

– А ты ей прям с порога сказала, что хочешь с её братом познакомиться? – опешила Миранда.

– Нет, – шептала дальше Лена. – Я полтора часа расспрашивала её о книгах, об ассортименте магазина, о том, как проводят вечера продавцы книг, какую литературу они предпочитают и пользуются ли возможностью читать всё, что угодно, пока книги не приобретены кем-то за деньги. Словом, мы говорили об очень многом. Вернее, это я говорила и спрашивала, спрашивала и говорила, а она только как-то сдержанно и односложно, но вежливо мне отвечала, – Лена перевела дух, сделала глубокий вдох и продолжила: – А потом я, как бы между прочим, обратила внимание, что у неё фамилия такая же, как у Костика. Сказала, что на концерте вчера была, что он там играл прекрасно. Слово за слово. Говорю, что, как прекрасно быть сестрой такого талантливого человека, как замечательно было бы познакомиться с ним. И тут её как взорвало! – вращала плохо подведенными глазами Лена. – Она мне такого наговорила, а потом взяла под руку, вот так, – и Лена больно сжала руку Миранды в области локтя, – и вывела меня из книжного магазина, захлопнула дверь и повесила табличку «ЗАКРЫТО». Я до сих пор в себя прийти не могу.

– Понимаю, – участливо сказала Миранда, едва сдерживаясь от смеха, представляя ту лавину слов, которые вылились на бедную Катю за полтора часа «общения» со словоохотливой завоевательницей сестер виолончелистов Леной. – Может, мы всё-таки на работу пойдём. Чего мы здесь стоим?

– Я не могу в таком состоянии работать! – воскликнула Лена. – Всё внутри меня клокочет и бушует. Я ночь не спала.

– И ты тоже? – удивилась Миранда.

– Тебя что, тоже выставили из магазина? – в свою очередь изумилась Лена.

– Нет, конечно, – пошла на попятную Миранда, – просто долго уснуть не могла.

– Счастливица! – позавидовала ей Лена. – А я всю ночь глаз не сомкнула. Вся постель кувырком, одеяло в пододеяльнике сбилось. Я его утром еле в порядок привела. Встала всклокоченная, лицо горит. Мама велела температуру измерить. Думала, что у меня жар, что я заболела. Но температура оказалась предательски нормальной. Пришлось на работу идти. Может, мне взять день за свой счёт и опять к этой Кате сходить? Показать этой Екатерине Ильиничне Елену Багратионовну, а?

– Боюсь, будет только хуже, – осторожно предположила Миранда.

– Вот и я боюсь, – как-то разом сникла Лена. – И ты понимаешь, что самое главное? Что время-то уходит! – начинала снова горячиться Лена. – Каждая новая минута падает в канализацию времени безвозвратно, а я еще с Костиком не познакомилась. А ему скоро по

городам и весям развезжать, а он даже письма мне написать не может, потому что ни адреса, ни имени моего не знает.

– Ни тебя саму, – в тон подруге поддержала Миранда.

– Вот именно! – воскликнула Лена. – Значит так, мы сейчас идем к князю Облонскому, ты ему меня показываешь, говоришь, мол, вот Фёдор Игнатьич, посмотрите на нашу Калымакину, ей плохо совсем, а она домой идти не хочет, говорит, раз температуры нет, значит, нужно работать, а как же она будет работать в таком состоянии? Давайте мы её домой отправим, пусть отлежится денек, вернее, там же выходные впереди, отдохнет, выздоровеет, а в понедельник уже как огурчик будет. Она же наш самый бесценный сотрудник, нам её беречь нужно.

– Погоди, – прервала горошинами катящийся поток слов Миранда. – Я так быстро не успеваю всё запомнить, ты мне напиши, я всё выучу, порепетирую, тогда, может, у меня так и получится.

– Некогда репетировать, – потащила Миранду к дверям Лена, – импровизировать будешь! Подругу спасать надо!

– Постой! – остановила её Миранда. – У тебя вид слишком боевой! Кто мне поверит? Ты хоть умирающей притворись, а то импровизации моей будет грош цена.

– А, да! Ага, – согласилась Лена, – я сейчас.

И в одну секунду стала закатывать глаза, бледнеть лицом и сползать по стенке на тротуар.

– Переигрываешь, – шептала Миранда Лене на ухо, подхватывая подругу за руку.

– Понятно, – отряхнулась Лена. – Тогда так.

И она взялась одной рукой за голову, второй за сердце и, продолжая бледнеть лицом, натужно вздыхала.

– Уже лучше, – одобрила Миранда, и они направились к директору.

Яблонский сидел за своим рабочим столом, протирал вспотевшую лысину не совсем свежим носовым платком. Перед ним на столе среди бумаг и ручек стоял стакан недопитой минеральной воды и сифон с каплями конденсата на металлической потертой поверхности.

– Фёдор Игнатьич, – обратилась к нему Миранда, кивком головы указывая на искусно умирающую Лену, – наша Калымакина, похоже, сознание сейчас потеряет. Наверное, съела что-то не то вчера. Или переутомилась. Идти домой отказывается. Говорит, что материал не допечатала еще. Бойтесь, что вы рассердитесь, и от этого еще больше сознание потерять готова. Может, вы её домой отпустите? Нет, отправите! А то она сама не решится.

Яблонский с крайним беспокойством усадил Лену на стул, потом протянул ей свой стакан с недопитой минералкой. Лена взяла его дрожащими руками. Но Яблонский выхватил стакан, поставил на стол, взял с подноса на подоконнике другой, налил в него свежую порцию минеральной воды из сифона и подал Лене. Она взяла стакан и, активно стуча по нему зубами, сделала несколько маленьких глотков. Газы тут же ударили ей в нос, и она громко икнула.

– Вам лучше, деточка? – по-отечески участливо спросил Лену директор.

– Не очень, – активно плохо чувствовала себя Лена.

– Я отвезу вас домой, – положила руку ей на плечо, успокоил её Яблонский.

Глаза Миранды расширились от испуга. Директор, сосредоточенный на Лене, видеть этого не мог, а Лена вынуждена была играть свою роль до конца и смиренно приняла перспективу поехать домой в пятницу утром на автомобиле директора.

Помогая Лене сесть, вернее, почти лечь на заднее сиденье директорской «Волги», Миранда успела только шепнуть подруге:

– Дальше выкручивайся сама. Удачи тебе, Калымакина.

– Я тебе это не прощу, – одними губами ответила ей почти бездыханная Лена.

Миранда села на своё рабочее место с улыбкой на губах. Этот маленький спектакль Лены напомнил ей, что в палатке без её внимания остались Эдвин с Мелиной. Ей стало интересно

заглянуть и подсмотреть, что же там у них происходит. Она деловито взялась за печать, изображая, что перепечатывает текст из лежащей рукописи рядом.

«Тем временем между Мелиной и Эдвином тоже состоялся разговор.

– У тебя красивый голос, – заметил Эдвин, как только Хельга выбралась из палатки.

– Спасибо, – ответила обрадованная Мелина. – Я рада, что тебе хотя бы голос мой нравится.

– Что значит «хотя бы»? – не понимал Эдвин.

– Тебе еще что-нибудь, кроме голоса, во мне нравится? – в свою очередь поинтересовалась Мелина.

Эдвин на минуту задумался, вздёрнув брови.

– Я мог бы сказать банальность, – начал растягивать слова он, – что у тебя красивые глаза, которых за очками толком не видно, но, если быть честным, то мне нравится твой рот. Линии рта, – уточнил Эдвин. – И голос, которым ты разговариваешь, тоже приятный. Властности в нём нет. Мне это больше всего в тебе импонирует.

– Я же твоя аспирантка. Разве может быть иначе, – спросила Мелина.

– Может. Поверь мне, – заверил Эдвин и чему-то улыбнулся.

– У меня цепочка на шее за волосы зацепилась. Не поможешь? – обратилась к Эдвину Мелина, терзая серебряную цепочку, запутавшуюся в волосах на затылке.

– Ты хочешь её снять? – спросил Эдвин, перемещаясь ближе к Мелине.

– Нет, просто распутать, – ответила та, отбросила волосы на одну сторону, склонила голову на бок и подставила Эдвину голую шею с цепочкой. Шея была тонкой и нежной, серебряная цепочка тоже тонкой, а руки Эдвина большими. Действовать приходилось аккуратно, чтобы не порвать цепочку и не сделать больно Мелине, дергая за волосы. От прикосновений горячих пальцев Эдвина по телу Мелины пробежала дрожь, и ей хотелось продлить эти минуты. Но Эдвин справился быстрее, чем ей хотелось бы, поправил цепочку так, чтобы застежка не цепляла волосы.

– Что ты носишь? – спросил Эдвин. – Крестик?

– Нет, образок, – ответила Мелина и достала из-под рубашки маленький образок Девы Марии.

Цепочка была короткой, и чтобы рассмотреть изображение Святой Эдвину пришлось приблизить своё лицо к груди Мелины.

– Простой, но красивый, – обдал горячим дыханием кожу Мелины Эдвин. – А у меня простой крестик, – добавил он, чуть отстранившись и достав из-под свитера медный крестик на простой цепочке. – Мне его дед подарил. Снял с себя перед смертью, протянул мне и сказал: «Пусть тебя бережет. Мне он уже не поможет». И молитвенник свой отдал. Но я оказался плохим внуком. Крестик ношу, а молитвы редко читаю. И в костёле давно не был.

Мелина излишне долго рассматривала простую вещицу. Потом подняла глаза на Эдвина, совсем близко к его лицу и сказала:

– Он тебе дорог, как память. Но его почистить надо. И цепочку тоже. Когда в университет вернемся, я тебе расскажу, как почистить. Или хочешь, сама это сделаю. Я свои раз в неделю чищу.

– Да зачем? – ответил Эдвин, пряча крестик за шиворот. – Я же не девица. Это не золото и не серебро даже.

– Ну и что? – не соглашалась Мелина. – Это дорогая тебе вещь. Нужно содержать её в чистоте.

– Грязнулей меня считаешь? – усмехнулся Эдвин.

– Нет, что ты, – смутилась Мелина. – Я просто читала где-то, что на украшениях, которые мы носим, накапливаются не только частицы кожи, сальные жиры, бактерии, микробы и прочее, но и негативная энергия. И вот это всё нужно регулярно смывать.

– Про энергию не знаю, а про частицы кожи ты, наверное, права, – признал Эдвин. – Расскажешь мне потом.

– Да это просто. Можно в мыльном растворе хотя бы подержать. В горячей воде. Щеточкой простой, хоть старой зубной щеткой потереть, под проточной водой промыть – и достаточно будет. Можно и прокипятить, конечно. Но это не обязательно.

– А ты, Фальк, оказывается, умеешь быть полезной, – усмехнулся Эдвин. – И пойдешь красиво, и советы полезные даешь.

– Хельгу ты по фамилии не называешь, – не упрекнула, а заметила Мелина.

– Почему же? Иногда называю, – хохотнул Эдвин. – А тебе неприятно, что я тебя по фамилии назвал?

– Немножко, – искренне ответила Мелина.

– Это я стараюсь дистанцию держать. А то мы здесь с тобой вдвоем, в неформальной обстановке. Сидим, понимаешь, слишком близко друг к другу. А излишне сблизиться нам с тобой не стоит. И симпатию друг к другу проявлять тем более, – многозначительно посмотрел на Мелину Эдвин.

– Почему? – не соглашаясь, спросила Мелина.

– Понимаешь, – начал Эдвин и пересел в другой край палатки, – одна моя аспирантка так и не написала диссертацию, даже ушла из аспирантуры именно потому, что мы с ней слишком сблизились. Не смогли работать вместе. Над её диссертацией работать не смогли. И она, видимо, предложения руки и сердца от меня ждала, а, не дождавшись, ушла – и от меня, и из аспирантуры. Сейчас, я слышал, она уже замужем и ждёт ребенка.

– Странно, – задумчиво сказала Мелина. – Я об этом ничего не слышала.

– Так она же не от меня ребенка ждёт, – усмехнулся Эдвин. – Тогда бы это был скандал. А так – ничего. Было и прошло. Но я для себя теперь твёрдо знаю, что в аспиранток мне влюбляться нельзя. Для их же блага.

– Я не помешала? – с бодрым голосом Хельги в палатку ворвался холодный воздух заснеженных гор.

– Конечно, нет, – улыбнулся Эдвин Хельге и подмигнул Мелине. »

Глава 15.

Директор вернулся только через два часа. Миранда хотела уделить больше внимания своему роману, но в отсутствие директора девушки в кабинете устроили активное обсуждение того, чем же закончится этот визит Яблонского к Лене домой, и это очень мешало не то что сочинять что-то своё, но даже перепечатывать чужое.

Миранда высказала своё авторитетное мнение – «Крепость не покорится. У неё новая любовь. Все маневры бесполезны» – и пыталась сосредоточиться на работе. Безуспешно. Даже отсутствуя, Лена была центральной фигурой их недружного женского коллектива.

Когда дверь распахнулась и в кабинет вошел директор, все резко притихли и молча уставились на него. Его затравленный вид говорил сам за себя. Лысая макушка отчаянно потела, галстук сбился, левое ухо многозначительно алено и было несколько больше правого.

«Почему ухо?» – задавалась вопросом Миранда и не находила ответа.

– Можно выйти позвонить? – вслух произнесла Миранда.

Но директор мстительно ответил:

– Нельзя. Работайте, Васнецова. Вам еще за подругу её материал на сегодня перепечатывать. Она меня заверила, что вы и свою, и её работу, – он сделал многозначительную паузу, – с удовольствием выполните.

– Спасибо, Калымакина, – сквозь зубы почти бесшумно процедила Миранда.

– А как там Лена? – в спину уже отвернувшегося директора бросил кто-то из девушек.

Директор обернулся и вопросительно посмотрел на спросившую. Ею оказалась Лида, тридцатилетняя высокая и крупная, но нескладная девушка, очень стесняющаяся и роста своего, и комплекции. В ответ на взгляд директора она заёрзала на стуле и ляпнула:

– Вас долго не было. Мы волновались.

Остальные девушки переглянулись и закивал головами в подтверждение слов Лиды.

– Пришлось приводить Калымакину в чувства, – пояснил директор. – Это заняло время.

Он опять отвернулся и сделал шаг из кабинета, а потом, будто передумал, подошел к Лиде очень близко и сказал прямо в лицо:

– Настоятельно рекомендую вам за Калымакину не волноваться. И впредь, девушки, – он обвел всех грозным взглядом, – если кто-то из вас почувствует недомогание, позаботьтесь о бюллетне.

И решительным шагом покинул кабинет.

Девушки, многозначительно глядя друг на друга, только пожимали плечами, а потом взялись за работу.

В обед Миранда первым делом побежала звонить домой Лене. Но телефонный аппарат отвечал ей долгими длинными гудками. Тогда она всё же сходила в столовую, наспех пообедала рисом с овощами, прихватила несколько пирожков с капустой и снова поспешила к телефону-автомату. На этот раз он оказался занят. Миранде пришлось ждать, пока толстая тетенька даст своему, видимо, проголодавшемуся отпрыску инструкции о том, как разогреть картофельное пюре и говяжьи отбивные на одной сковороде. Терпение Миранды было на исходе, а желание узнать, что приключилось с подругой, только набирало обороты. Масла в огонь подливали любопытные взгляды проходящих мимо девушек из машинописного бюро.

Наконец телефонный инструктаж закончился, и Миранда вновь набрала простой номер. Долгие длинные гудки всё-таки оборвались коротким «Алло». Это был голос заживо похороненной Лены.

– Что случилось? – не церемонясь, выпалила Миранда.

– Мне конец, – голосом Лены произнесла погибающая Офелия.

– Почему ухо? – задала свой главный вопрос Миранда.

– Сапогом попала, – не сдавалась Офелия в голосе Лены. – Промазала. Метила в макушку.

– Ты бросалась сапогами в директора? – опешила Миранда. – Я даже от тебя такого ожидать не могла.

– А чего он меня за руку держал, – вырвалась живая Лена из почти умершей героини Шекспира, – чаем всё поил, мокрым полотенцем всю чёлку мне измочалил?! Я его просила?! У меня план! У меня Костик вот-вот уедет, а тут этот недокнязь со своими участием! Я не выдержала, вскочила, и говорю ему такая: «Фёдор Игнатьич, вы меня простите, но мне пора. У меня очень важные дела. А вы идите уже на работу».

– Так и сказала? – обреченно зачем-то поинтересовалась Миранда.

– Я целый чай его сердобольный уход за больной терпела. Или даже больше, – продолжала оправдываться подруга.

– А сапоги почему в ход пошли? – решила прояснить главное Миранда.

– Понимаешь, он захотел узнать, какие такие у меня дела важные, что я симулированием занимаюсь. Я ему про Костика всё и рассказала. Что у нас любовь, что он великий виолончелист, души во мне не чаёт, но его семья против нашего брака, потому что я платья ношу не в того размера горошек. Что его сестра меня ненавидит и всячески мешает нашим встречам. Что как раз сегодня её не будет в городе, Костик назначил мне свидание, и всё должно решиться. Что, возможно, уже завтра, нет, сегодня я стану его женой.

– В самом деле? – едва слышно произнесла Миранда.

– Я думала, что он проникнется судьбой несчастных влюбленных, всё поймёт и уйдёт восвояси, – трубила Лена.

– Но он не ушёл, – констатировала Миранда.

– Нет, – признала Лена. – Он плюхнулся на стул, попросил найти ему валокордин, сказал, что я его очень разочаровала и что работать в его бюро я больше не буду. Валокордин я не нашла. Он сидел бледный и упрямый, и так тяжело на меня смотрел, что я решилась на отчаянный шаг. Я подошла к нему, взяла за лацканы пиджака, подняла со стула и поцеловала.

– Зачем? – выдохнула Миранда.

– Мне казалось, что это весьма оригинальный ход, – повисла пауза. – Но он не оценил. После поцелуя я у него спросила: «Может, всё-таки не нужно увольнять? Я еще в симфонический оркестр к Костику работать не устроилась, а мне туфли новые купить нужно. Я зарплату жду. Я уже присмотрела одни, очень хорошие, лаковые, с красивой застежкой. Помнишь, я тебе показывала на витрине?»

– Не помню, – пролепетала Миранда.

– Правда, красивые. Но Облонский наш на это сказал, что ниже, чем есть, я в его глазах упасть уже не могу, и пошел на выход. Я схватила папкин кирзовый сапог и шпунула в него, – рассеянно закончила Лена.

– Зачем? – с болью и сочувствием в голосе спросила Миранда.

– Остановить его хотела, – с сомнением ответила Лена.

– Сапогом? – продолжала сочувствовать Миранда. – Сперва целуешь, а потом убить пытаешься?

– Нет, я только оглушить его хотела, – пояснила Лена. – Думала, он отключится, упадет, потом в себя придет, я ему внушу, что ему просто с сердцем плохо стало, он упал, ударился и ему всё привиделось. И сочиню уже что-нибудь более правдоподобное. Думала, выкручусь как-нибудь, но промазала.

– А зачем ты ему сказала, что я работу за тебя сделаю? – недоумевала Миранда.

– Работу? – искренне удивилась Лена. – Я ничего такого не говорила.

– Понятно, – протянула Миранда. – Это он мне так отомстить решил. За то, что я тебе отлынить от работы помогала. Дорого твой Костик нам обоим обошёлся: мне работай за двоих, а тебя вообще уволят.

– Думаешь, уволят? – сокрушалась Лена. – Может, к понедельнику отойдёт?

– Я бы не очень на это надеялась.

– Вот и хорошо! – вдруг приободрилась Лена. – Чёрт с ней с этой конторой! Сосредоточусь на Костике. У меня, может, судьба решается, а я за эту кривую яблоню зацепилась, и время только зря теряю. Бывай, Васнецова, мне пора!

В телефонной трубке послышались гудки. И только в этот момент Миранда заметила стайку девушек неподалёку, видимо, уже долго прислушивающихся к её разговору. Она лишь многозначительно посмотрела на них и сказала:

– Уволил. За враньё. Мне работать надо.

И впереди всех поспешила на своё рабочее место.

Первые два часа Миранда отбивала буквы на печатной машинке с такой сосредоточенностью, что заболели пальцы. Потом решила, что высокая производительность труда может привести их драгоценного, но обиженного и злого директора к выводу, что обычно Миранда работает не в полную силу. И перестала излишне усердствовать.

За час до конца рабочего дня она взялась за материалы Лены. Оценив приблизительно фронт работы, она подошла к директору и сказала:

– Фёдор Игнатьич, тут печати часов на пять-шесть. Вы хотите, чтобы я сегодня осталась и всё это напечатала или чтобы домой на выходные взяла? Но на выходных мы в деревню уезжаем, а печатной машинки у меня там нет, а картошка, которую нужно обязательно посадить, есть. Может, я лучше Калымакиной её материалы домой занесу? Пусть за выходные перепечатает.

Директор долго смотрел на Миранду сначала сердитым и настороженным взглядом, потом заморгал часто, забегал глазами по столу и сказал:

– Сядьте, Васнецова.

Миранда послушно села на стул у стены. Положила рукописные листы себе на колени. И всем своим видом показала, что готова слушать.

– Она в своём уме? – наконец с какой-то надеждой в голосе спросил директор.

– Не всегда, – честно, но осторожно ответила Миранда.

– Вы думаете, это у неё психическое? – тихо спросил директор.

– Нет, что вы, – заверила его Миранда. – Просто она артистка!

– Ничего себе артистизм, – проговорил директор, приложив ладонь к ушибленному уху.

– Ей просто любви не хватает, – доверительно сообщила Миранда. – Её недавно молодой человек бросил. Даже два. Один просто сообщил, что она ему не пара, а второй на выставку завел, – Миранда развела руки ладонями вверх, – и бросил. А разве можно такую бросать?

– Такую – нельзя, – согласился директор. – А то она потом сама в людей чем попало бросается.

– Это она от внутренней боли, – продолжила доверительную беседу Миранда.

– А что она про оркестр и виолончелиста мне наговорила?

– Она всё придумала, – махнула рукой Миранда. – Сходила на концерт одна, я не смогла с ней сходить, наслушалась Рахманинова – и вот вам результат. Не на всех классическая музыка благотворно влияет, – рискнула предположить Миранда.

– Да, я тоже больше современную музыку люблю, – признался директор. – А Рахманинов, конечно, серьёзный композитор, но чтоб так на человека повлиять...

– Так ведь то не он один, – напомнила Миранда. – Перед ним же два других было.

– Тоже композиторы? – спросил директор.

– Нет, рабочие ребята, – решила не уточнять Миранда.

– Думаете, нужно её простить? – с надеждой спросил директор.

– Обязательно! – поддержала его Миранда. – Наказать немножко. За враньё. Пусть работу свою сама перепечатает. Чтоб не увлеклась выдумками своими. Но на рабочем месте оставить. Иначе представьте, каково ей сейчас, после тех двоих, если еще и вы, человек, которого она бесконечно уважает и ценит, так за досадную оплошность её прогоните?

– Она в меня сапогом бросила! – возмущенно, но доверительно сообщил директор.

– Это она не в себе была, – защищала подругу Миранда.

– А перед этим.. – директор коснулся губ ладонью, помолчал, махнул рукой и сказал: – Неважно. Не будем рубить сгоряча. Пусть работает. Отнесите ей рукописи и скажите, что в понедельник я её жду.

– Спасибо Вам, Фёдор Игнатьич, – подскочила Миранда. – Вы не пожалеете.

– Надеюсь, что не пожалею, – ответил директор.

Миранда вернулась на своё рабочее место, нашла пустую папку, сложила туда рукописи и чистые листы бумаги для Лены, прихватив пару десятков листов для себя. Навела порядок на своём рабочем месте и, достав пирожок, стала ждать скорого окончания рабочего дня.

Глава 16.

Перед выходом с работы Миранда позвонила Коле.

– Мне еще нужно сегодня Ленке Калымакиной материалы на перепечатку занести. Ты со мной к ней зайдешь или после с тобой встретимся? – поинтересовалась она у Коли после того, как они обменялись приветствиями.

- Лучше после, – сказал Коля. – У меня серьезный разговор к тебе есть.
- Серьезный разговор? – удивилась Миранда. – Тогда давай по пути к ней и поговорим.
- Ты думаешь, это удобно будет? – засомневался Коля.
- Вполне, – заверила его Миранда.
- Хорошо, – согласился Коля. – Я за тобой заеду.
- Договорились.

Дома Миранда успела поужинать, разложить напечатанные и чистые листы по разным папкам, переодеться, уложить волосы и подвести глаза, когда во входную дверь постучали. Открыл дверь Виктор, который и сам куда-то собирался, крутился перед зеркалом в прихожей, оценивающе рассматривая своё отражение.

– Привет, Николай, проходи! – поприветствовал он Колю, впуская того в квартиру. – У меня сегодня важная встреча, порекомендуй мне, как быстро расположить к себе девушку, – доверительно обратился он к вошедшему.

– Будь самим собой, – просто ответил ему Коля.
– А если я ей таким не понравлюсь? – возразил Виктор.
– Тогда и время на неё не трать. Зачем всю жизнь притворяться для кого-то? – резонно заметил Коля.

– А ты никогда не притворяешься? – полушёпотом спросил Виктор.
– Не было надобности, – спокойно ответил Коля.
– О чём это вы здесь? – спросила их появившаяся в прихожей Миранда.
– О необходимости, вернее, об отсутствии необходимости притворяться, чтобы кому-то понравиться, – путано объяснил Виктор. – Коля порекомендовал мне быть самим собой.

– Ааа, ты же на свидание идёшь, – улыбнулась Миранда Виктору, подошла к Коле и поцеловала его в щёку, сказав коротко: – Привет.

– Не иду, а бегу! – воскликнул Виктор. – Просто лечу, можно сказать.
– Смотри, нос не разбей, – предостерегла Миранда, – от излишней торопливости.
– Нет, я спешить не буду, – ответил Виктор. – В амурных делах спешка только всё портит. Правда, Николай?

- Затягивать тоже не стоит, – серьезно ответил ему на это Коля.
- Маам, мы ушли! – крикнула в сторону зала Миранда.
- А Витька тоже с вами? – донёсся в ответ голос Ларисы Фёдоровны.
- Нет, я еще здесь! – крикнул ей Виктор.
- Удачи! – бросила Виктору, выходя, Миранда.
- Благодарю! – ответил ей Виктор, подмигнув своему отражению в зеркале.

Миранда и Коля вышли из подъезда, обошли дом Миранды и пошли вдоль вереницы пятиэтажных домов, выстроившихся в ряд длинной улицей.

– Сколько мы с тобой встречаемся? – спросил Миранду Коля, держа её за руку.
– Года полтора, наверное, – легко ответила Миранда, любуясь цветущими деревьями. – А что? Надоело? – усмехнулась она.
– Просто встретаться – да, – серьезно сказал Коля.

– А ты предпочитаешь сложно встречаться? – усмехнулась Миранда. – Как моя Калымакина? Она сегодня такое учудила!

– Подожди, – остановил её Коля. – О Калымакиной твоей потом поговорим. Сейчас давай о нас.

– О нас, так о нас, – согласилась Миранда.

– Я люблю тебя, – произнёс Коля так, будто сообщал всем известный факт, и делал это только для того, чтобы приступить к главному. – Мы давно вместе. В наших отношениях меня всё устраивает. Родителям моим ты нравишься, я твоим, кажется, тоже не противен. Жить нам, правда, пока будет негде. В смысле отдельно – негде. Но мы может жить с моими родителями или с твоими. Хотя с твоими мне бы не хотелось. Мне не нравится ваша планировка комнат. И на работу мне ближе ездить всё-таки из своего дома.

Миранда молча слушала всё это, потом остановилась, недоумевающее посмотрела на Колю и спросила:

– Ты мне предложение что ли делаешь, младший научный сотрудник? Или мне показалось?

– Я предлагаю рассмотреть такую необходимость, – подтвердил Коля.

– Предлагаю рассмотреть необходимость, – передразнила его Миранда, взяла под руку и продолжила прогулку. – Лавров, ты такой скучный! Как за тебя замуж выходить?! Я же умру со скуки!

– Зато я надежный, – возразил Коля. – И верный.

– Откуда ты знаешь? – в ответ спросила Миранда. – Ты голую женщину детородного возраста когда-нибудь видел?

– Какую еще женщину? – не понял Коля.

– Живую, настоящую, – поясняла Миранда. – Не статую греческую на фотографии из музея, а простую, живую голую женщину вот так, – она протянула вперед свободную руку, – на расстоянии вытянутой руки. Или немного дальше?

– Мне тридцать лет, Миранда. И у меня были женщины. Не много, – поспешил оправдаться он. – Всего две. Но да, я видел их голыми.

– И хранил верность, – предположила Миранда.

– Конечно, – подтвердил Коля.

– А вот представь, – загородила Миранда Коле путь, – что ты женат, у вас дети. Ты уезжаешь, скажем, в санаторий. Путёвку вам выделили на работе, на море. А там солнце, пляж, синие волны, желтый песочек, красивые девушки в купальниках. И вот одной из них ты понравился, вы с ней как-то уединились – для светской беседы, а она возьми и оголилась на твоих глазах. Ты бы устоял?

– Конечно, – поспешно ответил Коля.

– Слишком ты в этом уверен, младший научный сотрудник, – не поверила ему Миранда. – Даже подумать не успел, представить себе хорошенько эту ситуацию.

– А что тут представлять? – возразил он. – Чего мне с ней уединяться? Да и вообще я в санаторий только с тобой вместе ездить буду.

– Ты не кипятишься так, Лавров, – успокаивала его Миранда, продолжая прогулку. – Я просто тебе говорю, что не нужно заранее в своей верности убеждать.

– У меня и другие положительные качества есть, – не сдавался Коля.

– У тебя этих качеств, положительных, – уточнила Миранда, – целый шкаф. И все в отдельной папочке и каждая папочка добросовестно подписана, с указанием даты и срока годности.

– Какого срока годности? – не понял Коля.

– Это я образно выражаясь, – пояснила Миранда. – Скучный ты, Лавров. Научный сотрудник слишком. Да еще младший. Да еще без квартиры.

– То есть ты меня не любишь? – теперь уже остановился и внимательно посмотрел на Миранду Коля.

– Я же тебе говорила, – потянула Миранда Колю продолжить прогулку, – влюбчивость – это не про меня. Ты мне нравишься. Мне с тобой целоваться приятно. Характер у тебя спокойный. Зарабатываешь ты мало, но это не страшно. У меня по жизни запросы не очень большие. На такси возить меня не надо, я вот и пешком гуляю с удовольствием. Так что и твоя физическая форма тебе тоже в плюс.

– Какая форма? – опять ничего не понял Коля.

– Ты худой, – объяснила ему Миранда. – И здоровый. Был бы с пузом и одышкой, не гулял бы со мной километры до дома Калымакиной.

– У меня еще дома гантели есть, – зачем-то сообщил Коля. – Я иногда занимаюсь.

– Вот видишь, – поддержала его Миранда. – Об этом я и говорю.

– Так ты замуж за меня пойдешь? – опять остановился Коля.

– Тебе прямо сейчас нужно? – спросила в ответ Миранда.

– Замуж – не прямо сейчас, – несколько секунд подумав, ответил Коля, а ответ хотелось бы сегодня получить.

– Сегодня не получится, – потянула его идти дальше Миранда.

– Почему? – не сдавался Коля.

– Мне подумать надо, – серьезно ответила Миранда.

– Подумай, – согласился Коля.

Остаток пути они шли молча, каждый думал о своём.

Лены дома не оказалась. Миранда передала отцу Лены папку с материалом и пояснила, что это нужно сделать за выходные. Отец несколько недоумённо воспринял это обстоятельство, поинтересовавшись, почему Лена сама не взяла с работы материалы, на что Миранда коротко ответила: «Так получилось», и поспешила покинуть озадаченного отца Лены.

Чтобы избежать дальнейшего разговора с Колей, Миранда предложила снова пойти в кино, только уже на комедию, и вечер закончился хорошо. Они много смеялись – и в кинозале, и по дороге домой.

В подъезде Коля обнимал Миранду, целовал и твердо убеждал её, смешно щекоча ухо:

– Ты будешь Лавровой, Миранда. Обязательно будешь!

Миранда только смеялась в ответ и уворачивалась от настойчивых губ Коли.

Перед сном она приготовила вещи для поездки в деревню, зная, что выспаться ей завтра не дадут, и времени на долгие сборы не будет.

Глава 17.

Под утро Миранде снились странные сны про то, как бурый медведь гонялся за Леной по их городскому парку, а Фёдор Игнатич, поблескивая лысой макушкой на солнце, скакал на вороном скакуне с саблей наперевес и отважно отгонял от Лены разъярённого медведя. Потом остановился, привязал лошадь к кованой ограде парка, галантно взял Лену под руку и увёл в сторону фонтана. Медведь куда-то пропал, а вместо лошади привязанным к ограде оказался Коля. Уздечка разрывала ему рот и была мокрой от его слюны. Он что-то бормотал и тряс мокрой от пота головой, показывая, что нужно освободить его от уздечки. Сам при этом стоял на четвереньках и дергал правой ногой, словно он и правда лошадь, которая бьёт копытом.

Освободить Колю Миранда не успела, потому что проснулась.

Солнечный луч отплясывал какой-то веселый танец по её векам. Это ветер качал ветки каштана за окном, сквозь которые солнце пробивалось и будило разоспавшуюся Миранду. Она еще несколько минут просто лежала в постели, вспоминая странный сон. Решила, что клёцки, которые она съела, вернувшись после кинотеатра, были большой ошибкой. Ей даже завтракать не хотелось, что само по себе очень удивляло.

– Мирандочка, вставай! Я чай заварила, – заглянула в комнату Лариса Фёдоровна.

– Я сейчас, – пробормотала Миранда, зевнула и потянулась в постели.

Когда она добрела до ванной комнаты, там стоял довольный Виктор и чистил зубы.

– Как твоё свидание? – промямлила Миранда, облокотившись на косяк двери в ожидании, когда ванная комната освободится.

– Превосходно! – вынув зубную щетку, сказал Виктор. – Гениально! Шедеврально!

– Это ты был так прекрасен или она? – сонно поинтересовалась Миранда.

Виктор прополоскал рот, вытер лицо полотенцем и с выражением победной гордости на лице и в осанке сообщил:

– Я был на высоте – это точно! Но и она прекрасна. В этом ты тоже права.

– Как-то неправдоподобно, – пробурчала Миранда, выгоняя Виктора из ванной, и начала умываться.

– Можешь во мне сомневаться сколько угодно, – весело говорил Виктор, стоя уже за пределами ванной комнаты, но не расставшись с полотенцем. – Но этот вечер войдёт в историю, как день основания новой ветви династии Васнецовых.

– Сколько пафоса! – фыркнула Миранда, макая зубную щетку в зубной порошок. – Одно свидание, и он уже о династии заговорил. Ты себе еще одну физичку где-то нашёл?

– Почему физичку? – не понял Виктор.

– Ты ж династию собрался образовывать. Династию кого, хотела бы я знать. Физиков, что ли?

– А династии по профессии определяются? – озадачился Виктор.

– Есть еще династии правящих монархов, – пояснила Миранда. – Но боюсь, тебе это не подходит. Так она не физик?

– Нет, – погрустнел Виктор, но потом приободрился. – Но это неважно! Она красавица! И умница! И из хорошей семьи. И талантливая очень! И хозяйственная. И романтичная! Не девушка, а сокровище.

– Тогда зачем ей, сокровищу такому, нужна такая дырка от бублика, как ты? – поинтересовалась Миранда и взялась чистить зубы.

– Чего это я дырка? Я очень даже перспективный жених, – не соглашался Виктор. – Вот на психологический переведусь. Свою лабораторию открою. Сделаю много социально значимых открытий, прославлюсь, буду хорошо зарабатывать...

– А сокровище твоё будет тебя всё это время ждать? – сплюнув в раковину, поинтересовалась Миранда и взялась полоскать рот.

– Я очень надеюсь, что всё это время она будет со мной рядом, – мечтательно проговорил Виктор.

– Наивный, – хмыкнула Миранда, отобрав у брата полотенце, чтобы вытереть руки и лицо.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Виктор и кончиком пальца легонько стукнул Миранду по носу.

– Раньше времени не задавайся, – шутливо стукнула его кулаком под ребра Миранда и прошла в кухню первой.

Там за столом родители уже пили чай. Отец при этом читал газету.

– Доброе утро, – сказала Миранда и взяла тарелку, чтобы наложить себе рисовой каши с изюмом.

– Кушайте, да и поедем, – сказала мама. – Автобус скоро.

– Да, – сложив газету, допил остатки чая отец, – сумки уже сложены. Я пойду одеваться и на улице вас подожду, со Славиком переговорю.

– Хорошо, Саша, – положив ладонь на руку мужа, сказала Лариса Фёдоровна.

– Доброе утро, дочка. Поторопись, – сказал Александр Михайлович Миранде и, коротко поцеловав её в висок, вышел из кухни.

– А кроме риса ничего больше нет? – заканючил Виктор. – Я сладкую рисовую кашу не люблю.

– Ешь то, что есть. Не в ресторане чай, – ответила Лариса Фёдоровна, встав из-за стола и подойдя к раковине, чтобы помыть тарелки и чашки.

– Я не могу есть кашу с изюмом, – продолжал ныть Виктор. – Я не люблю изюм. Ты же знаешь, мам.

– Ничего я не знаю, – не согласилась Лариса Фёдоровна, споласкивая посуду. – Изюм полезен для организма.

– Но не для моего! – возмутился Виктор. – Мой организм его не переносит. Яичницу мне сделай.

– Некогда уже. На автобус опоздаем. Возьми там в холодильнике сала себе отрежь да с огурцом съешь, – порекомендовала Лариса Фёдоровна.

– Я сало с луком люблю или с чесноком, – опять привередничал Виктор.

– Нам два часа в переполненном автобусе ехать, – урезонивала его мама. – Ты собираешься на всех луком с чесноком дышать?

– Прояви милосердие, – умоляюще, но с улыбкой на лице попросила Миранда. – А каша вкусная, мам. Спасибо. Я чай уже не буду. Пойду одеваться.

– Выпей, – настаивала Лариса Фёдоровна, – а то долго ехать.

– За два часа не проголодаюсь, – заверила Миранда, споласкивая тарелку и ложку.

– Она худеть решила, – предположил Виктор, отрезав себе большой кусок сала и нарезая его на маленькие ломтики до шкурки.

– Куда худеть? Зачем? – всполошилась мама.

– Это он шутит, – успокоила её Миранда. – Я просто каши наелась. Мне после вчерашних клёцок что-то не очень хорошо.

– Не тошнит хоть? – беспокоилась Лариса Фёдоровна.

– Нет, мутит только. Совсем немножко, – ответила Миранда.

– Ну, иди одевайся, – сказала ей мама. – А ты, Виктор, окно закрой хорошенько, когда будешь с кухни идти.

– Хорошо, мам, – прошамкал жующий Виктор.

На автобус они благополучно успели. Людей было много. Миранда удачно села на свободные места, сама устроилась поближе к окну. По дороге рассматривала пейзажи за окном и думала о том, что с удовольствием бы проехала этот путь на велосипеде, а не в переполненном разными запахами людей, продуктов и обуви шумном автобусе.

Сажать картошку ей не очень хотелось, но она радовалась предстоящей встрече с родней по линии отца.

В деревне, во дворе родительского дома отца, первой, кто выбежал их встречать, была Жужа. Очень ласковая и дружелюбная немецкая овчарка, которая превращалась в беспощадного зверя, если от человека пахло спиртным.

Когда-то, совсем щенком ее спас из рук беспросветного пьяницы дед Миша. Он отвязал привязанную к забору окровавленную псину, в которую злой и пьяный мужичок лет сорока шпудлял кирпичные обломки, проверяя свой глаз на меткость, а руку на верность. Второй глаз у него заплыл от удара об угол скамейки, на который он налетел лицом, споткнувшись о спящего и ни о чем не подозревающего щенка.

Дед Миша сорвал с бельевой веревки уже высохшее кухонное полотенце, завернул в него раненую собаку и отнес ветеринару. Тот долго возился со щенком. Сказал, что вовремя его принесли, что жить будет, но за ним нужен уход, а у него, у ветеринара и так работы много. С десяток коров скоро телиться будет, не до щенков ему. И дед Миша принес собаку домой. Сколотил будку, постелил в ней соломы. Но первые недели две щенка держали в сенях. Кормили, поили, выхаживали. Потом в будку переселили. Привязывать не стали.

Когда в гости приходили люди, и устраивалось застолье со спиртным, Жужу закрывали в бане, поставив ей миску с водой и блюдце с чем-нибудь съестным. Никого выпившего к ней не пускали. Один раз она набросилась на дядьку Ивана, брата Александра Михайловича, почуяв от того запах спиртного. За ногу даже укусила, хоть уже привыкла к нему и до этого была ласковой.

Сейчас она самозабвенно пачкала чистую одежду городских гостей своими грязными лапами, норовила облизать руки и лица, принюхивалась к сумкам, била по ногам виляющим хвостом.

– Жужа, – теребила собачий загревок Миранда, – соскучилась? Мы тебе косточек привезли. Погоди немного – принесу.

– Пойдем на речку? – перехватывал обрадованную собаку Виктор. – Пойдем?

Жужа бросалась в сторону калитки, но видя, что Виктор никуда не идет, возвращалась к нему, сбивая с ног.

– Вечером пойдем. Хорошо? – обещал Виктор. – Купаться будем.

– Ты еще не поработал, а уже купаться собрался, – прогудел Александр Михайлович и прошёл в дом.

– Так мы вечером купаться пойдем, когда сделаем все, – крикнул ему вдогонку Виктор.

– Куда купаться? – не одобряла Лариса Федоровна. – Вода еще холодная.

– Вот и проверим, – не сдавался Виктор.

На крыльце дома сидел малыш лет трех и увлеченно ковырялся в носу, рассматривая приехавших гостей.

– А кто это здесь у нас?! – подошла и склонилась к нему Лариса Федоровна. – Лешенька, как ты вырос! Уже большой совсем!

– Тли, – вытянул Леша перед собой маленькую руку с двумя зажатыми и тремя оттопыренными пальцами, на одном из которых повисла козюлька.

– Три года парню, а в носу ковыряешься, – пожурил Виктор. – Как не стыдно?!

– Мама твоя где? – обратилась к малышу Миранда.

– Там, – ткнул воздух указательным пальцем Леша, продолжая терзать свой маленький нос. – Теты сяде.

- Что он сказал? – не понял Виктор.
- На теплицу показал, – прокомментировала Лариса Федоровна. – Наверное, Вероника там цветами занимается.
- Я к ней схожу, – сказала Миранда, поставив сумку на крыльцо.
- И я, – сорвался с места Леша и побежал к теплице.
- Миранда пошла следом.
- Мне сказали, ты цветы садишь, а эта поросль у тебя в руках больше похожа на помидоры. Привет, – обратилась Миранда к молодой женщине в спортивной майке, шортах и с косынкой на голове, держащей в руках рассаду помидоров.
- Привет, Миранда, – обрадовалась та. – Ты права. Извини, не обниму – руки в земле.
- Тебе помочь? – спросила Миранда.
- Конечно. Только переоденься сразу. Здесь жарко, – пояснила Вероника.
- Обязательно. Сейчас, освоюсь здесь, пять минут с тобой поговорю и схожу переодеться, – ответила Миранда.
- Замуж еще не собралась? – поинтересовалась Вероника.
- Начинается, – с напускным страданием закатила глаза Миранда. – Скажи лучше, чего это твой малой помидоры цветами называет?
- А у него все, что зеленое и меньше куста, все цветы. И лук, и петрушка, и редис даже, и морковь – из-за верхушек. Говорит, что там, в земле – редис, а здесь, сверху, зеленая часть – цветы. И не переубедишь его. Весь в Толика пошел. Упрямый как сто чертей.
- Он вроде к тебе бежал. Не добежал? – усмехнулась Миранда.
- Добежал, – улыбнулась Вероника. – За ящиками прячется. Подслушивает. Боится, что я про него ябедничать начну.
- А есть повод? – усмехнулась Миранда.
- С нашим Лёшенькой повод всегда есть, – уклончиво ответила Вероника. – Даже Жуже от него досталось. Так что вы с ним поаккуратней. Важные личные вещи прячьте понадежней. Он вчера дедову сберегательную книжку "почитал". Теперь не знаем, как восстановить.
- Леша выбежал из-за ящиков с рассадой и вцепился в ногу Вероники, с укором на нее глядя.
- Я просто предупреждаю, – объяснила ему она. – Чтоб потом на тебя не жаловались.
- Пойду переоденусь, – усмехнулась Миранда, – и приду тебе помочь.
- Давай. А то скоро на поле пойдем все вместе, – ответила Вероника. – Лешку с собой возьми. Пусть к тебе привыкает. Дай тете Миранде руку, – велела она сыну.
- Какая я тетя?! – возмутилась Миранда. – Лучше просто Миранда.
- Все, смиришься, – сказала Вероника. – Тетя – значит тетя. Пусть привыкает более уважительно относиться к старшим.
- Как скажете, товарищ генерал, – пошутила Миранда. – Лешка, давай руку. Я не кусаюсь.
- Миранда протянула руку мальчишке, он схватил ее обеими руками и вцепился зубами чуть ниже локтя.
- Аааа, – заверезжала от неожиданности Миранда, – ты чего?! – и с трудом вырвала руку.
- Вероника тут же подскочила к сыну и грязной рукой сильно шлепнула ему по клетчатым шортам сзади.
- Ты что творишь?! – отчитывала она мальчугана. – Тебя опять наказать? Колени уже не болят?
- Нет, – насупил Лешка. – Ёся басей! – выкрикнул он и помчался к дому.
- Уж прости, – развела руками Вероника. – Он у нас неуправляемый совсем.
- Надо его Витьке поручить. Он на психологический собрался. Пусть практикуется, – с улыбкой ответила Миранда.
- Сильно укусил? – пыталась рассмотреть след от укуса на руке Миранды Вероника.

- Нормально так, – продолжала улыбаться Миранда. – Зубы хорошие у него. Не волнуйся, скоро пройдет. Буду с твоим малым настороже. Толик приедет сегодня?
- Нет, он в рейсе, – погрузнев, ответила Вероника.
- Пойду с остальными поздороваюсь, переоденусь и к тебе приду, – сказала Миранда.
- Хорошо, – ответила Вероника и вернулась к рассаде.

Глава 18.

Поздоровавшись с дедом Мишей, бабушкой Надей и дядей Иваном, Миранда быстро переделалась и ушла часа на полтора помогать Веронике в теплице. За это время Миранда наслушалась о последних проделках своего двоюродного племянника Лёши и узнала, что десятилетняя сестра его, Даша, бегает где-то с деревенскими ребятами и наотрез отказывается помогать маме и присматривать за младшим братом.

– Не знаю, что с ними двумя делать, – сетовала Вероника. – Толик дома почти не бывает. Когда из рейса приезжает, так у него всё какие-то дела в городе с мужиками, или машину нужно срочно чинить, или к родителям съездить помочь. Мы с детьми его и не видим почти. Они скучают очень. Но мне кажется, он просто не знает, что с ними делать. Говорит: «Вот Лёшка подрастёт, я его всему научу, а пока мне с ним в игры играть неинтересно». А с девочками он никогда общий язык не находил.

– Витька сказал бы, что это недостаток отцовского внимания так на детях сказывается, – усмехнулась Миранда.

– Да я и сама это понимаю, но что поделать, – вздыхала Вероника.

– А с дедом и прадедом они как? Лёшка их слушается? – спросила Миранда, не отрываясь от рассады помидоров.

– Бойтся, – ответила Вероника. – Как нашкодит, убегает в дальний сарай, прячется там. Или на чердак норовит залезть. Раз чуть не свалился с лестницы, так на дверь замок повесили. Вчера в будку к Жуже залез, после того как эксперименты над дедовой сберкнижкой провёл. Прятал там следы своих преступлений, а Жужа возьми да и притяни деду покровсанную сберкнижку. Он руку поднять на неё не посмел, увидев испуг в её глазах, ругал страааашно, на весь двор кричал: «Я тебя накажу! Я тебя накажу! На одной воде неделю сидеть будешь!». Лёшка мой не выдержал, дед рассказывал, из будки вдруг выбежал, Жужу загородил собой, посмотрел на деда Мишу так сердито, исподлобья и заявил: «Ёсю на оду сяди!».

Когда выяснилось, что это он над книжкой поработал, у деда сердце прихватило. Правнука отчитывать он уже не стал, видя, как тот за собаку заступился. Ушёл, лёг и не разговаривал ни с кем до сегодняшнего утра. Лёшка мой очень рисовать любит. Но альбом его, видите ли, не устраивает. Ему в записных книжках чужих нравится рисовать, на газетах, в календаре там в доме художества его увидишь, – перечисляла Вероника.

– Творческий ребенок, – с улыбкой прокомментировала Миранда.

– Точно! Спасу нет, – подтвердила Вероника.

– Трудитесь? – раздался веселый голос Виктора, и в двери теплицы показался он сам.

– Конечно! – весело ответила Вероника. – Привет, братишка!

– Привет, – ответил Виктор.

– А ты, небось, лоботрясничал, – предположила Миранда.

– Никак нет, – ответствовал Виктор. – Трудился не покладая рук. Перебирал и подготавливал картофель для посадки, – деловым тоном докладывал он. – К работе всё готово, но руководство велит трудовым массам перед трудовым забегом подкрепиться. Или, проще говоря, есть зовут. Заканчивайте здесь, а то всё без вас съедят, а для Миранды это смерти подобно, – хохотнул Виктор.

– Чем-то вкусным кормить будут? – поинтересовалась Миранда.

– Никак нет, – снова дурачился Виктор. – Яичница на сале! – торжественно провозгласил он.

– Фууууу! – не удержалась Миранда.

– Так точно! Фуууу! – поддержал её Виктор.

– Не любите яичницу? – весело спросила Вероника.

– Нет, сало! – в один голос ответили Миранда и Виктор.

– Ничего другого не предложат, не надейтесь, – усмехнулась Вероника. – Идёмте руки мыть.

– Надеюсь, хлеб у них есть, – рассуждала Миранда.

– А я на лук надеюсь, – горевал вместе с ней Виктор.

В доме в самой большой комнате посередине поставили простой фанерный стол и две лавки по сторонам. На столе на деревянной подставке стояла большая чугунная, черная от долгого и частого использования сковорода, в которой еще скворчало пережаренное пузатыми ломтиками сало в окружении не до конца прожаренной глазуньи. Рядом со сковородой был нарезанный большими ломтями круглый чёрный хлеб и целая горка бело-зеленых луковых перьев, на которых еще не просохли капельки воды. Несколько вилок лежали с другой стороны сковороды.

За стол еще никто не сел. Все ждали деда Мишу. В семье было заведено правило, что первым за стол садятся самые старшие.

В стороне от стола, возле небольшого низкого кресла с деревянными подлокотниками стоял деревянный табурет с тарелкой вареной картошки и двумя котлетами.

– А картошка только для Лёшки? – попытался занять Виктор, обращаясь к бабушке Наде.

– Нет, еще Дашке осталась, – ответила та. – Дети такую яичницу не любят.

– Я тоже дети и тоже такую яичницу не люблю, – ныл Виктор.

– Мне доподлинно известно, что ты, внучок, уже не «дети», – насмешливо ответила ему бабушка.

– Кто бреется, тот мужественно ест жареное сало! – с сочувствием в голосе сказала Вероника. – Я пойду детей позову.

– А я не бреюсь! – с надеждой в голосе воскликнула Миранда. – Можно я тоже сало не буду? Ну, пожалуйста. Меня тошнит с утра. А мне еще в поле работать.

– Пусть яичницу с хлебом поест, да и всё, – вступилась за Миранду Лариса Фёдоровна, накладывая вторую тарелку картошки с котлетами, видимо, для Даши.

– Можно, – улыбалась бабушка.

В комнату шумной толпой зашли мужчины. Дед Миша нёс на руках довольного, но совершенно мокрого Лёшку. Следом с полотенцем в руках и чистой детской одеждой вбежала Вероника. Торопливо стала снимать мокрую майку с сына и вытирать его всего. Затем сняла грязные мокрые шорты, трусики, замотала его всего в полотенце и, забрав себе на руки, понесла к креслу.

– Сидел в палисаднике за кустом сирени и самозабвенно душил лягушку, – рассказывал дед Миша. – Я ему говорю: «Отпусти! Ей больно». А он мне в ответ: «Неть!». И всё тут! Я ему: «Отпусти, говорю!». А он мне своё «Неть!». И давит, и давит её. Ну, я взял ведро с водой, да и окатил его с ног до головы. Он сперва испугался, рот открыл, глазами моргает, руки разжал, лягушка, бедная, упала и лежит. А он встал, смотрит на меня, говорит: «Деда! Деда!». Я его спрашиваю: «Ещё хочешь?». Он: «Ага!». Ну я на него еще два ведра вылил. Там в бочке теплая вода, на солнце настоялась. Вот мы уже повеселились, – хохотал дед Миша. – Лягушка, правда, видно, этого не пережила.

Все рассмеялись, долго комментировали то, какой прекрасный у них в семье ребенок. Потом порадовались пришедшей Даше, чтобы ей было не обидно. И сели перекусить перед работой.

Миранда, отломив от большого ломтя небольшой кусок хлеба, макала его в непрожаренное яйцо и с удовольствием ела, поглядывая на страдающего Виктора. Тот старательно заедал яичницу с салом перьями лука и тоже топтал в себя побольше хлеба.

– Смотри, не подавись, – толкнула его локтем в бок Миранда.

Виктор только активно жевал в ответ.

Быстро перекусив, Миранда, впечатленная рассказом деда, решила воспользоваться тем, что все еще едят. Предполагая, что в деревне ей особо некогда будет заниматься писательством, она прихватила с собой только маленький блокнот. И вот она достала из своей сумки его и карандаш, отошла в дальнюю спальню и поспешно зачертила буквы по бумаге.

«Когда и Грэг вернулся в палатку, они быстро устроились, и вскоре вновь зазвучали храп Хельги, вздохи Мелины и ёрзанья Эдвина.

Грэгу не спалось. Он вспоминал слова Хельги о большой и лохматой собаке. Большой и лохматой, как он сам. Она не могла знать о Снежке, но попала в самую точку. Именно такая собака была у Грэга в детстве.

На пятилетие ему подарили маленький белый комочек с очень добрыми глазами. Грэг был невероятно счастлив. Они тогда всей семьей жили в большом доме. Огороженного участка вокруг дома, где мог бы гулять пёс, не было, но совсем рядом был Булонский лес, в котором было особенно приятно резвиться с собакой.

Когда Снежок подрос, он превратился в белую лохматую громадину, пиренейского мастифа, и прежнее имя ему уже не подходило. Так Снежок (snöboll по-шведски) превратился в Сугроб (snödriva – по-шведски).

Старшие сестры Грэга тоже любили Снежка, но не так, как Грэг. У него с собакой была невероятная дружба. Может быть, потому что подарили его всё-таки Грэгу, и коробка, а потом одеяло Снежка долго находились рядом с кроватью Грэга. Картонная коробка быстро разломалась. Одеяло постоянно сбивалось и сворачивалось, приходилось его расправлять и заново складывать. Снежок очень любил класть лапы и морду на кровать Грэга, когда тот что-то читал или просто спал. Проснётся утром, а под рукой морда Снежка. Он был большой доброй собакой, которая всегда была рада поиграть, но в случае чего, могла и защитить.

Грэгу вспомнился случай, когда во время прогулки они набрали на компанию подвыпивших молодых людей. Те стали смеяться с забавной шапки Грэга. Она была связана колпаком, в бело-красную полоску. Это был подарок бабушки. Грэг тогда был совсем ребенком, и эта шапка ему очень нравилась, хотя, недавно обнаружив её среди старых вещей, Грэг удивился тому, что носил такое. Вот и этим переросшим мальчишкам его шапка показалась слишком забавной. Они стали задирать Грэга, дёргали за кончик колпака, смешно свисавший на бок, дразнили Грэга и смеялись. Не давали пройти. Добрый, ласковый, хоть и огромный мастиф сначала не внушал никому опасений, только рычал и прыгал вокруг, а потом всем Сугробом стал лаять и набрасываться на обидчиков Грэга. Одному порвал карман, вцепившись в него зубами, чем здорово напугал весельчаков. Они присмирели и пропустили Грэга с Сугробом.

Когда Грэгу было семнадцать лет, он уехал на лето в учебный лагерь. Из дома ему писали, но о самом главном не рассказали. Снежок во время дальней прогулки с одной из сестер Грэга свалился в холодную реку вместе с кавалером хозяйки, который стал баловаться с большим псом и не рассчитал свои силы. Сестра Грэга обратилась за помощью к прохожим. Парня постарались вытащить побыстрее. Снежок всё это время барахтался в холодной воде. Его с трудом смогли достать, уже уставшего и замерзшего. Потом долго везли домой, беспокоясь больше о человеке, чем о собаке. Ветеринару показали только на следующий день. Около недели Снежок болел, потом казалось, что пошёл на поправку, но однажды утром его нашли в комнате Грэга. Снежок положил лапы и морду около подушки, уснул и уже не проснулся.

Грэг еще долго хранил у себя в нижнем отсеке шкафа старое, постиранное, но совсем ветхое одеяло Снежка, и не позволял выбрасывать его. Брал иногда с собой на прогулки в лес. Садился на траву – на расстеленное одеяло и представлял, что Снежок где-то сейчас резвится рядом. Они просто давно не виделись и очень соскучились друг по другу.

С этими мыслями, коротким движением руки смахнув невольно выступившие слёзы, Грэг и уснул.»

Дописав, Миранда вернула на место блокнот и карандаш, положила сумку повыше на полку в отведенной им спальне и поспешила нагонять остальных, уже вышедших со двора вслед за возом с мешками картошки.

Телегу, коня и плуг дед Миша одолжил у родни покойной тёти Нины, жены дяди Ивана. И сейчас на телеге ехал только он и маленький Лёша, сидящий на коленях у своего прадеда. Ехать было недалеко, и все остальные не спеша дошли до участка поля, который предстояло засадить картофелем.

Дед Миша руководил процессом. Распряг коня из телеги и запряг его в плуг. За плугом стал дядька Иван, а дед Миша направлял коня. Александр Михайлович с Виктором пересыпали картофель из мешков на телеге в плетеные корзинки и разносили женщинам: бабушке Наде, Ларисе Фёдоровне, Веронике и Миранде.

Был ещё Лёшка, который наотрез отказывался подчиняться своей маме, однако бабушка Надя сумела с ним договориться, пообещав что-то вкусненькое, что достанется только ему, и он очень старательно и усердно помогал ей сажать картофель, изредка поднимая своё выпачканное лицо и спрашивая:

– Так? Сюда? – а потом добавлял: – Ёся басёй! Ёся адец!

– Молодец! – подтверждала бабушка Надя.

Они медленней других засаживали свои ряды, поэтому им тихонько помогал кто-то из мужчин, чтобы малыш не чувствовал, что они с его прабабушкой отстают от остальных.

И вот, пока дядька Иван аккуратно распахивал землю плугом, отец и брат носили корзины с картошкой, бабушка, мама и сестра сажали небольшие клубни в землю, Лёшка оповещал все окрестности о том, что он уже большой, а дед Миша зорко за всем следил и изредка улыбался выкрикам правнука, Миранда, выполняя рутинную работу по посадке, ушла куда-то в свой мир.

В её тексте Грэг спокойно уснул, а перед её мысленным взором он смотрел на Миранду благодарно и даже ласково, играл со Снежком, бегал с ним наперегонки. Он был то совсем маленьким мальчиком, сидящим на ступенях лестницы и отбирающим у собаки колючий резиновый мяч, который та крепко держала зубами, то почти юношей, плавающим в речке вместе с активно перебирающим лапами в воде псом.

Грэг проживал прекрасные минуты и даже часы своего детства. И Миранда проживала их вместе с Грэгом. Он был очень благодарен ей за то, что ему не нужно терзаться мыслями про Ольгу или быть запертым в тесной палатке с другими, шумно спящими людьми. Он наслаждался жизнью. Своей жизнью. А Миранда наслаждалась сразу двумя: и за себя, и за Грэга.

Миранда не испытывала восторга от посадки картофеля, но ей нравилось чувствовать себя частью большой трудолюбивой семьи. Даша, старшая дочь Вероники отказалась помогать старшим и убежала гулять с подружками. Миранда её очень хорошо понимала, и была согласна с бабушкой, которая отстаивала право ребенка быть ребенком, когда вокруг достаточно взрослых, способных выполнить нужную работу. Она очень радовалась, что смогла заменить Даше и Лёше их бабушку, умершую еще до замужества Вероники от банального воспаления лёгких. Уже почти готовясь к выписке, она вдруг почувствовала себя хуже, возникли проблемы в работе сердца, и её муж стал вдовцом. Прошло уже пятнадцать лет, а дядька Иван так и не женился. Стал хмурым, строгим и немногословным. Появление внуков не смягчило его характер, поэтому бабушка Надя и дед Миша старались дать правнукам те любовь и заботу, которые не мог дать своим внукам их сын.

Глава 19.

Работа спорилась и спустя часа два дядька Иван прошёл плугом последний ряд, закрывая посаженный картофель.

Дед Миша снова перезапряг коня. На телегу сгрузили пустые корзины, расселись сами, устав после плодотворной работы. И быстро доехали домой.

Миранда, ополоснув руки под колонкой, стоящей во дворе, не переодеваясь, пошла к Жуже и долго играла с ней, гладила и бегала наперегонки по двору. Ей захотелось самой, вживую, а не только мысленно, испытать то, что показал и дал почувствовать ей Грэг.

Запыхавшись, она присела на крыльцо. Жужжа положила свою морду на колени Миранде и часто дышала, высунув язык. Все взрослые разбрелись кто куда. А к Миранде подошёл Лёшка и стал хвастаться каким-то угловатым рисунком на маленьком листке в клетку.

– Ёся лисяваль! – протянул он Миранде почти под нос листок. – Ёся адец!

– Одеть? – удивилась Миранда и посмотрела вопросительно.

Было заметно, что мальчик чего-то ждёт.

– А! Молодец! – догадалась Миранда. – Конечно! Очень красиво! – решила польстить она маленькому художнику, желая расположить к себе проказливого и кусающегося мальчугана.

– Асива! – расплылся в улыбке Лёша.

Потом выхватил из рук Миранды листок и убежал. Через минуты две вернулся и протянул еще один такой же листок, но уже с другим рисунком.

– Асива? – требовательно спросил Лёша.

Миранда всмотрелась в резкие линии на листке. В них смутно угадывались очертания домика.

– Ты нарисовал домик! – обрадовано воскликнула Миранда. – Очень красиво! Молодец!

И этот листок постигла та же участь: нещадно комкая его, Лёша выхватил рисунок и убежал. Миранде стало уже интересно, чем всё это закончится, она сидела на крыльце и гладила Жужу. Спустя минуты четыре снова прибежал Лёшка. В руках у него было сразу два листка. Он соединил их и показал Миранде.

– Вот! – горделиво заявил он. – Ёся вот такой адец! – и он развёл свои маленькие ручки в стороны, насколько мог.

Миранда взяла из его рук листы, сложила их и рассмотрела очень условное изображение пушки.

– Это пушка! – радуясь своей смекалке больше, чем рисунку двоюродного племянника, воскликнула Миранда.

– Асива? – требовательно спросил Лёшка.

– Красиво! – подтвердила Миранда.

Мальш снова убежал, однако вернулся почти тут же, но уже с карандашами в руках.

– Исюй! – протянул он Миранде разноцветные карандаши.

– погоди, Жужа, – высвободилась Миранда от собачьей морды на своих ногах.

Перевернув листок, Миранда разгладила его, положив на дощатый пол крыльца.

– Что же тебе нарисовать? – спросила она у Лёши.

– Дом! – потребовал он.

– Хорошо, – согласилась Миранда. – Будет тебе дом.

Спустя минуту на листе красовался ровненький домик, нарисованный чётко по клеточкам. У него имелись окна, дверь, печная труба на крыше и даже дымок из этой трубы. Она хотела пририсовать еще и дерево рядом, но Лёша перевернул перед ней другой листок и скормандовал:

– Исюй!

Но вместо рисунка на листе у Миранды на лице нарисовалось ярко выраженное недоумение и немой вопрос. На обратной стороне листа были последние две строчки сделанных ею записей про Грэга и его собаку.

– Ты где это взял? – спросила у мальчугана ошалевшая Миранда, в чей голос еще не добралась интонация угрозы.

– Там, – ткнул пальцем Лёшка в направлении двери в дом.

– В моей сумке? – угроза в голосе Миранды вырвалась наружу.

Лёшка одними глазами выразил испуг и побежал в огород, видимо, прятаться в дальнем сарае, как предположила Миранда.

– Где остальное? – только и успела крикнуть ему вслед Миранда.

Она поспешно встала, прошла в спальню и обнаружила валяющейся на кровати свою распотрошенную сумочку, а на тумбочке и под тумбочкой скомканные листы из блокнота. Они были вырваны все. Картонная обложка блокнота была порвана, как и один или два листка.

Миранда стала собирать листы, аккуратно разравнивая те, что были с текстом. Обрадовалась, что на порванных листах записей не оказалось. Собрала мятой худой стопочкой выбранные листочки и попыталась сложить их в той последовательности, в которой писался текст.

Одного листка не хватало.

Миранда осмотрелась. Заглянула под кровать и за тумбочку. Перетряхнула покрывало, которым была накрыта кровать. Нигде в комнате недостающего листка не было.

Она попыталась вспомнить, что было написано в недостающей части, надеясь, что сможет восстановить потерянное, но, видимо, из-за огорчения и негодования ничего не могла вспомнить.

Она сложила свои вещи обратно в сумку. Прошла в большую комнату, где стоял книжный шкаф, нашла маленький томик стихов Есенина, вложила между страниц книжки свои блокнотные листы и отправилась на поиски Лёшки.

В дальнем сарае она его не нашла. Или его там не было, или он очень хорошо спрятался. Она звала его, обещала, что ему ничего не будет, заверяла, что он хороший мальчик и что ей только нужен последний листик из блокнота, но ответом ей было молчание. Тогда она обошла остальные сараи, заглянула в окошко бани, закрытой на замок, чего не было раньше. «Видимо, пронырливый Лёшка уже и в бане что-то утворил», – подумала Миранда.

В теплице его тоже не оказалось, как и в палисаднике, и на чердаке. Миранда даже в будку к Жуже заглянула, чем вызвала её то ли удивление, то ли восторг. Жужа неистово махала хвостом и тоже лезла в будку, а потом двумя лапами прыгала на спину Миранды.

Лёшки нигде не было. Миранда вернулась в дом.

– Что ты ищешь? – спросила её мама.

– Лёшку, – вглядываясь в каждый угол и заглядывая за каждую занавеску, ответила Миранда. – Или блокнотный лист бумаги. Второе даже больше.

– Зачем тебе? – удивилась мама.

– Надо, – уклончиво ответила Миранда. – Он мне очень нужен.

– Целый? – задала странный вопрос Лариса Фёдоровна.

Миранда настороженно посмотрела в ответ, смутно подозревая, что вопрос таит в себе какую-то неприятность.

– А ты видела где-то не целый листок из блокнота? – осторожно спросила Миранда.

– В лотке у Ксюши какие-то бумажки валяются, – без осознания важности момента ответила Лариса Фёдоровна.

– Какой Ксюши? – не поняла Миранда.

– Ксюша – кошка Вероники. Она в квартире привыкла ходить в лоток. Они на выходные берут её с собой в деревню, потому что в городе за ней смотреть некому. И лоток с собой берут,

потому что свои дела она делает исключительно в свой лоток. Ни травку, ни другие коробки не признаёт.

– И где этот лоток? – спросила, стараясь сохранять самообладание и надеясь, что там окажутся не имеющие к её блокноту никакого отношения бумажки, Миранда.

– Да там, в сенцах. В углу, – махнула рукой мама.

– Спасибо, – ответила ей Миранда и с обреченным видом метнулась в сени.

В кошачьем, уже несвежем лотке, вперемежку с мокрым песком лежали порванные на мелкие кусочки остатки того, что еще в полдень было блокнотным листком. Миранда, преодолевая брезгливость, достала все кусочки, сложила их в стопочку, зажала кончиками двух пальцев. Сходила в комнату и взяла чистый блокнотный лист, карандаш и устроилась на полу.

Минут десять ей понадобилось на то, чтобы из кусочков восстановить бесценный текст, а потом переписать его на новый лист. После этого она собрала противно пахнувшие бумажки и выбросила их, помыла руки. А восстановленный лист добавила к остальным и сборник стихов Есенина спрятала среди своей одежды, надеясь, что вездесущий Лёшка его здесь не найдет. Но потом передумала, переделалась в чистый спортивный костюм, прошла на кухню, где занималась ужином бабушка Надя, и спросила у неё, где взять ключ от двери в спальню.

– Зачем тебе? – удивилась бабушка.

– От одного чумазого оглоеда спасаюсь, – туманно пояснила Миранда.

– Это не поможет, – усмехнувшись, ответила бабушка. – Чем дальше прячешь, тем быстрее найдет. Закрой комнату, и он не успокоится, пока не попадёт туда и не учинит что-то пострашнее атомной войны. Поэтому лучше не рисковать.

– Понятно, – вздохнула Миранда. – Помочь на стол накрыть? Что вы приготовили?

– Будет борщ и бабка, – ответила бабушка. – Накрывай, да. Сейчас я зелень порежу. Скоро все за стол соберутся.

На это раз в центре большой комнаты разложили стол-книжку, чтоб разместить на нём чугунки с борщом и бабкой, свежую зелень – перья лука лежали снова небольшой горкой, а нарезанная зелень в блюдах по краям стола, в центре был нарезанный опять же большими ломтями черный хлеб и стояла пол-литровая баночка домашней сметаны.

Ели все с аппетитом и шумно переговаривались. Лёшка сидел на руках у бабушки Нади и с вызовом поглядывал на Миранду, мол, видишь, я теперь вне зоны твоей досягаемости, ничего ты мне не сделаешь, и Миранда только улыбалась и подмигивала ему, решив, что безопаснее с этим мальчиком дружить, чем ссориться. Потому что он так и норовил стукнуть ногой сидящую рядом с ним старшую сестру. Даша в ответ толкала его в плечо, сердито смотрела и на осуждающие замечания мамы и прабабушки отвечала, что он первый её бьёт. В итоге их рассадили. И было видно, что Даша этому очень рада – она оказалась рядом с Мирандой, которую очень любила, а вот Лёшка уже не знал, куда направить свою разрушительную энергию, быстро поел, прыгнул с коленей прабабушки и куда-то убежал.

– Новую шкоду задумал, – прокомментировал дед Миша.

– Не иначе, – вздохнула Вероника. – Но, может, хоть поедем спокойно.

Миранда с аппетитом ела и борщ, заправив его сметаной и щедро посыпав свежей зеленью, закусывая это всё свежим хлебом, и бабку, пробуя её и со сметаной, и без. Поглядывала на Виктора, который за обе щеки уплетал перья лука так, что бабушке пришлось подложить их на стол ещё. Дед Миша, к неизменному удивлению Миранды, закусывал борщ зубчиками чеснока и даже не кривился.

Когда к Миранде пересела Даша, то они стали обсуждать учёбу в школе, деревенских друзей и проказы Лёшки. Миранда пообещала Даше, что будет спать вместе с ней на полу.

Когда все поели, мужчины вышли во двор продолжить беседу, Вероника куда-то ушла с Дашей, а Миранда осталась с бабушкой и мамой, чтобы помочь им убрать со стола и вымыть посуду. Справились они быстро.

– Мам, мы с Жужей на речку пойдём, – крикнул появившийся в дверях кухни Виктор.

– Чего орёшь так?! – с шутливым укором спросила бабушка. – Глухих нет.

– Аккуратно там смотрите! – серьезно сказала мама.

– Я с вами пойду, – обрадовалась Миранда. – Подождите меня.

– Зачем ты нам надо? – возмутился Виктор. – Нам с Жужей и без тебя хорошо. Сиди дома, кошек тискай.

– Я кошек не люблю, ты же знаешь, – напомнила Миранда. – А Жужа меня любит больше, чем тебя. Да и присмотреть за вами не помешает.

– Не помешает – это точно, – серьезно поддержала Миранду мама.

– Идите уже, – улыбалась бабушка. – Чтоб к бане домой вернулись. Живые!

– Мы с Жужей вернёмся! Обещаю! – торжественно пообещал Виктор. – А за эту художочную не ручаюсь, – указал он кивком головы на сестру. – Может, её ветром снесет. Нужно будет её к дереву привязать.

Миранда на это сорвала с плеча бабушки кухонное полотенце и стала лупить им смеющегося Виктора.

– Как хорошо, когда вы все приезжаете, – сказала бабушка, радостно и ласково глядя на внуков. – Жаль только, что редко.

– Скоро лето, Даша на каникулы к вам приедет, – сказала ей Лариса Фёдоровна. – А мы же все работаем, Витька учится еще, так что только в выходные выбраться можем. Да и ехать к вам долго.

– Я понимаю, – улыбалась бабушка.

Она забрала у Миранды протянутое ею полотенце, повесила его себе на плечо и продолжила вытирать вымытую посуду.

Вода в речке оказалась холодной для Миранды и бодрящей для Виктора и Жужы. Пока Миранда бродила на берегу, они несколько раз окунулись, бегали как оголтелые по кромке воды, брызгались холодными каплями на Миранду и однажды даже попытались затянуть её в воду. Жужа тянула Миранду за штанину спортивного костюма в холодную реку.

– Жужа, предательница! – шутливо ругалась на неё Миранда, отбиваясь от них с Виктором. – Вы мне костюм замочите, а мне переодеться будет не во что.

– Жужа, догоняй! – смилостивился над сестрой Виктор и побежал наперегонки с собакой вдоль берега.

Вернулись домой они все веселые и довольные, но уже во дворе заметили столпившихся на крыльце взрослых.

– Где этот паразит?! – кричал дядька Иван. – Пусть только попадетя мне в руки!

На крыльце и вокруг него были все, кроме Лёшки. В руках Вероники жалостливо мяукала трехмастная кошка, выкрашенная в ярко-голубой цвет.

– Что случилось? – спросила Миранда.

– Художник наш нашел в сарае остатки краски, которой я позавчера забор красил, и кошку свою раскрасил, – усмехаясь пояснил дед Миша. – наших двух кошек словить не смог. Они его шкодливый характер на себе уже испытали, теперь в руки ему не даются. А их квартирная Ксюша подвоха не ожидала. Теперь её керосином моют.

Даша сидела рядом с Вероникой на крыльце и плакала. Ксюшу она очень любила, и ей сейчас было очень жалко кошку. Миранда приобняла её за худые плечики и постаралась успокоить.

– Мы придумаем ему какую-нибудь страшную месть, – обещала ей Миранда.

– Лучше не надо, – всхлипывала Даша, – а то нас накажут. Кому от этого хорошо? Почему нельзя сдать его в какой-нибудь детский дом?! – рыдала обиженная Даша. – Пусть там с ним мучаются!

– Так нельзя говорить, Дашенька, – гладила по голове племянницу Миранда. – Он всё-таки твой брат. Это, пока маленький, он ужасный такой, а вырастет потом, станет таким же умным и красивым, как наш Витька. Да еще талантливым очень, прославится – и будем мы все им гордиться.

– Я не хочу, чтобы все им гордились! – рыдала пуще прежнего Даша. – Я хочу, чтобы мной гордились! Я тоже талантливая! Мне что, тоже кошку покрасить или деньги из бабушкиного кошелька в палисаднике закопать, чтобы меня заметили и любили.

– Мы тебя очень любим, Дашенька, – забрала из рук растерявшейся Миранды правнучку бабушка Надя. – Иди ко мне, я тебе слёзы вытру, – и она сняла косынку с головы и её краем вытерла девочке мокрые глаза и щеки, а потом велела высморкаться.

– Лёшка у нас шалопай, – рассказывала ей бабушка Надя, – а ты у нас умница и красавица. Вон, как хорошо в школе учишься. И на баяне играешь. А косички у тебя какие красивые, – восхищалась бабушка. – И платье ты аккуратно носишь, ведь день где-то бегала, а не порвала и не выпачкала даже.

– Я выпачкала, вот здесь, немножко, – показала Даша крохотное пятно, – когда борщ ела.

– Так оно незаметно совсем, – махнула ладошкой бабушка. – Мы тебя очень любим, правнучка, – обняла она Дашу. – И гордимся тобой! Просто тебя любить легче и приятнее, спокойно на душе от такой любви, потому она тихая. А Лёшку любить ой как трудно, – покачала головой из стороны в сторону бабушка. – Приходится кричать постоянно, чтоб до него дошло, что не надо так стараться, озорничать, что мы и так ему рады. Его хвалить больше надо, тогда он таким вредным не будет.

– За что же его хвалить? – возмущалась Даша.

Здесь бабушка ступевалась, не зная, что придумать.

– Надо похвалить его, – нашелся Виктор, всё это время, как и Миранда, внимательно слушающий беседу бабушки Нади с правнучкой, – за то, что он хорошо рисует, но объяснить, что на котках и других живых существах рисовать нельзя. Пусть лучше рисует на старых обоях, там остатки неиспользованные в сарае я видел. А книжки и кошек побережет.

– Вот сами ему и объясняйте, – буркнула Даша. – А я его за это хвалить не буду. Я тоже хорошо рисую. Еще лучше Лёшки.

– Так ты ему пример покажи. Возьми лист большой, нарисуй что-то красивое. Предложи ему с тобой вместе порисовать. Научи. Он только рад будет. Глядишь, и подружится, – предложила бабушка. – Обоев-то и правда, на всех хватит. Пойдём с тобой в сарай, найдем их, отрежем кусок, да и порисуешь до баньки. Мы потом выставку твоих рисунков во дворе устроим.

И бабушка Надя увела уже переставшую плакать Дашу.

– Кажется, мне не на психологический надо переводиться, а к бабушке нашей приехать пожить, чтоб ума-разума поднабраться, – почесал затылок Виктор.

– И мне тоже, – согласилась Миранда.

Тем временем Вероника и Лариса Фёдоровна отмыли кошку от краски, а дед Миша, дядька Иван и Александр Михайлович ушли готовиться к бане. Взяли мыльные принадлежности, тапки, веники, ковши, приготовленные полотенца и чистое бельё. Потом Витька притащил два ведра холодной воды из-под колонки и поставил их у дверей бани, чтобы мужчины могли обдаться после парилки.

Баня была небольшой. В ней было удобно мыться за раз двум людям. Первыми пошли дед Миша и дядька Иван. Потом Александр Михайлович с Витькой. Затем Лариса Фёдоровна с Мирандой, а завершали всё бабушка Надя с Вероникой и Дашей. Но перед ними в бане помыл найденного в кустах сирени Лёшку дед Миша, который пригрозил тому, что, если он добровольно не выйдет и не пойдёт сейчас же мыться, то дед собственноручно его в краску окунёт, а потом будет долго керосином отмывать, как Ксюшу, и Лёшке это точно не понравится.

После бани все пили ароматный чай с очень вкусными пирогами, которые напекла бабушка Надя, и вели долгие разговоры. Лёшка уснул на руках у Вероники, и вскоре она ушла с ним в отведенную для них спальню. Туда же чуть позже пришли и Миранда с Дашей. Им на полу было постелено уже старое, но очень толстое ватное одеяло, сверху обычное тонкое и застеленное простынёй. Лежала одна большая подушка и еще одно одеяло, уже вдвое в под-одеяльник. Лёшка крепко спал, Вероника куда-то вышла, а Дашка попросила Миранду спеть ей колыбельную.

– Ты же знаешь, я колыбельных уже и слов не помню, - отнекивалась Миранда, – только баю-бай да баю-бай.

– Так спой мне про ёжика, она мне очень нравится, – просила Даша, прижимаясь к Миранде.

– Хорошо, – согласилась Миранда и тихим голосом запела: – По роще осиновой, по роще малиновой на день рожденья к щенку шел ёжик резиновый, шёл и насвистывал дырочкой в правом боку. Ах, ели и ёлки, зачем вам иголки, разве волки вокруг? Как вам не стыдно? Ведь это обидно, когда оцетинился друг. По роще осиновой, по роще малиновой на день рожденья к щенку шёл ёжик резиновый, шёл и насвистывал дырочкой в правом боку...

Когда песня закончилась, Даша улыбалась во всё лицо и совершенно не собиралась засыпать.

– Я думала, что ты спишь давно, – упрекнула её Миранда, – а ты тут улыбаешься лежишь.

– Мне песенка эта очень нравится, – легла поудобней Даша.

– Мне она тоже нравится, но нам спать уже нужно, завтра дел много, – ответила Миранда.

– А я не могу уснуть, – елозила Даша. – Расскажи мне про малюток-медоваров.

– И ты обещаешь уснуть? – спросила Миранда.

– Я постараюсь, – пообещала Даша и чмокнула Миранду в щёку.

– Хорошо, – согласилась та, поцеловав Дашу в ответ, – Слушай.

И Миранда тихим и вкрадчивым голосом стала рассказывать старую красивую балладу о последних медоварах.

– Из вереска напиток

Забыв давным-давно.

А был он слаще меда,

Пьянее, чем вино.

В котлах его варили

И пили всей семьей

Малютки медовары

В пещерах под землей...

...

Правду сказал я, шотландцы:

От сына я ждал беды.

Не верю я в стойкость юных,

Не бреющих бороды,

А мне костёр не страшен.

Пускай со мной умрёт

Моя святая тайна,
Мой вересковый мёд.

На последних строчках баллады Даша уже крепко спала. Вскоре в спальню вернулась Вероника. Чтобы не будить уже спящих детей, Миранда решила не заводить разговор с Вероникой, пожелала ей только спокойной ночи и быстро уснула, укутанная древней тайной верескового мёда, окропленная брызгами солёных вод и обдуваемая вечными ветрами суровых гор. Мальчика из баллады ей очень хотелось спасти, и она придумала себе, что шотландский воин связал его не очень крепко. Мальчик, выброшенный в море, выпутался из веревок, выбрался на берег и остался жить, чтобы рассказать людям историю смерти своего отца.

Глава 20.

Миранда проснулась от ощущения, что с её пальцами на ногах что-то происходит. Даша спала рядом, забросив на Миранду и руку, и одну ногу, при этом раскрывшись, так что Миранда оказалась под двойным слоем одеяла и конечностями Даши. И при этом что-то не очень больно, но очень неприятно сжимало каждый её палец на левой ноге и вот уже три пальца на правой. Хуже всего было большому пальцу левой ноги. Еще минута, и оставшиеся пальцы правой постигла та же участь, что и их собратьев. Миранда пошевелила ногами и услышала, как что-то небольшое шлёпнулось на пол и засопело, потом аккуратно накрыло ноги Миранды и поползло под кровать, потом дверь в комнату открылась, захлопнулась, и за ней раздались торопливые шаги маленьких ног.

– Лёшка, – тихо выдохнула Миранда.

Она кое-как выбралась из объятий Даши, с трудом вытянула из-под неё одеяло и накрыла спящую девочку, уже заметив прищепки у себя на пальцах. Несколько секунд она любовалась зрелищем, шевеля пальцами ног и раздумывала, идти показывать кому-то художества Лёшки или нет.

– Творческий ребенок, – усмехнулась сама себе Миранда и, решив, что потерпит еще несколько минут в таком состоянии, встала, набросила халат и прошла на кухню.

Там сидели бабушка Надя, Лариса Фёдоровна и Вероника и пили чай с остатками вчерашнего пирога.

– Мне оставьте, – с порога, не пожелав доброго утра, сказала Миранда.

– Я тебе отложила, – с улыбкой ответила мама, кивнув в сторону подоконника, где стояла накрытая кухонным полотенцем тарелка. – Ты чего идешь так странно? Доброе утро.

– Доброе, ага, – усмехнулась Миранда. – Ковыляю похвастаться вам мужским вниманием.

И Миранда прошла к столу, демонстрируя оживившимся родственницам свои украшенные пальцы. Прищепки были разноцветными и разноразмерными. Смотрелось всё, действительно, красиво и забавно.

– Может, вам Лёшку в специальную школу для гениев отдать, – с усмешкой предложила Миранда Веронике. – Полюбовались? – обратилась она уже ко всем. – Можно снимать? А то пальцы болят.

– Подожди, – ответила Вероника и подскочила с места. – У папки фотоаппарат где-то лежит. Надо это сфотографировать, – и побежала куда-то в другие комнаты.

– Ноги она мои что ли фотографировать собралась, – хмыкнула Миранда.

– Красиво, ничего не скажешь, – с улыбкой похвалила проказы правнука бабушка Надя.

– Да, мне тоже нравится, – поддержала Лариса Фёдоровна, – но у тебя уже пальцы синеть начинают.

– Подожду еще минуту, раз мать гения попросила, – усмехнулась Миранда.

В кухню пришли Вероника, дед Миша и заспанный дядька Иван с фотоаппаратом в руках.

– Что у вас тут за сенсация? – спросил он.

Потом увидел босые ноги Миранды, украшенные прищепками, и расхохотался.

– Внучок мой тебя так? – спросил он.

– А кто ж еще? – резонно заметил дед Миша.

– Снимай быстрее, – велела бабушка Надя сыну. – Пальцы синеют.

– А ну, сюда иди, – подозвал дядька Иван Миранду ближе к окну. – Чтоб лучше видно было. Вспышку долго искать придется. Я её от Лёшки куда-то хорошо спрятал.

И он сделал два снимка: в полный рост Миранду и только её ноги от щиколотки и ниже.

– Жаль, пленка чёрно-белая стоит, – посетовал он. – Не будет видна вся красота.

– Ничего, – успокоил дед Миша, – он потом карандашами разрисует.

И все засмеялись.

В дверях появилось личико Лёшки, на котором читалось любопытство и недоумение. Миранда взялась снимать прищепки и растирать пережатые пальцы.

– Иди сюда, проказник, – подозвала к себе Лёшку бабушка Надя. – Думал, тебя опять ругать будут, а все смеются?

– Ёся адець? – с сомнением в голосе спросил мальчуган, устроившись на руках у своей прабабушки.

– Нет, Лёша, – назидательно ответила ему Миранда, – на сей раз ты не молодец, потому что мне всё-таки больно, и лучше бы ты себе такую красоту сделал, но получилось, действительно, красиво. С этим приходится согласиться. Но нужно говорить ма-ла-дец! – по слогам произнесла Миранда.

– Ёся маядец! – насуплено настаивал Лёша.

– Вот, так лучше, – одобрила Миранда.

– Молодец, конечно, – погладила его по голове бабушка. – Мы Мирандочку с твоими прищепками даже сфотографировали. Вот такой ты молодец! Давай мы и тебе прицепим прищепки на пальчики, на ручки, на пример, а дедушка Ваня сфотографирует, а?

– Ещё пленку на этого обормота переводить, – фыркнул, улыбаясь, дядька Иван.

– Не переводить, а запечатлеть исторический момент, – вмешался дед Миша. – Давай, Лёшка, я тебе прищепки прикреплю. Показывай, какие куда.

Но Лёшка схватил прищепки и быстро прикрепил их все себе на пальцы ног, выставил их вперед себя, чуть не свалившись с табурета, на который его пересадила бабушка Надя, чтоб не попасть в кадр, и заявил:

– Атяфийуй!

Дядька Иван повернул внука к свету и сделал три кадра: серьезного внука, улыбающегося и почти падающего с табурета, но смеющегося во все молочные зубы.

– Давайте я уже вас всех вместе сниму, раз аппарат достал, – предложил дед Иван.

– Ой, нет, меня не надо, – стала отнекиваться бабушка Надя, – я не причёсана еще и в платье старом.

– Пусть молодежь снимается, – поддержала Лариса Фёдоровна, не желающая сетовать на свой внешний вид.

Миранда же и Вероника с удовольствием присоединились к Лёшке, а за ними сзади стал дед Миша, склонившись и обняв внучек.

Этот момент остался на плёнке и в памяти Миранды на долгие годы.

Виктор, проснувшись от шума голосов, заспанно тёр глаза, появившись в дверях уже переполненной кухни, и спросил недовольным тоном:

– Что вы расшумелись с утра?

– Ты всё самое интересное пропустил, – смеялась радостная Вероника. – И Дашка тоже. Вот уже сони!

– Что я пропустил? Чего вы смеётесь? – допытывался он.

Старшие мужчины вышли из кухни вместе с Ларисой Фёдоровной, которая пошла на двор посмотреть, не вернулся ли Александр Михайлович, захотевший с утра пройтись по деревне, поздороваться и переговорить с кем-то. Бабушка Надя взялась заваривать новую порцию чая, чтоб хватило на всех проснувшихся. А Лёшка сидел довольный на руках Вероники, пока та рассказывала, что он натворил.

– Нас даже сфотографировали, – хвасталась Миранда. – И пирог с вишней мне полагается теперь. Так что попрошу не претендовать.

– Ешь уже своё пирог, – милостиво позволил Виктор, – раз уж ты стала музой художника. Надо было тебе, Вероника, фамилию не менять и Лёшку назвать Виктором, как меня. Тогда был бы у нас в семье еще один Виктор Васнецов, великий художник.

– Мы слишком дальняя ему родня, – вмешалась бабушка, – чтоб его своей семьёй называть.

– Алексей Решетников – тоже хорошо звучит, – заметила Вероника.

– А второй Виктор Васнецов никому не нужен, – ущипнула брата за бок Миранда, – кроме сердобольных родственников.

– Это мы ещё посмотрим, – не согласился Виктор.

– Одевайтесь, завтракайте, да за работу беритесь, – проговорил появившийся в дверях кухни Александр Михайлович, а то вам всё веселье, а дело стоит.

– Хорошо, пап, сейчас, – ответил Виктор, а когда отец ушёл, добавил: – Вот, не человек, а кремень! И никакие детские шалости его не позабавят.

– Вот твои дети нашалят, тогда и позабавится, – ответила на это Вероника, подхватила на руки Лёшку, встала и прошла мимо Витьки. – Идём, сынок, ручки помоем, покушаем, и мама пойдет работать. А ты будешь хорошо себя вести. Договорились?

– Ёся басей, – уверял Веронику сын. – Ёся маядеть!

Миранда умылась, налила себе чашку чая, взяла тарелку с пирогом, позавтракала вместе с остальными, потом переделась в рабочую одежду, старую майку и обрезанные до колена спортивные штаны, и присоединилась к Веронике на огороде.

Мужчины тем временем латали прохудившуюся крышу одного из сараев, а бабушка Надя и мама Миранды мыли окна в доме. Только один раз бабушка заглянула на огород, попросив посеять в теплице между помидорами укроп по новому, придуманному ею методу. Нужно было сперва продавить в земле небольшое углубление дном пол-литровой баночки, затем насыпать туда семена укропа, прикрыть их землей, придавать уже с землей и оставить круглый след, чтобы было видно, где посеян укроп. В остальном она полностью доверяла любительнице огородных дел Веронике, с которой всё обсудила и согласовала накануне вечером. Даша, проснувшись, тоже позавтракала, с сожалением послушала рассказ о прищепках, хотела убежать играть с подружками, но по рекомендации прабабушки взяла большой отрезанный кусок обоев и позвала Лёшку вместе рисовать на свободной от рисунка стороне.

Все были при деле, и только Жужа металась то к одним, то к другим в надежде, что с ней поиграют, но её только покормили, погладили по спине несколько раз и один раз Лёшка посадил ей на спину заспавшуюся Ксюшу. На что уже никто, занятый своими делами, не обратил внимания.

Какое-то время Даша увлеченно рисовала, дважды подравшись с Лёшкой из-за карандашей и многократно спасая от него свой рисунок. Потом скрутила кусок обоев, оторвав брату ту часть, на которой располагались его каракули, и унесла с собой, побежав хвастаться своими рисунками друзьям. Лёшка слонялся по двору, ныл, что не может забраться на крышу сарая вместе с мужчинами, гонял по огороду чужих котов, пришедших навестить местных кошек, а заодно и посмотреть на приезжую, а потом скрылся в доме.

До обеда всё было тихо. Потом Лариса Фёдоровна позвала всех обедать. Они с бабушкой напекли толстых блинов из дрожжевого теста и сделали вкусную мачанку. Когда все сели за стол, Миранда набрала черпаком себе в пиалу мачанку, оторвала четвертину большого блина, обмакнула её в аппетитно пахнущую юшку, захватывая кусочки мяса и ловко увиливая от кусочков сала, и с удовольствием ела. В неё поместилось два больших блина и две пиалы мачанки.

Наевшись, она откинулась на спинку стула и погладила себя по округлившемуся животу.

– Миранда, у тебя в животике ребеночек? – спросила изумленная Даша, заприметив движение Миранды.

– Нет, – ответил за Миранду Виктор. – Пока у неё в животике только блины. Детям туда пробраться нелегко. Посмотри, какая она тощая. Где там ребенку разместиться?

– Так это у тебя блины? – удивленно трогала надутый живот Миранды Даша.

– Ой, не дави так, а то назад пойдут, – шутила Миранда.

И в этот момент к ней подбежал Лёшка и со всей дури стукнул кулаком по животу Миранды. Та от боли согнулась пополам, а Лёшка с криком выбежал из кухни. Вероника выбежала за ним следом. Обеспокоенная Лариса Федоровна спешно подхватила и подошла к дочке.

– Ты как? – спросила она, взяв Миранду за плечо.

Дашка сидела рядом, закрыв лицо руками по самые глаза. Бабушка Надя прикрыла рот полотенцем, не зная, что сказать и что делать.

– Ну, он у меня получит! – пообещал дядька Иван.

– Можно и я добавлю? – поинтересовался Александр Михайлович. – За дочь.

– Ой, вы еще всем скопом на дитя малое навалитесь, – пожурила их обретшая голос бабушка Надя.

– А ты и сейчас его защищать будешь, да, мама? – спросил у неё дядька Иван.

Миранда очень сожалела о съеденных блинах, о приезде в деревню и о существовании Лёшки на планете Земля. Минуты четыре сожалела, а потом ей стало легче.

– Можно я сама его прибую? – сдавленным голосом всё же смогла произнести она минут через пять.

– Предлагаю следующую казнь, – выступил с рациональным предложением находчивый Виктор. – Мы все будем держать этого изверга за руки и ноги, а Миранда будет его щекотать, а потом мы раскачаем его за руки и ноги и бросим в заросли крапивы, там в углу огорода, возле малины я такие видел.

– Давай мы сначала тебя в заросли крапивы бросим, – предложила в ответ бабушка Надя. – Я пойду с ним поговорю.

Минут двадцать ни бабушка Надя, ни Вероника с Лёшкой не возвращались. Дашка тоже пошла их искать. Миранда потихоньку приходила в себя, утешаемая Ларисой Фёдоровной. Мужчины обсуждали какие-то свои вопросы. Потом в дверях появились бабушка Надя за руку с насупленным Лёшкой. За их спинами виднелись Вероника и Дашка.

– Иди, – велела бабушка Надя Лёшке и подтолкнула его к Миранде.

Та инстинктивно вся сжалась и подтянула ноги к груди. Сидела она уже на диване.

Лёшка подошёл к ней, остановившись где-то в метре от неё и, шмыгая носом, сказал:

– Ана, ати. Я босе так е буду, – и убежал к бабушке Наде, уткнувшись лицом ей в бедро.

– То есть вы предлагаете не наказывать его, – прогудел дядька Иван, наблюдая всю эту сцену.

– Давайте голосовать, – предложил Виктор.

– Не надо голосовать, – вмешался дед Миша. – Иди-ка сюда, Алексей.

Лёшка с надеждой посмотрел на бабушку Надю, та согласно качнула ему головой. Он оторвался от её ноги и подошёл к прадеду.

– Ты понял, что сделал больно Мирандочке? – спросил дед у Лёшки. – Ты понял, что девочек бить нельзя, даже если эти девочки уже тети? И тем более в живот никогда девочек бить нельзя?

Лёшка только качал головой в ответ и всё больше хлюпал носом, а потом разрыдался, и всем сразу стало ужасно жалко Лёшку и совершенно не жалко Миранду. Даже Миранде стало стыдно за то, что из-за неё так искренне и горестно сотрясаются маленькие плечики и хрупкая спинка ребенка. Все разом простили Лёшку, только Даша осталась недовольна развязкой сюжета и ушла гулять на улицу, прихватив кусок блина для Жужи.

После благополучно закончившегося обеда семья Васнецовых младших стала собираться к отъезду, все пошли переодеваться в дорогу. Миранда уже переоделась, проверила, что томик стихов Есенина в полном порядке, листки с продолжением романа в целости и сохранности, когда к ней в комнату вошёл расстроенный Виктор.

– Этот лопоухий проныра мне рубашку порезал! – возмутился он. – Кто ему ножницы дал?

– Думаю, никто не дал, – только вздохнула Миранда, разглядывая растерзанную рубашку брата. – Наверное, он сам взял. Залез на верстак в сарае и висящие на гвоздике ножницы достал. Я их там сегодня утром видела. Чему ты удивляешься? Мне-то сегодня от него уже досталось.

– Перспективный мальчик, ничего не скажешь, – вздохнул Виктор. – Придется в город в спортивке возвращаться. В жару такую.

– У тебя же майка есть, – напомнила Миранда.

– На ней пятно. Не отстирывается, – ответил Виктор.

– А нужно, как я, брать сюда запасной комплект на все случаи жизни, – порекомендовала Миранда.

– Ага, и в сундуке его запираешь на случай приезда этого малолетнего террориста.

– Нет, – возразила Миранда, – в сундук опасно. Он стоит низко и замок ненадежный. Лучше на антресоли или сразу на чердак. До чердака он еще не добрался.

– Боюсь, через пару лет от него и на чердаке уже не спасешься, – посетовал Виктор. – Хорошо еще, что я клетчатую рубашку надел. Её не так жалко. Но обидно всё равно. И главное, ничего с этим шалопаем не сделаешь. Родители скажут, что лучше нужно было смотреть и за вещами своими, и за Лёшкой.

– Скажут, да, – подтвердила Миранда. – Может, у дяди Ивана рубашку одолжи.

– Он же в два раза меня шире, – возразил Виктор.

– Тогда можешь у Вероники майку затребовать, – хохотнула Миранда. – В качестве компенсации.

– Спасибо, сестрица, удружила, – буркнул Витька и вышел из комнаты.

Ему потом предложили какую-то старинного покроя, но хорошо сохранившуюся рубашку дядьки Ивана, оставшуюся еще с тех времен, когда он вернулся из армии. Она пришлась Виктору впору. Он расстегнул и закатал рукава, оставил расстегнутыми верхние пуговицы, запахнул ворот, заправил рубашку в брюки, посмотрел на себя в зеркало и сказал:

– Сойдёт.

– Для сельской местности, – подхватила Миранда.

– Хорошая рубашка, – настаивала бабушка Надя.

Лариса Фёдоровна только вздыхала, с укоризной посматривая на Лёшку, прячущегося за бабушкой Надей, хитро улыбающегося в ответ и понимающего, что он находится в самом надежном укрытии.

Все шумно распрощались. Миранда звала Веронику приезжать к ним в гости, только без Лёшки, а то их маленький городок этого нашествия Мамаея не выдержит. Дашу, наоборот, они все были бы рады видеть. Женщины на прощание долго обнимались и целовались, мужчины жали друг другу руки и обещали звонить. Жужа крутилась рядом и норовила испачкать чистую одежду своими грязными лапами. Ксюша мирно спала на крыльце, привлекая своим видом всклокоченного соседского кота.

Семья Миранды возвращалась в город, оставляя деревню и дальше жить своей жизнью.

Глава 21.

Нагруженные сумками со съестными припасами, собранными заботливой бабушкой Надей, Васнецовы вошли в подъезд и стали подниматься на свой этаж. Прямо на ступенях к ним на встречу поспешила соседка тётя Клава.

– Мирандочка, деточка, – взмолилось она, – тебе двадцать раз звонила твоя подруга Лена и очень просила, чтобы ты ей перезвонила, когда приедешь. Не сочти за труд, позвони ей прямо сейчас, а то я еще одного звонка от неё просто не выдержу, – на голове соседки возмущенно подрагивали бигуди под полупрозрачным шифоновым платком.

– Конечно, – ответила Миранда. – Витька, возьми мою сумку.

Отдав озадаченному брату сумку, Миранда поспешила за тётей Клавой, набрала номер Калымакиных и вскоре услышала голос Лениной мамы:

– Алло.

– Добрый вечер. Лену позовите, пожалуйста, – попросила Миранда.

– Это ты, Мирандочка, – узнала Миранду мама Лены. – Сейчас позову.

Через тридцать секунд трубка взорвалась требовательным дискантом Лены:

– Васнецова, я не поняла, мне что, на работу завтра возвращаться?

– Да, – подтвердила Миранда. – Только притворись обычным адекватным человеком. Сможешь?

– Ой, не знаю, – протянула Лена.

– Что ещё случилось? – со вздохом спросила Миранда.

– Завтра расскажу, – бросила Лена. – Да ты и сама увидишь, а потом я тебе всё расскажу, – путано объясняла Лена. – Но как быть с Облонским? Ему-то всего не расскажешь. Может, мне больничный взять?

– Ты заболела? – забеспокоилась Миранда.

– Не совсем, – ушла от ответа Лена. – Ладно, до завтра. А то мне некогда!

– Сперва соседей моих третируешь, а потом некогда тебе. Объясни мне всё! – потребовала Миранда.

– Не по телефону! – включила режим «конспирация» упрямая Лена.

– Ладно, – сдалась Миранда. – Что с тобой делать?! Завтра увидимся.

– Пока, – попрощалась Лена.

– До новой встречи, – сказала Миранда коротким гудкам в трубке.

Придя домой, она переделалась в домашнее, налила себе компот в чашку и села за печатную машинку. Достала из томика стихов Есенина уже немного разгладившиеся листки, положила их слева от печатной машинки, вставила чистый лист и перепечатала написанное в деревне. Отступила несколько строк и последовала сюжету, развернувшемуся перед ней, словно на киноленте.

«На следующее утро Мелина проснулась с жаром. Её лихорадило, на лбу выступил липкий пот, во всём теле была ноющая слабость.»

– Это никак не входило в наши планы, – комментировал происходящее Эдвин, обращаясь к Грэггу, когда они вышли из палатки, пока Хельга ухаживала за вдруг заболевшей Мелиной.

– Что ты ей такое вчера сказал, что она слегла с температурой? – невесело ухмыльнулся Грэг.

– Ничего такого не сказал, – оправдывался Эдвин. – Рассказал про Злату. Сказал, что в аспиранток не влюбляюсь. Для их же блага. И всё.

– Понятно, – протянул Грэг.

– Что тебе понятно? – начал сердиться Эдвин.

– Зря взял её с собой, – черкнул снег носком ботинка Грэг. – Надо сердечные дела в стандартных условиях обитания решать, а не на горных вершинах.

– Кто ж знал, что так получится? – то ли утешал Грэга, то ли оправдывался Эдвин.

– Никто не знал, – согласился Грэг.

– Мы пока не можем двигаться дальше, – сообщила вышедшая из палатки Хельга. – Я дала ей лекарства, но ей нельзя вставать. У неё сильный жар. Горло нормальное. Кашля нет. Хрипов в лёгких я не расслышала.

– У тебя стетоскоп с собой? – усмехнулся Эдвин.

– Уши у меня всегда с собой, – парировала Хельга. – И я ими неплохо слышу. Хотя, конечно, я не врач и стетоскопа у меня нет. Да и помочь ей здесь сейчас больше нечем. Жаропонижающее она приняла. Будем ждать.

– Это так некстати, – кипятился Эдвин.

– Имей хоть каплю сострадания к другу, – упрекнула его Хельга.

– Я бы рад, – ответил Эдвин. – Но я человек науки. А учёным нельзя страдать излишним состраданием.

– Излишним и страдать, действительно не надо, – согласилась Хельга. – А в зачаточном состоянии способность сочувствовать близнему иметь не помешает, – отчитала Хельга Эдвина. – Костер разожгите. Нужно выпить чая и позавтракать.

– Вот почему с этими жёнами всегда так трудно? – вопрошал всё окружающее пространство Эдвин.

– Думаю, именно с этими жёнами не труднее, чем со всеми другими, – не согласился Грэг. – Мелина не виновата, что заболела. Меня это тоже не радует, но я больше беспокоюсь о ней, чем о сорванном плане перехода.»

– Миранда! – раздался из кухни требовательный голос Ларисы Фёдоровны.

– Я занята! – крикнула в ответ Миранда.

– Что значит занята? – начинала сердиться мама. – Иди сюда!

– Чуть позже! – снова крикнула Миранда.

– Миранда Александровна, соизвольте пожаловать сюда. И немедленно! – скомандовала Лариса Фёдоровна.

Миранда знала, что после визитов в деревню, где ей приходится быть ласковой, выдержанной и внимательной невесткой, Ларисе Фёдоровне обязательно нужно проявить свой истинный характер и почувствовать собственную власть и авторитет среди домашних. Но сейчас Миранде было совершенно некстати становиться тем, кто эту власть и авторитет будет поддерживать, стараясь изо всех своих сил. Однако она встала и прошла на кухню, твёрдо намереваясь отстаивать своё право на приватное существование в тот момент, когда ей это очень нужно.

– Mam, не сейчас, – сказала она, войдя в кухню. – У меня тут важная сцена.

– Какая еще сцена?! – возмутилась Лариса Фёдоровна. – Только артистов мне в доме не хватало! Быстро иди в ванную и накрахмаль свою блузку.

– Мама, мне не нужна накрахмаленная блузка, – возразила Миранда. – Мне удобно в обычной.

– Нет, нужна, – настаивала мама. – Иди немедленно и накрахмаль её как следует.

– Мама, мне уже двадцать семь, и я вполне в состоянии принимать самостоятельные решения, нужно мне крахмалить вещи или нет, – отстаивала себя Миранда.

– Даже если тебе двадцать семь, нужно сохранить в себе уважение к старшему поколению в целом и к матери в частности, – кипятилась Лариса Фёдоровна, нещадно изминая и без того мягкое тесто.

– Отца в расчет можешь не брать, – подал голос Виктор, перебирающий гречку. – По части математических расчетов ты никогда на высокий бал не тянула.

– А ты, мелкий, за своё остроумие останешься без писчей бумаги на свой курсовой проект, – парировала Миранда.

– Это подло! Это низко и подло! – возразил Виктор.

– Тут кто-то про уважение к старшим говорил. Похоже, это только ко мне относится. На тебя не распространяется? – возмущалась Миранда.

– Семь лет – недостаточная разница в возрасте, чтобы проникнуться уважением, – хитро улыбнулся ей Виктор.

– Так, – вновь напомнила о себе Лариса Фёдоровна, – раз блузку крахмалить ты не хочешь, помоги мне пельменей налепить. Я как раз фарш почти накрутила и тесто подготовила.

– У тебя Витька уже в крепостных, зачем тебе я, ма-ам? – заканючила Миранда. – Я сейчас никак не могу.

– Витька гречку перебирает, – ответила мама.

– И отбываю свою повинность смиренно, – хохотнул Виктор. – К священнодействию с пельменями мужчин в нашей семье, как ты знаешь, не подпускают.

– Да я бы с радостью помогла, но не сейчас, – попыталась с другого бока зайти Миранда.

– Чем же это ты таким важным занята? – сердилась мама. – Всё работу свою печатаешь? На работе будешь работу печатать! Сейчас ты дома, член семьи, и должна помогать семье.

– Нет, это не работа, – добавила жалостливого тона в свой голос Миранда. – Это личное.

– Что еще за личное? Любовная переписка в письмах? Свиданий вам с Колькой мало? – недобро усмехалась Лариса Фёдоровна.

– Она роман пишет, – выдал Миранду Виктор. – Свой собственный. Настоящий.

– Правда? Роман? Исторический? Благородный? – искренне заинтересовалась мама.

Дело в том, что у Ларисы Фёдоровны была слабость к историческим романам.

– Удивительно! Это правда, доченька? – голос мамы обманчиво потеплел. Миранда несмело качнула головой и услышала: – Тогда, конечно-конечно.

Миранда, радостная, уже почти выбежала из кухни, но тут её остановил мамин ласковый голос:

– Но сперва с пельменями мне помоги, а то я одна с ними весь вечер возиться буду.

– Пусть Витька тебе поможет, – упрашивала маму Миранда.

– Он пусть гречку перебирает, – Лариса Фёдоровна была непреклонна.

– А зачем тебе сегодня гречка? – страдала Миранда.

– Замочу на завтра, – вытерла руки, покончив с фаршем, Лариса Фёдоровна. – Лепи.

Пришлось Миранде смириться и помочь матери лепить пельмени.

– Так и о чём же твой роман? – начала свои расспросы Лариса Фёдоровна.

– О людях, – уклончиво ответила Миранда, стараясь аккуратно, но быстро раскладывать фарш по вырезанным стаканом кусочкам тонкого теста и скрепляя его по краям.

– О героических людях? – медленней, но красивее соединяла края теста с фаршем внутри Лариса Фёдоровна.

– Пока у них не было возможности проявить героизм, но, возможно, придётся, – продолжала уклоняться от прямых ответов Миранда.

– А псевдоним ты себе брать будешь? – поинтересовался Виктор.

– Зачем ей псевдоним? – возмутилась мама. – У неё такое имя красивое. И фамилия.

– И отчество, – поддержала маму, усмехнувшись, Миранда.

– Вообще да, – согласился Виктор. Миранда Васнецова – хорошо звучит. Еще один человек нашу фамилию прославит, только теперь уже на литературном поприще.

– Васнецова Миранда Александровна звучит ещё лучше, – заметила довольная собой Лариса Фёдоровна.

– Лучше бы звучала Васнецова Марина или какая-нибудь Аглая, на худой конец. К имени Миранда просится какой-нибудь псевдоним. Например... – Виктор задумался, а потом выпалил: – Блюм! Миранда Блюм!

– Почему Блюм? Что это вообще такое? – не одобрила придумку брата Миранда.

– Понятие не имею, но словечко очень экстравагантное, – веселился Виктор.

– Скорее, нелепое, – не согласилась Миранда.

– Тогда тебе еще больше подходит, – дразнил её брат.

– Ты нарываешься, братец, – с угрозой в голосе сказала Миранда.

– Да я здесь причем? Все претензии к ма. Это она тебя так странно назвала, что к твоему имени только несуразные фамилии подходят. Мам, а ну признавайся, почему ты Мирку таким зверским именем обозвала. В легенду про вещий сон мы не верим. Тебя же не Олегом зовут.

– Тебе сегодня пельменей не достанется, острослов ты наш, – пригрозила мама.

– Чего вы меня все время шантажируете? Уже и слова нельзя сказать, – возмутился Виктор. – Эта твоя неправдоподобная версия, якобы оправдывающая твое временное умопомешательство, никого не обманула. Хотя женщины после родов... – Виктор замялся. – Какой с вас спрос?! Мне другое непонятно: как отец это допустил?

– Он же в отъезде был, – напомнила Миранда.

– Женщину одну оставлять в ответственные жизненные моменты опасно для всех последующих поколений, – глубокомысленно заявил Виктор. – Вот как ей, Миранде-Веранде личную жизнь устроить с такими-то паспортными данными? Пока что успехов нет, а уже и пенсия не за горами.

– Мам, можно я ему шваброй промеж лопаток тресну? – спросила Миранда, не отвлекаясь от пельменей.

– Нельзя, – ответила Лариса Фёдоровна. – Швабра у нас одна. Ты пельмени лепи и не отвлекайся.

– Мы что, на роту солдат пельмени лепим? – снова решила повозмущаться Миранда.

– Я половину в морозилку положу. На неделю хватит, – объяснила мама.

– Я категорически отказываюсь питаться всю неделю одними пельменями, – заявил Виктор.

– А ты, как самый болтливый, будешь питаться исключительно лозунгами партии, – ответила ему на это Лариса Фёдоровна. – Я тебя кормить категорически отказываюсь. И верни три рубля, что ты у меня из плаща стянул.

– Не стянул, а нашел, – возразил Виктор.

– Найденные в чужом плаще деньги принадлежат владельцу плаща, а не избранным его наследникам, – глубокомысленно заявила Миранда. – Мам, Витька гречку уже перебрал. Пусть он пельмени долепит. Мне очень нужно уйти. У меня там важное дело.

– Нет-нет-нет, – возразил Виктор. – Мавр сделал своё дело, мавр может отдыхать. Я всё! Но пасаран*, как говорится, и се ля ви**, – сказал Виктор и убежал из кухни.

– Ох уж этот мавр-полиглот, – пробурчала Миранда.

– Хороший мальчик, – улыбалась каким-то своим мыслям Лариса Фёдоровна.

Несколько минут они лепили пельмени молча. Из зала доносились звуки футбольного матча, который Александр Михайлович смотрел по телевизору.

– Слушай, мам, – обратилась Миранда к Ларисе Фёдоровне, – раз уж мы с тобой здесь одни, может, ты мне всё же расскажешь, почему у меня такое странное имя? Нездешнее совсем.

– А тебе это очень нужно знать? – засомневалась Лариса Фёдоровна.

– Ты меня попросила с пельменями помочь – я помогаю, – урезонивала маму Миранда. – Вот и ты на мой вопрос ответь. А то появятся у меня дети, начнут вопросы задавать, а я и не смогу им ничего внятного сказать.

– Ладно, – согласилась Лариса Фёдоровна, давно мечтающая о собственных внуках, – расскажу тебе. Только пусть это останется между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.